

ГОРБИ GORBY

№ 8

АПРЕЛЬ 2024

Crocus City Hall
22.03.2024

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

Андрей ГРАЧЕВ. **Ново-Огарево: процесс, который ушел.** стр. 4

«**Не уйти нам от обновления союзных начал.**» Политбюро 2 марта 1990 года. стр. 10

«**Нам нужна федерация с разной степенью свободы.**» Заседание Совета Федерации, 12 июня 1990 года. стр. 10

«**Я участвовать в похоронах Союза не буду!**» Совещание в Ореховой комнате по проблемам Союзного договора, 20 сентября 1991 года. стр. 12

«**Я сделаю все, чтобы сохранить Союз.**» Запись беседы М.С. Горбачева, Дж. Буша, Фелипе Гонсалеса (председателя правительства Испании) и короля Испании Хуана Карлоса, 29 октября 1991 года. стр. 13

«**Нет сомнений в необходимости сохранения Союза как сильного государства. Это в интересах и Испании, и ЕС, и всего Запада.**» Запись беседы М.С. Горбачева с председателем правительства Испании Ф. Гонсалесом, Мадрид, 30 октября 1991 года. стр. 18

«**Та команда такое натворит, что страна еще содрогнется и вздыбится.**» Горбачев о встрече с Ельциным и о судьбе Союза, 2 ноября 1991 года (запись Шахназарова). стр. 21

Юрий БАТУРИН. **Гонка со временем в условиях политической турбулентности.** Почему не удалось попытки превратить Союз в демократическое федеративное государство. Беседовал Андрей ЛИПСКИЙ. стр. 22

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Борис ВИШНЕВСКИЙ*. **Пораженные в правах.** Как «иноагенты» в России постепенно превратились в «лишенцев» и вот-вот превратятся во «врагов народа». стр. 30

Леонид НИКИТИНСКИЙ. **Кто и как гребет на судебных галерах.** Негативная лояльность — вот что отличает судебную бюрократию от «других правоохранительных органов». стр. 38

Рифмы: рубрика Александра АРХАНГЕЛЬСКОГО. **Прощай и здравствуй.** стр. 44

О чем думают в России: социологическая рубрика. **Великий пост и традиционные ценности.** стр. 48

* Признан Минюстом РФ «иноагентом».

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

Елена БЕЛЯЕВА. **Киберугрозыск.** Как российские власти научились контролировать интернет и почему шатдаун сейчас — вопрос нескольких минут. стр. 54

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

Василий ЖАРКОВ. **Мир беспоярности.** Какой международный порядок установится после текущего кризиса и возможен ли он в принципе? стр. 60

ДЕМИСТИФИКАЦИЯ

Никита ПЕТРОВ. **Четыре волны самотеррора.** Как палачи сами становились жертвами репрессий. стр. 64

Александр ПАНОВ. **«Охота на ведьм» по-американски.** Маккартизм: как и почему появился, что собой представлял, что успел натворить, как с ним вступили в схватку и в итоге одолели. стр. 72

Наталья ГРОМОВА. **Выбеженцы: Шкловский и другие.** О тех, кто все понимал, но выбрал жизнь в России. стр. 78

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

Виктор ЯРОШЕНКО. **Сергей Залыгин и его «Новый мир».** Заметки неглавного редактора. стр. 82

Рустем ВАХИТОВ. **Новоявленные «славянофилы» атакуют Институт философии.** Как «птенцы гнезда» Дугина решили спасти отечественную философию от тлетворного западного Просвещения. стр. 90

Кирилл ФОКИН. **Есть чему поучиться.** Как Запад критикует сам себя и почему этот опыт важен для России. стр. 96

Павел ПАЛАЖЧЕНКО. **Байки переводчиков.** стр. 100

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Андрей КОЛЕСНИКОВ (признан в РФ «иноагентом»). Главы из книги **«Попасть в переплет».** Предисловие Бориса МИНАЕВА. стр. 104

Майя КУЧЕРСКАЯ. **Прыжок из петли.** Обзор вышедших книг. стр. 112

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

Битва за Союз

КАК ГОРБАЧЕВ И ЕГО КОМАНДА ПЫТАЛИСЬ
ПРЕВРАТИТЬ УНИТАРНЫЙ СССР
В «ГИБКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ»

*Андрей**Грачев,**пресс-секретарь президента СССР*

Прорыв плотины

Среди новых фронтов, которые один за другим открывала перестройка, с начала 1991 года на первый план вышли национальные проблемы и взаимоотношения центра с союзными республиками. Как показывал советский опыт, сохранять в форме единого государства необъятное пространство, включавшее помимо России не только такие разнородные территории, как Прибалтика, Кавказ и Средняя Азия, но и, по существу, разные цивилизации, можно было, или продолжая сталинскую репрессивную политику, либо по-брежневски отдавая на откуп местным князьям целые республики и области, закрывая глаза на установленные в них феодальные порядки и коррупционные режимы. Горбачева не устраивало ни то, ни другое. Оставался курс на политическую реформу.

Общий процесс демократизации общественной жизни рано или поздно должен был затронуть основы, на которых было построено федеративное государство. На каком-то этапе декларативная модель советского федерализма должна была столкнуться с заложенным в ней изначально коренным противоречием между формально декларируемыми принципами и реальной практикой. Здание Советского Союза, покоившееся на двух опорах — утопии большевистского проекта и принуждении как основном способе его реализации, оказалось обреченным после того, как перестройка лишила его и того, и другого.

В разных регионах страны активизировались разнородные оппозиционные силы, намеренные воспользоваться ослаблением диктата центральной власти и обещаниями «радикальных перемен», доносившимися из Москвы и транслируемыми на всю страну по телевидению. Дополнительным стимулом для них неожиданно стали и прорывы во внешней политике, провозгласившей в соответствии с принципами нового политического мышления «право на выбор» народами своих социальных систем и политических моделей, что привело в 1989 году к лавине «бархатных революций» в странах Восточной Европы.

Ново-Огарево: процесс, который ушел

Именно в этом году, стараясь не отстать от своих соседей, политические лидеры и парламенты прибалтийских республик, воодушевленные принятым Верховным Советом СССР решением об аннулировании пакта Молотова—Риббентропа, открыто провозгласили своей целью полную независимость и выход из СССР.

Принципиальный отказ Горбачева использовать силу для вмешательства в процессы смены власти в странах Восточной Европы не мог не поощрить республиканских политиков к тому, чтобы постараться использовать окно возможностей, неожиданно открывшееся в Кремле.

До тех пор, пока очаги сепаратистских настроений или обострившихся межнациональных конфликтов были рассеяны по периферии союзного государства, даже фронда прибалтов не могла поставить под угрозу устойчивость Союза в целом. Действовала колоссальная историческая инерция российского имперского государства и привитые советской властью рефлексы послушания: центральное «светило» союзной «галактики» — Россия — продолжала играть роль исторического ядра и политического центра Союза. Однако после того, как руководство России, возглавив «парад суверенитетов», призвало остальные республики последовать за ней, угроза распада СССР, еще недавно выглядевшая немыслимой, превратилась в актуальную проблему.

После своего избрания в мае 1990 года на пост председателя российского парламента Борис Ельцин добился принятия Декларации о суверенитете Российской Федерации в рамках Советского Союза.

За этим последовала принятая в нарушение Конституции СССР резолюция, провозглашавшая верховенство республиканских законов над федеральными. Пример Российской Федерации вдохновил на принятие деклараций о суверенитете и некоторые другие республики.

К началу 1991 года противоречия приняли открытую форму, когда сторонники жесткого курса в окружении Горбачева предприняли силовые акции по наведению «конституционного порядка» в Вильнюсе и Риге.

Вызвав возмущение общественного мнения не только в балтийских республиках, но и в Москве и не принеся желаемого результата, эти акции закончились политическим фиаско и резко ослабили позиции Горбачева, подарив желаемые козыри радикальной оппозиции, возглавляемой Ельциным (он совершил демонстративный «вож солидарности» в Прибалтику).

Вместо обеспечения желаемой стабилизации попытка консервативных сил запугать общество угрозой «сильного режима» привела к обратному результату: перспективе ускоренного выхода прибалтийских республик из СССР. Самому же Горбачеву пришлось отмежевываться от действий собственных спецслужб и их руководителей и оправдываться перед своими западными партнерами.

Два месяца спустя вильнюсский сценарий мог повториться в Москве. Когда 300-тысячная демонстрация сторонников Ельцина вышла на улицы столицы в знак протеста против требования депутатов-коммунистов отправить председателя российского парламента в отставку, глава

Юрий АБРАМОЧКИН / РИА Новости

Ново-Огарево. 1991 год

МВД Борис Пуго и министр обороны Дмитрий Язов направили в город войска. Кровопролития чудом удалось избежать.

Стратегия спасения

Горбачев сделал выбор в пользу поиска политического варианта вывода страны из опасного тупика. Выработанная им стратегия, направленная на спасение единого государства, предполагала два этапа. Первым стала организация 17 марта Всесоюзного референдума по вопросу о сохранении СССР как «обновленной федера-

ции равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности».

Такая объединяющая всех формулировка позволила получить одобрение более чем 70% участников голосования в девяти республиках, согласившихся принять участие в референдуме, включая Россию и Украину. Однако эйфория, присутствовавшая в зале Верховного Совета при объявлении результатов голосования «всего советского народа», не должна была затушевывать тот факт, что из-за отказа шести из 15 республик (республики Прибалтики, Армения, Грузия и Молдавия) в нем участвовать Советский Союз, не испытав ни

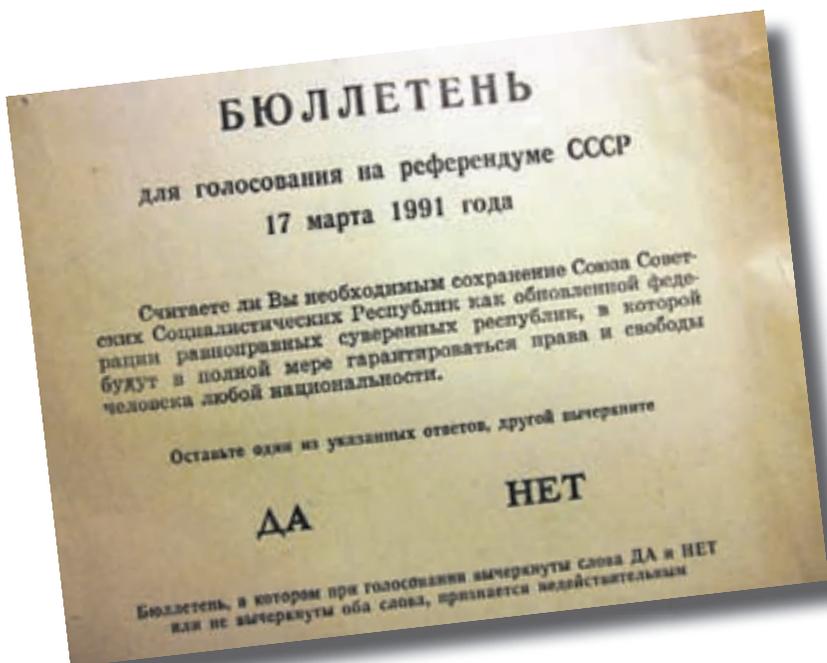
военного поражения, ни внешнего вторжения, фактически оказался лишенным значительной части территории.

На втором этапе Горбачеву предстояло добиться «ратификации» концепции нового союзного государства республиканскими руководителями. Избранная формула «1+9» соответствовала числу лидеров, согласившихся собраться 23 апреля

1991 года в Ново-Огарево. Подписание нового Союзного договора давало реальный шанс на сохранение единого государства, в названии которого слово «социалистических» было заменено на «суверенных».

В переговорах приняла участие и Украина, лидер которой Леонид Кравчук так пояснил в воспоминаниях свою позицию: «Несмотря на то что Горбачеву, безусловно, были присущи противоречивость и непоследовательность, он представлял собой залог относительной демократии на советской территории. Реакционные силы, которые рвались к власти, были намного опаснее. Поэтому в интересах участников новоогаревских переговоров (подавляющее большинство из нас небезосновательно надеялись на быстрое и бескровное обретение нашими республиками независимости) было поддержать Горбачева».

В результате было подписано общее Заявление «9+1» (девять республик и Центр в лице президента СССР), которое вселяло надежду на скорую стабилизацию обстановки. По словам тогдашнего президента Казахской ССР Нурсултана Назарбаева, заявление стало «мощной базой для сохранения государства, поскольку в этих республиках сосредоточено 90% экономического потенциала страны». Торжественное подписание текста нового Союзного договора было назначено на 20 августа.

Процесс, который ушел

Главный довод, который Горбачев приводил в пользу договора, был такой: «Не сохраним единого государства, получим новую Югославию».

При этом чрезвычайная схема спасения Союза, на которую под давлением Горбачева согласились участники этого процесса, не снимала ни принципиального антагонизма между подходами представителей разных политических сил к способу осуществления российских реформ — эволюционному и радикальному, ни отменяла логику политического и личного противостояния между Горбачевым и Ельциным.

Однако неожиданно в спор между двумя вариантами вывода страны из системного кризиса вмешались сторонники третьего — «китайского» пути, заимствованного у организаторов силового подавления оппозиционеров в Пекине в июне 1989 года на площади Тяньаньмэнь.

Преждевременный крах

Успех, достигнутый в Ново-Огареве, видимо, притупил бдительность Михаила Горбачева, и он проигнорировал тревожные сигналы, начавшие поступать к нему с разных сторон, относительно опасности попытки реванша со стороны консервативных сил, оказавшихся «за забором» новоогаревского процесса. Среди закономерно оказались и те, кто, поняв

после кризисов в Прибалтике и Москве, что больше не могут рассчитывать на него как инструмент проведения курса «сильной руки», приняли решение действовать самостоятельно в обход президента или при необходимости изолировав или сместив его с его должности.

План путчистов начал рассыпаться с первых попыток его реализации, когда 18 августа около пяти часов пополудни в Форос к М. Горбачеву прибыла делегация ГКЧП (в составе О. Шенина, О. Бакланова, В. Варенникова

и В. Болдина).

Президент назвал членов самозванного ГКЧП авантюристами и потребовал немедленного его роспуска. После этого они решили его «интернировать», изолировав от внешнего мира тройным кольцом оцепления с суши, военными кораблями в море и лишив средств связи и ядерной кнопки. Советский Союз на время перестал быть второй мировой ядерной державой.

Однако скоро выяснилось, что шесть лет перестройки не прошли даром. Напугать путчистам удалось только несколько республиканских вождей, которые, ожидая дальнейших новостей из Москвы, заявили о готовности так же ревностно служить ГКЧП, как до этого перестройке.

Москва, август 1991 год.

Судьба путча решилась в ночь с 20 на 21 августа, когда группа «Альфа» готовилась штурмовать Белый дом, окруженный символическим кольцом безоружных москвичей. Случайная гибель под гусеницами танка на Садовом кольце троих молодых ребят, пытавшихся его остановить, превратив их в первые символические жертвы путча, не только вызвала взрыв возмущения среди защитников Белого дома, но и внесла разброд в ряды путчистов. Получив сообщение об этом происшествии, министр обороны Язов, не советуясь ни с кем из своих коллег

ния спровоцировали в первые же дни после его провала тот самый «парад суверенитетов». С официальными декларациями об этом вдогонку за прибалтийскими республиками поспешили выступить Белоруссия (25 августа), Молдова (27-го) и Украина (28-го). За ними последовали среднеазиатские республики и даже Нагорный Карабах и Крым.

Перечеркнув результаты мартовского референдума, августовский путч лишил еще не состоявшееся союзное государство легитимной основы.

по сути, спас Ельцина от вероятного ареста, который был ими запланирован. Так что два лидера были квиты.

Более драматичным последствием было другое. Сохранив после путча формально свою должность, Горбачев проиграл надежду на то, что принципиальные перемены в России станут результатом реформы, а не революции. Смена власти, спровоцированная путчем, оборвала его проект эволюционной реформы сверху. И вместе с этим подорвала его возможность и дальше выступать в роли главного реформатора. Путч, таким образом, отдал судьбу союзного государства в руки сторонников его скорейшего демонтажа.

Юрий ЛИЗУНОВ / ТАСС

Возвращение из Фороса

по ГКЧП, приказал начать вывод войск из Москвы. После этого подлинные авторы путча — В. Крючков, Д. Язов и А. Лукьянов отправились каяться в Форос, чтобы отдать себя в руки (и под защиту) интернированного ими президента. В Москву они вернулись в качестве арестованных.

Путч провалился, однако и судьбе еще не реформированного Союза, и политической репутации его президента он нанес непоправимый ущерб.

Именно объявленные путчистами намерения восстановить единое государство путем введения чрезвычайного положе-

Не меньший, если не больший ущерб путч нанес статусу и возможностям президента СССР продолжить свою деятельность в качестве инициатора и руководителя процесса демократического преобразования страны. Поменявшись ролями с Ельциным, Горбачев оказался де-факто политическим должником российского президента, возглавившего сопротивление путчу и обеспечившего возвращение Горбачева в Москву. А в то же время именно категорический отказ президента СССР уступить шантажу путчистов расстроил их планы и,

Ново-Огарево-2

Несмотря на ослабление своих позиций, Горбачев, опираясь на решения чрезвычайного Съезда народных депутатов, смог уже в сентябре заново запустить новоогаревский процесс и даже убедил Ельцина подписать совместный обновленный проект Союзного договора. Получив в конце сентября поддержку этого проекта от восьми республик, Горбачев начал торопиться с подписанием Союзного договора. «Мы начнем это подписание с любого, даже минимального количества республик, — говорил он в кругу помощников, — даже если их будет всего две».

Однако даже этот сценарий оказался слишком оптимистическим. Хотя на заседании Госсовета 11 октября представители 10 республик подтвердили ранее достигнутую договоренность о подписании Договора об экономическом сообществе, вопрос о подписании политического Союзного договора забуксовал.

Первым с оговорками выступил узбекский лидер Ислам Каримов, сделавший вид, что впервые слышит о новом договоре, и поинтересовался, будет ли он отличаться от того, который обсуждали до августовского путча. Вслед за ним взял слово Леонид Кравчук, который сразу вывел Украину за скобки обсуждения, заявив, что до 1 декабря — даты объявленного референдума о независимости — Верховный совет Украины принял решение не участвовать в работе над Союзным договором.

Процесс, который ушел

На этом этапе Ельцин, еще считавший себя соавтором проекта, подписанного им с Горбачевым, поддержал предложение Горбачева обратиться к Верховному совету Украины с предложением пересмотреть это решение. Решение судьбы Союзного договора было, таким образом, отсрочено.

Однако если в начале ноября на очередном заседании Госсовета представители всех десяти республик, подписавших Договор об экономическом сообществе, еще обсуждая концепцию союзного государства, высказывались за сохранение единых вооруженных сил и проведение согласованной внешней политики (Ельцин даже заявил, что Россия не стремится ни к созданию собственной армии, ни к открытию за рубежом собственных посольств), то уже через две недели дебаты о формуле Союза застряли на перекрестке.

На заседании 19 ноября против Горбачева, настаивавшего на едином союзном государстве, выступил Ельцин, который, вопреки собственной позиции, высказанной ранее, заявил, что настаивает на объединении (конфедерации) суверенных государств, не связанных единой Конституцией.

Горбачев решительно возражал: «Если не удержим единое государство, я вам прогнозирую беду. Я не могу и не стану брать на себя ответственность за аморфное образование... Если президент вам нужен для свадьбы, чтобы об него ноги вытирать, это не для меня. Стране нужен избранный народом руководитель, способный уравновесить ту новую степень децентрализации, на которую мы переходим».

Большинство членов Госсовета, возглавлявшегося Назарбаевым, его поддержало. Только белорусский руководитель Станислав Шушкевич, лавируя между Горбачевым и Ельциным, предложил компромисс: «Давайте начнем с конфедерации, а потом доведем ее до федерации». На этом этапе, явно не желая остаться в изоляции, Ельцин примирительно предложил: «Давайте напишем — конфедеративное государство».

На том и порешили. Согласились даже определить срок подписания договора: до конца года. Когда после окончания

РИА Новости

Беловежская пуца, декабрь 1991 год

заседания его участники вышли к прессе, нетерпеливо ожидавшей, как будет называться будущая страна, Горбачев предоставил возможность ответить на этот вопрос Ельцину. Оставшись один на один с блицами фотографов и телекамерами, тот торжественно объявил: «Договорились, что будет Союз — демократическое конфедеративное государство». Обмениваясь мнениями с помощниками после заседания, Горбачев сказал: «Я согласен строить любой Союз — федеративный, конфедеративный, какой хотите, но строить, а не разваливать».

Окончательное одобрение проекта Союзного договора было назначено на 25 ноября. В Ново-Огарево уже был доставлен круглый стол, обрамленный флажками различных республик. Однако вместо торжественной церемонии парафирования согласованного текста заседание началось с сенсационного заявления Ельцина о том, что «новые моменты» не позволяют России одобрить проект договора в представленном виде: «Разговоры в комитетах Верховного Совета (РСФСР) показывают, что российский парламент не готов ра-

тифицировать концепцию единого, даже конфедеративного государства».

С предложением отложить парафирование договора Ельцина поддержал Шушкевич. Горбачев был потрясен. «Тогда мы опрокинем то, о чем уже договорились и о чем оповестили страну. То, что вы предлагаете, не просто проволочка — вы разрушаете саму основу документа». Его поддержал Назарбаев: «Мы за формулу, согласованную на прошлом заседании, то есть за конфедеративное союзное государство, а не за какое-то «облако в штанах».

Горбачев подытожил: «Если с этого заседания выйдем без парафированного текста, последствия могут быть непоправимыми. Страна находится в хаосе, а вы начинаете маневрировать. Если не одумаетесь, будет беда. В таком случае я вижу свою роль исчерпанной, но предупреждаю: то, что вы делаете, нанесет огромный ущерб стране и нашему государству. Вот увидите, сразу за вами придут силы, программа которых будет состоять из трех строк: отменить все законы и конституцию. Если вы отвергнете вариант конфе-

деративного государства, дальше двигайтесь без меня».

Под нажимом Горбачева и при явно выраженном мнении большинства участников заседания, которые его поддержали, была в конце концов выработана компромиссная формулировка. В ней упомянули, что, представляя текст на рассмотрение своих парламентов, члены Госсовета исходят из того, что Союзный договор будет подписан и ратифицирован до конца текущего года.

Тем не менее всем было понятно, что ожидаемое подписание Союзного договора в очередной раз отодвигается, подобно линии горизонта, и что демократическое конфедеративное государство, не успев стать реальностью, начинает таять, как мираж в пустыне. Поздней ночью члены Госсовета разъехались из Ново-Огарева, с тем чтобы больше никогда не вернуться...

Табличка была снята ночью

Только позднее выяснилось, что избранная Ельциным и Шушкевичем линия на то, чтобы потянуть время, объяснялась желанием дождаться результатов украинского референдума о независимости и

избрания Леонида Кравчука президентом республики. И то и другое должно было произойти 1 декабря. Ельцину голосование большинства украинцев на референдуме за независимость должно было подарить недостающую фигуру в игре против горбачевского проекта сохранения единого государства, поскольку российский лидер чувствовал себя неуютно в роли главного и единственного инициатора разрушения Союза.

Через неделю после избрания Кравчука украинским президентом 8 декабря три лидера славянских республик собрались в правительственной резиденции Вискули в Беловежской Пуще и, не поставив в известность Горбачева о своих намерениях, заявили о роспуске СССР.

В последующие годы многие критики президента Советского Союза и в их числе августовские путчисты — Д. Язов, В. Крючков и А. Лукьянов — осуждали Горбачева за то, что он не послал в Беловежье армию или спецназ для ареста заговорщиков. Но в эту ночь Шушкевич и его гости могли не опасаться за свою безопасность. Горбачев не намеревался прибегнуть к силе, потому что, как и на предыдущих этапах перестройки, больше всего опасался развязать политический конфликт, могущий перерасти в гражданскую войну.

В своем заявлении после беловежских событий Михаил Горбачев написал: «Судьба многонационального государства не может быть определена волей руково-

дителей трех республик». Позднее, защищая свою позицию в эти дни, он напишет: «Я использовал все политические полномочия, все средства, кроме силовых. Пойти на применение силы, чтобы удержать власть, — это уже был бы не Горбачев. Да и чем это могло бы кончиться? Расколом всего — армии, милиции, гражданским конфликтом, а возможно, и гражданской войной. Этот путь был для меня закрыт».

Дождавшись решения Алма-Атинской встречи руководителей одиннадцати бывших советских республик о прекращении существования СССР, Горбачев выступил 25 декабря 1991 года по телевидению с заявлением о сложении с себя полномочий президента СССР. Согласно договоренности, достигнутой накануне между ним и Ельциным, советский флаг над куполом Кремля должен был быть спущен вечером 31 декабря 1991 года. Ровно 69 лет спустя после образования Советского Союза. Однако вопреки этой договоренности флаг СССР, развевавшийся над зданием Сената, был заменен на российский уже во время прощальной речи Горбачева.

Табличка на стене в кремлевском коридоре перед его кабинетом с надписью «Президент СССР М.С. Горбачев» была снята ночью.

Андрей Грачев

«Не уйти нам от обновления союзных начал»

Политбюро, 2 марта 1990 года

О РАЗРАБОТКЕ СОЮЗНОГО ДОГОВОРА

ГОРБАЧЕВ цитирует и комментирует записку Олжаса Сулейменова (казахский поэт). Тот предлагает сначала разобраться с федерацией, а потом уж избирать президента. С Балтийскими странами вести переговоры. Ведь они обладают законодательной инициативой, уже внесли свои предложения в Верховный Совет.

Нам, товарищи, нужна концепция. Мы можем осуждать, обижаться и т.д., но не исключать из СССР. А эта мысль гуляет. От эмоциональной реакции надо перейти к зрелым рассуждениям. Ведь вот что говорит и пишет Сулейменов: «Зачем нам эта громадина? Россия плюс Украина — 200 млн! Куда больше! Еще и Казахстан, где половина русских. Может быть, Узбекистан оставить в Союзе, а остальные пусть уходят!»

Не годится это. В Прибалтийских республиках 2,5 млн русских. Как быть?

Вывод такой: нужна концепция обновления договорных основ Союза. Наши «собеседники» конкретно прорабатывают эти вопросы. А мы что, будем упираться?

МАСЛЮКОВ. Надо готовить новый Договор о Советском Союзе. Но пять районов вернуть из Литвы в Белоруссию.

Клайпеду (Мемель) оставить в СССР. То есть 1/7 территории Литвы отторгается: 182 тыс. населения!

ВОРОТНИКОВ. Надо выйти с инициативой: подготовить проект Договора и опубликовать. И обстоятельно его обсуждать — чтобы все увидели, чем грозит для народов выход из Союза.

В лоб «за единую неделимую» нельзя. Но избрать такую тактику, которая низведет на нет желание уходить.

ЛИГАЧЕВ (*встал*). В республиках учитывают только национальное, интернационализм заброшен. Приоритет интернациональному если и звучит, то глухо. Я настаиваю на приоритете интернациональных, общесоюзных интересов. Это должно звучать и в Верховном Совете, и в Центральном Комитете.

ГОРБАЧЕВ (*Рыжкову*). Нам не удастся долго тянуть. Если мы не разберемся сами, всех нас будет лихорадить и мешать делу. «Держать и не пушать» — не получится! Идти надо вперед, но очень расчетливо, создавая процесс. Иначе мы окажемся в обороне даже перед самыми нашими горячими сторонниками, которые за федерацию на все 100%.

Как строить мост? Исходный пункт — строить реальную федерацию. Какие бы шаги в ту или другую сторону ни пришлось делать, но исходным пунктом должна быть федерация. Вариантов полно: конфедеративные, ассоциативные связи и т.д. Настолько разнообразен наш Союз, что придется считать: кто-то — за отделение, другие — за короткий поводок, третьи — за длинный и т.д. Но нигде в процессе разработок и переговоров не терять стержня — федерации!

Не уйти нам от обновления союзных начал. Надо разворачивать аргументацию. Нет у нас плана действий по защите федерации. Надо на народ выводить доказательства в ее пользу.

Итак: нужен план действий. И дать его в Верховный Совет. Лукьянов, Примаков (председатель Совета Союза Верховного Совета СССР), Нишанов (председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР), Гиренко — давайте предложения для Верховного Совета.

Сборник «В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черныяева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991)», М: Горбачев-фонд, 2008, с. 603–604

«Нам нужна федерация с разной степенью свободы»

Заседание Совета Федерации, 12 июня 1990 года

ИВАШКО. Верховный Совет Украины еще не рассмотрел вопрос о суверенитете. Мандата у меня нет¹. Но есть политические соображения.

Надо безотлагательно заключить новый Союзный договор. Решение задач перестройки требует коренной реорганизации экономики, поскольку ведомственная система завела нас в тупик.

Предлагается двухъярусная конструкция:

а) союзные республики передают часть прав Союзу;

б) они завязывают прямые связи между собой, минуя Центр.

Это единственно быстрый путь к рынку.

Созывается конференция уполномоченных республик.

При определении круга законов разграничить те, что принимаются в рамках полномочий Союза, и те, что требуют ратификации республиками.

¹ 2 июня Ивашко был избран председателем Верховного Совета Украины.

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

БИТВА ЗА СОЮЗ. ДОКУМЕНТЫ

РЮЙТЕЛЬ (*председатель Верховного Совета Эстонии*). Я не подготовлен к такому обсуждению. У меня нет полномочий. Преобладающие в республике настроения — полная независимость плюс тесные связи с другими республиками в экономической и культурной области. За это 96% населения.

ГОРБАЧЕВ *настойчиво требует от Рюителя приостановить Декларацию о независимости, даже угрожающе спрашивает: «Вы что, напрашиваетесь на введение президентского правления?!»*

РЮЙТЕЛЬ (твердо стоит на своем). Политическая ситуация уже не позволяет сделать то, что можно было еще полгода назад. Реальность такова, что время ушло. Мы должны позаботиться о том, чтобы оставить нашим народам хорошие отношения между собой.

НАЗАРБАЕВ. Казахстан — за сохранение федерации, но нужен новый Союзный договор. Мы с пониманием относимся к тому, что происходит на Съезде народных депутатов РСФСР. Но надеемся, что он не станет фактором развала нашего государства, ибо только Россия способна выполнить объединяющую миссию.

Идет противостояние между Верховным Советом Союза и Верховными Советами республик.

В Законе о собственности субъект права на собственность не определен. Например, Казахстан принял много ссыльных. Что, они теперь собственники земли? 19 млн кв. км заняты под полигоны, оттуда выселили колхозы и совхозы. Какой у нас суверенитет, если 50% промышленности находятся в союзном подчинении. А сколько — в союзно-республиканском?

Министерства зубами держатся за свою собственность. У нас что, Союз министерств или Союз республик?! Союзные республики должны быть субъектами международного права.

КАРИМОВ (*первый секретарь ЦК КП Узбекистана*). У нас ограниченный суверенитет, с которым надо кончать. Надо дать республикам возможность заключать договоры между собой.

Наиболее приемлемая форма будущего Союза — конфедерация.

Нельзя говорить об обновлении Договора, ибо многие республики не подписывали первого Договора в 1922 году. Это должен быть новый Договор, и приступить к его подготовке надо немедленно, поскольку завтра может быть поздно говорить и о конфедерации.

Мы видим себя свободной республикой.

МУТАЛИБОВ (*первый секретарь ЦК КП Азербайджана*)². Надо учитывать политическую ситуацию. У нас многие за прибалтийский вариант. Мы за Союз на конфедеративной основе.

Нет представительства республик в союзных органах — МИДе, МВД, Прокуратуре и т.д. С этим больше нельзя мириться.

Часть азербайджанского народа с недоверием смотрит на федерацию из-за Карабаха. Нельзя допускать, чтобы создавалась «народная армия». Вооруженных людей не должно быть ни в Армении, ни в Азербайджане.

(*Обращаясь к Горбачеву.*) О замечании «мы с вами договорились...». Я бы хотел из глубокого уважения к вам уберечь вас от одного заблуждения: ни один из нас в существующей системе не может ничего брать на себя.

ЛАНДСБЕРГИС. СССР подошел к рубежу, когда перестройка должна перекачаться через барьер национально-государственного устройства.

ГОРБАЧЕВ. Приостановите Декларацию, и мы тут же отменим все блокадные меры.

ЛАНДСБЕРГИС. Будет ли нынешний СССР определяться как федерация или сообщество, все равно Литва сохранит свой путь как суверенный субъект международного права.

ГОРБАЧЕВ *настойчиво высказывается за приостановление Декларации хотя бы на год.*

ЛАНДСБЕРГИС *упорствует.*

ГОРБАЧЕВ. Тогда придется продолжать меры против вас. Подумайте, взвесьте.

ГУМБАРИДЗЕ (*первый секретарь ЦК КП Грузии*)³. Даже слово «федерация» скомпрометировано. И слова о намерении ограничиться ее облагораживанием воспринимаются болезненно.

Правительство СССР всячески противодействует децентрализации. С каждой республикой надо конкретизировать выяснение позиций.

С законами Верховного Совета СССР уже никто не считается.

Выступают ВОСКАНЯН (*председатель Президиума Верховного Совета Армянской ССР*), ГОРБУНОВ, НИЯЗОВ (*первый секретарь ЦК КП Туркменистана*), ЛУКЪЯНОВ, МАХКАМОВ (*ЦК КП Таджикистана*).

ЕЛЬЦИН. Принята Декларация — РСФСР остается в Союзе.

Союзный договор сейчас будет трудно выработать. Вместо этого — всеобъемлющие договоры между республиками без каких-либо предварительных политических и экономических условий. Затем РСФСР на Верховном Совете объявляет, какую долю собственности и какие права она передает Центру, и заключает с ним соответствующий договор. Если и другие республики пойдут на это — может быть совпадение части функций, делегируемых Центру. Только затем можно заключить Союзный договор — политически.

НИШАНОВ *предлагает вести параллельно подготовку Союзного договора и межреспубликанских договоров.*

ЯКОВЛЕВ. Мы во многом в плену прошлого. Рынок все изменит.

ГОРБАЧЕВ. Мы с самого начала формировались как многонациональное государство. Этот процесс наложил отпечаток на весь характер общества. Переплелись человеческие судьбы. Я убежденный сторонник сохранения общего государства. Обеспокоенность республик понятна. Сепаратистские (если не нравится это слово — самоуправленческие) решения не дают выхода в интересах всех. Если будем искать выход в рынке, свободном общении, самостоятельности — это будет укреплять Союз. В противном случае — распад, развал, от которого все пострадают.

Нам нужна федерация с разной степенью свободы. Я — за формулу «Союз суверенных социалистических государств».

Сборник «В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991)», М: Горбачев-фонд, 2008, с. 627–629

² Избран в январе 1990 года после событий в Баку и отставки Везирова.

³ Избран в апреле 1989 года после событий в Тбилиси и отставки Патиашвили.

«Я участвовать в похоронах Союза не буду!»

Совещание в Ореховой комнате по проблемам Союзного договора, 20 сентября 1991 года

ПРИСУТСТВУЮТ: *Силаев (председатель Совмина РСФСР), Руцкой (вице-президент РСФСР), Явлинский, Сабуров (зампред Совмина РСФСР и министр экономики), Сергеев.*

ГОРБАЧЕВ (*рассказывает о разговоре с руководителями республик*). Если вопрос о союзном государстве является проблематичным, мне делать нечего, тогда я займу самую выгодную для вас нейтральную позицию. Сейчас нас употребляют, выют веревки. Надо с этим кончать.

(*Решают уточнить позицию Ельцина, ему звонит Явлинский.*)

Он переспрашивает Ельцина: «Могу я вслух сказать то, что вы сказали?» — «Да». Явлинский повторяет сказанное Ельциным: «Экономическое соглашение — единственное, что сейчас возможно. На этой основе позднее можно будет заключить Союзный договор. На базе Экономического соглашения можно получить экономический союз с максимальным количеством республик. Меня, мол, Горбачев критикует за слово «сообщество». Но конструкция сообщества привлечет больше республик. Подписание тремя республиками — самый отступной вариант».

ГОРБАЧЕВ (*берет трубку*). Твоя позиция изменилась? Ты признал, что должны быть разные типы экономических отношений внутри Союза и вне его. В одном случае режим благоприятствования, в другом нет... Ты пойми, экономическое сообщество — это государства, которые не вошли в Союз. Потребность в Союзе у них отпадает. Им выгодно получать от России все, а обязательные для них решения она принимать — вместе с другими — не сможет. Тогда ты должен взять на себя все и объединить вокруг России. А я за то, чтобы была Россия, действующая через союзное государство... Я думал, мы продвинулись с тобой, но этот разговор меня взволновал. Хотел с тобой поговорить о Союзном договоре... Для нас ясно, что Россия должна быть Россией. По моим данным, можно подключить сразу восемь республик к Союзному договору.

Договорились? Премьеры едут в Алма-Ату, ведут дебаты...

Я участвовать в похоронах Союза не буду!

ГОРБАЧЕВ (*звонит Назарбаеву*). Вариант экономического соглашения сильно деформирован по сравнению с тем, что было условлено на Госсовете. Названо сообществом, заложены властные институты, постоянно действующие органы сообщества. Но все уравнивается. Нет дифференцированных отношений с теми, кто хочет пользоваться ресурсами России и Казахстана, но не желает подчиняться общим решениям. Словом, это расчет на подрыв Союзного договора.

Нет здесь новогаревской формулы, предложенной тобой (о дифференциации отношений внутри и вне Союза). Я говорил с Ельциным, он сказал, что пошел бы на экономическое сообщество. Я ему возразил, что государства, объединяющиеся в Договоре, должны иметь режим наибольшего благоприятствования, а с остальными заключить экономическое соглашение. В противном случае — без меня. Я свой авторитет не буду расходовать на распад Союза. Пришли к тому, что Явлинский восстановит первоначальный текст, премьеры проведут дебаты. Надо поставить вопрос — может быть, это лучше сделать тебе? — как экономическое соглашение соотносится с политическим союзом?.. Больше всего неясностей в отношении Украины, Армении, Молдовы. Надо начинать подписывать договор — Россия, Казахстан, Белоруссия. Вероятно, Средняя Азия, Азербайджан. В течение недели доработать, подписать, потом ратифицировать семью-восемью государствами — это и союзный рынок. А все остальные могут иметь дело с этим союзом. А экономическое соглашение пойдет вслед за этим... Я пошлю тебе проект Союзного договора... Нам важно вскрыть, кто куда тянет, и определиться... Ельцин сказал, что Союзный договор — дело месяцев. А я ему возразил: я собрал здесь всех твоих советников — Собчака, Попова и др., все за скорейшее подписание Союзного договора. Сказал ему: в похоронах Союза участвовать не буду и публично изложу свою позицию... Ты стой твердо, «души» в дружеских объятиях.

Положив трубку, сказал: Назарбаев за то, чтобы в течение недели подписать Союзный договор.

Сборник «В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991)», М: Горбачев-фонд, 2008, с. 728–730

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ БИТВА ЗА СОЮЗ. ДОКУМЕНТЫ

Замечания 28/IX-9/2.
Ельцина Б.-Ч.
28.09.91

ДОГОВОР О СОЮЗЕ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Государства, подписавшие настоящий Договор, учитывая близость исторических судеб своих народов и выражая их волю жить в дружбе и согласии, развивая равноправное взаимовыгодное сотрудничество;

заботясь об их материальном благосостоянии и духовном развитии, взаимообогащении национальных культур, обеспечении общей безопасности;

желая создать надежные гарантии прав и свобод граждан; извлекая уроки из прошлого и принимая во внимание изменения в жизни страны и во всем мире,

решили на новых началах построить свои отношения в Союзе и договорились о нижеследующем.

I
ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Первое. Каждая республика - участник Договора - является суверенным государством. Союз Свободных Суверенных Республик (СССР) - союзное демократическое государство, осуществляющее государственную власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделил участники Договора.

Второе. Государства, образующие Союз, сохраняют за собой право на самостоятельное решение всех вопросов своего развития, гарантируя равные политические права и возможности социально-экономического и культурного прогресса всем народам, проживающим на территории каждой республики.

Собственноручная правка Б.Н. Ельциным
проекта Союзного договора

- 7 -

моменту заключения настоящего Договора. Их участие в дальнейшем накоплении и использовании сокровищ определяется особыми соглашениями.

~~Статья 7. Порядок налогов и сборов~~
Для финансирования расходов союзного бюджета, связанных с реализацией переданных Союзу полномочий, устанавливаются единые союзные налоги и сборы в фиксированных процентных ставках, определяемых по согласованию с республиками, на основе представленных Союзом статей расходов. Контроль за расходами союзного бюджета осуществляется участниками Договора.

Общесоюзные программы финансируются за счет долевого отчисления заинтересованных республик и союзного бюджета. Объем и назначение общесоюзных программ регулируются соглашениями между Союзом и республиками с учетом показателей их социально-экономического развития.

~~Статья 7. Бюджет Союза~~
Порядок финансирования союзного бюджета и контроля за его расходной частью устанавливается особым соглашением.

~~Статья 8. Конституция Союза~~
Конституция Союза основана на настоящем Договоре и не должна ему противоречить.

~~Статья 8. Конституционная основа Союза~~
Настоящий Договор имеет силу Конституции Союза.

«Я сделаю все, чтобы сохранить Союз»

Запись беседы М.С. Горбачева,
Дж. Буша, Фелипе Гонсалеса
(председателя правительства Испании)
и короля Испании Хуана Карлоса
29 октября 1991 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. <...> Несмотря на все наши внутренние трудности, мы полны решимости играть в мире конструктивную роль. А когда создадим Союз Суверенных Государств, то он будет мощным позитивным фактором на международной арене. Но предстоит серьезная борьба. Пutschисты здорово подорвали будущее Союза. А говорили, что будут спасать страну. И кое-кто в прессе сейчас подбрасывает такой вопрос: где настоящие патриоты — на свободе или в тюрьме?

Х. КАРЛОС. Неужели это находит отклик?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Определенный отклик находит. Все-таки немало людей, которые считают, что демократия, конституция — это хорошо, но главное — должен быть порядок.

Ф. ГОНСАЛЕС. На протяжении десятилетий людям прививалось негативное отношение к «формальной демократии».

Действия путчистов — это пример того, что такого рода люди разрушают то, что якобы хотят спасти. Никто так не способствовал центробежным тенденциям в СССР, как они. А между тем Европе и миру нужен Союз. В Европе создаются две основные окружности — одна на Западе, тяготеющая к ЕС. Другая должна быть на Востоке. Это нынешний Советский Союз, Союз Суверенных Государств, за который Вы выступаете. Если второй окружности не будет, то не будет важной опоры стабильности в Европе и в мире. Это опасный вакуум.

«Я сделаю все, чтобы сохранить Союз»

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я постоянно говорю: Союз нужен нам, нельзя рвать нити, которые создавались столетиями. Но Союз нужен и нашим партнерам на международной арене. Потому что хаос и постоянная нестабильность у нас будут создавать угрозу для всех. И я сделаю все, чтобы сохранить Союз, конечно, обновленный, с большими правами суверенных республик, но в то же время с таким центром, который им нужен, который обслуживает единое экономическое пространство, обеспечивает оборону за счет единых вооруженных сил, обеспечивает согласованную внешнюю политику и все то, что рвать просто нельзя, — единую энергосистему, транспорт и связь, экологию и т.д.

У нас сейчас многие думают, что можно разойтись, а потом сойтись, что достаточно иметь лишь свободную ассоциацию или содружество. Но я буду добиваться полноценного Союза, от этого не отойду.

Дж. БУШ. Нас всех волнует этот вопрос. Каковы, на ваш взгляд, шансы, что ваш замысел удастся осуществить? Как вы расцениваете действия Украины? И как воспринимать последнюю речь Ельцина?

Кстати, М. Фитцутер сообщил мне, что первые отклики средств информации в США на нашу совместную пресс-конференцию идут под таким примерно заголовком: «Буш поддерживает Горбачева, поворачивается спиной к Ельцину». Не знаю, может быть, он драматизирует, но было бы плохо, если бы им удалось создать такое впечатление. Вы знаете, что ничего подобного не было. И на пресс-конференции я стремился акцентировать необходимость сотрудничества центра и республик, хотя были вопросы в ином плане.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, я ценю это, Джордж. Я убежден, что противопоставления Горбачева и Ельцина нельзя допустить.

Дж. БУШ. Вы обещали сегодня, что вечером подробнее обо всем этом расскажете.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, в этом нелегко разобраться. Я в своем анализе делю речь Ельцина на две части. Первая — это то, что касается экономики. Здесь, хотя и есть некоторые моменты, которые могут вызвать возражения, есть вещи волонтаристские, без механизмов реализации (но это — объективно, потому что над ними у нас сейчас ведется работа), но выделить надо позитивную сторону. Фактически это в русле того, что я говорил на Верховном Совете, развивает и конкретизирует ряд положений. Он говорит о необходимости финансовой стабилизации, либерализации цен. Это болезненные меры, и он наконец решился на них. И я буду его поддерживать. Потому что он, надо отдать должное, берет на себя ответственность за радикальные, болезненные шаги. А без них действительно не обойтись.

РИА Новости

М. С. Горбачев и король Хуан Карлос

Другая часть речи — политическая. Он звонил мне вчера, мы кое-что обсуждали. Спрашивал, что сказать про Украину. Я посоветовал сказать, что мы продолжаем надеяться на то, что Украина будет с нами, в Союзе, и это было сказано. В речи есть подтверждение необходимости Союза, говорится, что Россия не будет разваливать Союз, но есть вещи, которые уводят от договоренностей, зафиксированных в проекте Союзного Договора, который мы с ним разослали в республики. И большинство республик поддержали эту концепцию, прислали свои соображения. Ельцин тоже прислал.

Х. КАРЛОС. Я понимаю, речь сложная. Но здесь все обратили внимание на политический аспект, и прежде всего на одно: призыв к сокращению МИД СССР на 90%. Надо же все-таки думать, как воспринимаются подобные вещи за рубежом!

Ф. ГОНСАЛЕС. Это, так сказать, метафора. Но единое государство не может существовать при такой «метафоре».

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я полностью согласен с этим. И поэтому я говорю, что предстоит серьезная борьба, ибо я не за какой-то аморфный союз, не за амебу, а за союзное государство. И в проекте Союзного Договора, который мы с Ельциным разослали, так и сказано: союзное государство. А в речи есть такие вещи, которые от этого уводят.

Дж. БУШ. И ведь он мне звонил, сказал, что хочет познакомить с содержанием речи, и заверил, что она будет посвящена экономике,

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ БИТВА ЗА СОЮЗ. ДОКУМЕНТЫ

говорил все хорошие вещи. А о другой части ничего не сказал. Как же так? Я этого не понимаю.

Х. КАРЛОС. Господин президент, может быть, это звучит жестоко, но наши отношения позволяют задать вам этот вопрос: не подрезает ли он вам крылья?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я бы сказал, что вопрос не в этом. Дело в другом. Я думаю, в душе он действительно за Союз, понимает, что ни одной республике, даже России, без этого не обойтись. И это находит выражение в том, что он работает в контакте со мной, в последнее время мы взаимодействуем довольно тесно, очень интенсивно работали над Союзным Договором. Но он — хотя и производит впечатление человека сильного, уверенного — в действительности очень легко поддается влияниям, в частности, влиянию определенных сил, людей, которые говорят: России надо сбросить это бремя, республики только мешают, союз с ними невыгоден, и надо идти вперед самостоятельно. Отсюда идея о том, что Россия должна взять на себя правопреемство бывшего Союза. И эта идея, хотя и в завуалированном виде, вроде бы в форме отрицания, но появилась в речи. И один из сопровождающих меня здесь людей, Егор Яковлев, сказал: прочитав эту речь, можно сказать, что Ельцин будет разрушать Союз, но так, чтобы свалить вину на другие республики. Но этот путь — опасный, гибельный. И для России это была бы беда.

М.С. Горбачев и Фелипе Гонсалес

Ф. ГОНСАЛЕС. Я думаю, он захочет свалить и на другие республики, и на центр.

Дж. БУШ. Но кто эти силы, о которых вы говорите, кто эти люди?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ну, например, Бурбулис. Это человек, который имеет на Ельцина очень большое влияние. А когда руководитель так легко поддается давлению, с ним трудно иметь дело.

Вот, господин президент, Вы были восемь лет вице-президентом, четвертый год на посту президента. Мы с вами знакомы давно. Скажите, был ли хоть один случай, чтобы я дал слово и не сдержал его?

Дж. БУШ. Нет, не было ни разу.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Политик не всегда может дать слово, но дав, должен держать его. Ельцин — такова реальность, с которой придется считаться, — человек, который не всегда надежен.

Ф. ГОНСАЛЕС. Вот именно. Я помню, как беседовал с ним во время своего визита в Советский Союз. Он начал с того, что центр нам мешает, центр не нужен и т.д. Я убеждал его, что России нужен Союз, а в Союзе нельзя без центра, и он в конце концов согласился. После этой беседы я поехал в Кремль на переговоры с президентом Горбачевым. И приехав, узнаю, что тем временем Ельцин разговаривал с прессой и сказал все наоборот, все исказил.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, вот с таким человеком мы имеем дело. Такова реальность. Его, честно говоря, на сутки нельзя отпустить. Работаешь с ним, договариваешься, а потом оказывается, что надо начинать сначала. Но я не хочу, чтобы было полное разочарование в нем. Я буду с ним работать. Все-таки, если оценивать его вчерашнюю речь в целом, позитив перевешивает. Это, прежде всего, готовность пойти на решительные шаги в экономике, подтверждение единой денежной системы и т.п. Это важно, он впервые говорит о том, что надо делать.

Сейчас было бы большой ошибкой идти на столкновение, на конфронтацию с Ельциным. И я буду работать и с ним, и с другими руководителями республик. Кстати, все они сейчас хотят напрямую выходить на вас, устанавливать контакты, подчеркивать свои отношения с вами. И это дает возможность доводить до их сведения определенную позицию. Я вижу, что вам безразлично, как у нас повернется дело.

Дж. БУШ. Да, я принимал Кравчука, Акаева. Мы имеем контакты с республиками, стараюсь, чтобы они не подрывали ваши позиции. И я всегда говорю: мы заинтересованы в том, чтобы республики договорились с центром, мы хотим помочь вам, а для этого необходимо, чтобы вы договорились. И, конечно, военные вопросы, разоружение, ядерное оружие. Я всегда подчеркиваю роль президента Горбачева. А когда Украина стала делать заявления по этим вопросам, то это вызвало большое беспокойство.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Да, это серьезные вопросы. Но надо иметь в виду, что тут вмешивается политика, предвыборные расчеты. На Украине 1 декабря выборы президента. После этого многое, я полагаю, изменится. Они уже почувствовали, какое впечатление произвели своими «всплесками» насчет ядерного оружия, украинской армии.

Дж. БУШ. Да, сенаторы спрашивают, что это за новая армия в 450 тыс. человек, когда надо ратифицировать Договор по ОВСЕ.

«Я сделаю все, чтобы сохранить Союз»

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но надо учесть: то, что говорит Кравчук (а говорит он разное — в Крыму одно, в Киеве другое), то, что принимает Верховный Совет Украины, это еще не мнение народа. Я убежден, что народ такой многонациональной республики, как Украина, в конечном счете сделает выбор за Союз. Ведь нам просто нельзя разделиться — в стране, где 75 млн человек живут вне своих национальных образований. На Украине — 15 млн русских, по скромным подсчетам. В Казахстане — только 40% казахов.

Х. КАРЛОС. Всего лишь?

Ф. ГОНСАЛЕС. Казахстан как таковой — это нонсенс.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вне Союза — да. И поэтому Назарбаев твердо за Союз. У нас никогда не было внутренних границ. Как же можно саморазделиться, как резать все? Украина в нынешнем своем виде возникла потому, что большевики не имели большинства в Раде и прирезали к Украине Харьков и Донбасс. А Хрущев по-братски передал ей от России Крым. И когда пошел разговор об отделении Украины, то в Донбассе, на юге, в Крыму пошло мощное движение против этого. Крым вообще принял решение — или Украина будет в Союзе, или мы возвращаемся в Россию. Кравчук ездил в Крым, успокаивал.

Ситуация осложняется еще и неаккуратными заявлениями Ельцина и его окружения о границах, о территориальных претензиях. А это — взрывоопасная тема.

Ф. ГОНСАЛЕС. Все это еще раз свидетельствует о том, что в современных государствах понятие самоопределения нельзя доводить до абсурда. Отделение — это абсурд. До какой степени делиться? Вплоть до самоопределения поселка? Но это логический итог, если начинать дробление.

Дж. БУШ. Вы говорите, что Кравчук маневрирует перед выборами. Но выиграет ли он их? У нас многие считают, что нет.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я думаю, он выиграет выборы. Он мне говорит: подождите до 1 декабря, после выборов я смогу высказаться определенно.

Дж. БУШ. И вы считаете, что после выборов он определенно выскажется за Союз?

М.С. ГОРБАЧЕВ. В этом я не уверен. Но в одном уверен твердо — Украину и Россию невозможно оторвать друг от друга, они будут вместе.

Ф. ГОНСАЛЕС. Еще бы, ведь невозможно оторвать Россию от России, она начиналась в Киеве.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Многое сейчас — от незрелости наших политиков, выдвинувшихся на волне перестройки. Люди это очень разные. Я смотрю: вот человек, который вчера еще всеми силами служил режиму, был его яростным сторонником, а теперь — сверхрадикал, сверхнационалист, яростный разрушитель центра. И это не до августа, а сейчас, когда сметены тоталитарные структуры, Центра, который олицетворял эти структуры, больше нет. А против него продолжают бороться.

Ф. ГОНСАЛЕС. Это типичный пример «псевдодискуссии», спора не о том. Конечно, здесь происходит подмена предмета спора. Как можно сейчас бороться с центром, как будто ничего не изменилось? Это напоминает анекдот о президенте Колумбии, который, придя в 1980 г. к власти, сказал: я разрываю отношения с Испанией. Его спросили: почему? Он: потому что Испания украла наше золото. Да, говорят ему, но это было 500 лет назад. Так-то оно так, отвечает он, но я об этом узнал только что.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Или анекдот о человеке, который продолжал подрывать поезда в Белоруссии через двадцать пять лет после войны. Его поймали, а он говорит: я партизан. Но ведь двадцать пять лет прошло, не то рвешь!

Ф. ГОНСАЛЕС. Проблема в том, что республики считают себя обладающими большой легитимностью, поскольку там прошли недавно демократические выборы.

Конечно, главная ваша проблема — время, объективный «цейтнот». Но вас подвела и последовательность событий. Если бы такие же выборы одновременно или раньше прошли на общесоюзном уровне, то, может быть, ситуация была бы иная.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это верно лишь отчасти. Все-таки первые свободные выборы прошли у нас в 1989 году, когда избирались народные депутаты СССР. И большинство тех, кто играет сейчас ведущую роль в республиках, на местах, выдвинулись именно тогда. И такая последовательность была оправданной тем, что наши перемены начинались сверху.

Дж. БУШ. Я согласен с этим.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но главное все же не в этом.

Наше общество не выдержит разрыв, такую ломку. Я в этом убежден и буду делать все ради Союза. Причем не всякого, а именно полноценного. Я так и сказал однажды президентам республик: если я увижу, что дело идет не к единому союзному государству со всенародно избранным президентом, с общим экономическим пространством, едиными вооруженными силами и т.д., то я не стану кандидатом в президенты, я должен буду отмежеваться от этого.

Я думаю, есть шанс создать полнокровный новый союз, где республики будут действительно суверенны и где будет и особая роль России. Объективно это лидирующая, ведущая роль. Но республики не примут сейчас никакого руководства в непосредственном виде. Единственная возможность для России выполнить эту свою роль — через новый центр, где будут представлены все республики и где Россия в силу своего веса, потенциала и возможностей сможет проявить себя, вести за собой. В этом ее, можно сказать, историческая миссия.

Но за это, повторяю, предстоит борьба.

Х. КАРЛОС. И вы верите, что сможете победить в этой борьбе? Мы всей душой с вами.

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ БИТВА ЗА СОЮЗ. ДОКУМЕНТЫ

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я думаю, что есть такой шанс, я уверен, что мы должны к этому прийти. И я открыто об этом говорю. Когда на пост председателя Верховного Совета Беларуси баллотировался Шушкевич, то он советовался со мной, и я сказал ему: «Вы не какой-то политик, у которого нет ничего другого за душой и который не знает никакого другого дела. Вы физик, профессор, можете вернуться руководить институтом. Что вам терять? Поэтому я советую вам высказаться четко, за что вы». И он высказался: за Союз. И получил почти 70% голосов. А его соперник, кстати, сильный человек, получил лишь 25%.

И я четко и определенно говорю: я за союзное государство. Будет борьба, будет трудно, но я буду работать со всеми, по отдельности и вместе. А если увижу, что побеждает другая концепция, то я скажу об этом и не буду президентом. Но повторяю, мы имеем шанс создать союзное государство, новое, с сильными республиками, но прежде всего — демократическое.

Ф. ГОНСАЛЕС. Демократическое — и при этом обязательно с сильной исполнительной властью. Сильная власть не является, конечно, достаточным условием существования демократического государства, не является его необходимым условием.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я с этим абсолютно согласен: Для нас сейчас это серьезная и очень трудная проблема, и я уже давно говорю о необходимости укрепления исполнительной власти на всех уровнях.

Ф. ГОНСАЛЕС. Если говорить о США, то там основой сильной федеральной власти является то, что на федеральном уровне осуществляется 60% всех государственных расходов. А решающим инструментом исполнительной власти — президентское право вето. Это, конечно, великолепный инструмент. И еще: выборы можно выиграть с перевесом в один голос, удержать вето с перевесом в один голос — и тем не менее это решение будет уважаться, соблюдаться всеми без звука.

Х. КАРЛОС. У нас в стране пока не так. Говорят, что убедительно только значительное большинство.

Ф. ГОНСАЛЕС. Вы видите, г-н президент Буш, что мы завидуем вашей системе. Хотя (король, наверное, не слушает) я должен признать, что монархия хорошо послужила интересам современной Испании. Я, как человек, не имеющий каких-то «монархических наклонностей», могу сказать об этом без обиняков.

Х. КАРЛОС. Я слышал то, что сказал председатель правительства. Речь идет о монархии современного типа. Но прессе нужны темы, и она все время стремится «подлить кислоты» в наши отношения с главой правительства, противопоставить нас.

М.С. ГОРБАЧЕВ. То же самое стремятся делать многие у нас, вбивая клин между мной и Ельциным. Есть люди, есть силы, которые в этом заинтересованы и просто постоянно этим занимаются.

Дж. БУШ. А мне предстоит будущий год — год выборов. Скажу откровенно — думаю об этом с ужасом. Поразительна у нас способность в предвыборной борьбе исказить все вопросы, терять время не на то, что действительно важно. Даже и не знаешь, что свалится.

Я, конечно, не хочу, Михаил, сравнивать эти заботы с той гигантской задачей, которую решаете сегодня вы. Это — потрясающая, захватывающая драма. Мы следим за ней, затаив дыхание, и желаем вам успеха.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я вижу в ваших словах, г-н президент, понимание того, что сохранение и обновление нашего Союза, решение наших проблем — а они могут быть решены только в Союзе — нужно не только нам, хотя, конечно, прежде всего нам. Это важно и выгодно также для вас, для наших западных партнеров, для всего мира. Вот почему я говорил сегодня вам в нашей беседе, что нам сейчас, в период особенно сложный, ответственный, в период перехода от тоталитарной политической и экономической системы к демократии и рынку, особенно нужна поддержка наших партнеров.
<...>

М.С. ГОРБАЧЕВ. Что ж, время действительно позднее, а завтра предстоит большой день. Наверное, пора поблагодарить его величество за прекрасный вечер, великолепный ужин.

Х. КАРЛОС. Я был очень рад быть хозяином в такой компании. Спасибо за очень интересный разговор. Все мы много почерпнули из него. Мы с г-ном Гонсалесом, конечно, присоединяемся к словам президента Буша, который пожелал вам, г-н президент, успеха в великом деле преобразования вашей страны.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Спасибо за эти слова поддержки.

Getty Images

М.С. Горбачев и Дж. Буш

«Нет сомнений в необходимости сохранения Союза как сильного государства. Это в интересах и Испании, и ЕС, и всего Запада».

Запись беседы М.С. Горбачева с председателем правительства Испании Ф. Гонсалесом
Мадрид, 30 октября 1991 года

<...>

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я очень доволен нашей вчерашней совместной позицией на ужине у короля. Мы с тобой шли в одном строю и инициативу не выпустили из своих рук. Ты очень хорошо меня подержал по вопросу о границах, по экономике, вопросам обороны. И вывод был единственно возможным: для республик Союза нельзя самоопределяться путем дезинтеграции; возможен лишь путь децентрализации власти, дальнейшей демократизации, но при сохранении центра. К сожалению, Буш этого, кажется, не понимает. Ему представляется, что будь СССР поменьше, уйди, например, Украина, США станет еще легче с нами говорить.

Ф. ГОНСАЛЕС. У меня не сложилось такого впечатления.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У нас была на этот счет одна информация, которая сейчас находит подтверждение. Американцы, видимо, действительно исходят из желательности для них дальнейшего ослабления центра и усиления за его счет республик. Таким образом они могли бы осуществлять нажим на нас, давя и на республики по отдельности.

Я все время объясняю Дж. Бушу, и делаю это не в корыстных целях, что и для США выгоднее сохранение Советского Союза как союзного государства, на основе, конечно, глубоких реформ в сторону рыночной экономики, дальнейшего движения по пути нового политического мышления, но Союза как единого, сильного объединения. В выигрыше от этого будут все, не только мы. Напротив, дезинтеграция создаст огромные, непредсказуемые проблемы не только для нас, но и для всех — слишком велика эта страна.

Мой вчерашний разговор наедине с Бушем, беседа за завтраком показывают, что такие пояснения с моей стороны необходимы. Ведь и ты, и я не имеем иллюзий: что, разве Буш не понимает нашу ситуацию, степень ее драматизма, того этапа, на котором мы находимся, когда выбор в пользу плюрализма в политике, в экономике уже сделан и начато реальное движение, фундаментальные перемены? А с американской стороны рутинный подход: надо посмотреть, как будут идти дела в Союзе, необходимо считаться с позицией Конгресса, внутреннее законодательство не дает президенту США возможности действовать решительно... Буш понимает и знает наше положение. Почему же тогда он так действует? Значит, действительно хочет дальнейшего нашего ослабления? Дай бог, чтобы я ошибался, но если это так, то он совершает стратегическую ошибку.

Я все это ему вчера так прямо и сказал. Черняев, сидящий здесь, был там и подтвердит это тебе.

Ф. ГОНСАЛЕС. Михаил, давай еще раз проанализируем ситуацию. Прежде хочу вновь подчеркнуть, что лично для меня нет сомнений в необходимости сохранения Союза как сильного государства. Это в интересах и Испании, и ЕС, и всего Запада. Но при таком понимании у меня существует и сильная озабоченность: если сегодня условия для сохранения Союза, который не ограничивался бы экономическим соглашением, не сводился бы политически к конфедерации. Возможен ли сегодня Союз со значительными властными полномочиями центра, достаточными для сохранения связей и взаимодействия между республиками и народами, его составляющими?

В моем понимании союзный центр должен обладать полномочиями, примерно сопоставимыми с теми, которыми обладает Буш. Вот почему вчера я ему говорил об этом за ужином. Он ссылаясь на естественные в переходный период опасения республик по поводу сохранения сильного центра. Я ему правомерно на этот счет ответил: пусть у союзного центра власти будет не больше, чем у американской администрации, у президента США. Буш, кстати, имеет право вето на решения законодателей, представляющих все штаты, объединенные в этом государстве. Это очень серьезное право. В прошлом году он его как раз и использовал против воли большинства штатов, заблокировав их законопроект по внутренним таможенным барьерам в США.

Возвращаясь к нашей вчерашней совместной позиции за ужином, должен сказать, что и у администрации США, и у многих наших ответственных европейских коллег (я не беру в расчет Японию — она выпадает из картинки) нет ясного понимания ситуации в Советском Союзе, нет четких ориентиров.

Позволю себе рассказать тебе то, что не мог передать по телефону о событиях в августе. Утром 19 августа после сообщения о перевороте я в вертолете по дороге в Мадрид за два часа пути составил правительственное заявление с недвусмысленной характеристикой происшедшего. Здесь этот проект мы обсудили с моим заместителем и министром иностранных дел. Три главных элемента в нем я считал абсолютно необходимыми: охарактеризовать происшедшее как государственный переворот, потребовать сохранения политики перестройки в полном объеме, призвать международное сообщество к скоординированным действиям, чтобы в Советском Союзе знали, что мир со сложившейся ситуацией мириться не будет. Министр иностранных дел, уже имевший информацию от всех западных коллег, прямо сказал, что мы — единственные, кто занял такую позицию. Я ему ответил, что это не может повлиять на наш принципиальный подход, что путчисты не должны укрепляться у власти. Сказал, что необходимо начать соответствующие усилия по координации шагов с союзниками. Сам я позвонил Бушу, он летел в этот момент из Мэйна в Вашингтон, и рассказал о нашем заявлении. Буш откровенно мне сказал, что для него главное, чтобы не пришлось говорить общественному мнению, прессе США, что в результате событий в Москве под угрозой оказывается вся система безопасности Восток—Запад.

После Персидского залива он не мог себе позволить опять мобилизовать американское общество из-за возникновения напряженности в Европе. Его можно, конечно, понять, но я ему тогда сказал, что заявление свое не изменю. Вместе с тем, даже если путчисты закрепятся, то можно исходить из того, что прямой угрозы Западу они сразу создать не смогут — слишком много дел у них будет внутри. В этом смысле мы можем общественное мнение успокоить. Я также обратился к Бушу с просьбой, чтобы он по прямой связи позвонил в Кремль — у меня нет такой линии, а по обычным каналам меня в Москве ни с кем не соединяют. Пусть президенту США из Кремля объяснят, что происходит, где Горбачев. Буш согласился со мной, но я сказал, что и этого недостаточно. Необходимо по всем

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ БИТВА ЗА СОЮЗ. ДОКУМЕНТЫ

официальным каналам оказывать соответствующее давление на путчистов. И еще одно — давайте, сказал я ему, условимся не говорить о Горбачеве и его деле в прошедшем времени. Он тоже с этим согласился.

Михаил, у меня в те дни сложилось впечатление, что Запад воспринял произошедшее как необратимое и был готов смириться с этим. Я это настроение ощутил даже среди своих ближайших сотрудников. Из этого я делаю вывод, что политические лидеры Запада не имеют сегодня уверенности в способности Советского Союза сохраниться и поэтому исходят из двух возможных вариантов, включая и распад СССР. Отражением этого служит и высказанная вчера за ужином Бушем озабоченность в связи с интерпретацией американскими газетами его заявления на пресс-конференции как его однозначного выбора в пользу Горбачева против Ельцина.

Реально Дж. Буш, конечно, не хочет развала Союза. Более того, он на Западе — наиболее серьезный и последовательный сторонник (вместе с Бейкером) сохранения Советского Союза, осознавший необходимость этого. Ты не представляешь себе, Михаил, что я сейчас

слышу от некоторых своих коллег по НАТО. Один лишь пример: на последней встрече министров иностранных дел НАТО датчанин позволил себе говорить, что не видит ничего страшного в появлении в Европе 100 государств вместо 34, подписавших Парижскую хартию. Кто-то в шутку ему ответил, что при ста небольших государствах останется одна большая Германия (это, конечно, у европейцев крепко сидит в головах, хотя сейчас они шутят по этому поводу). И один Бейкер решительно сказал, что США ни в коем случае не будут поддерживать такой ход событий в СССР, что это сумасшествие. Он вспомнил при этом, что у американцев была гражданская война против сепаратизма, во исполнение одной статьи конституции это предопределяет их линию и в югославских делах и противодействие развалу СССР.

Михаил, я могу сейчас сказать тебе то, что Буш, несмотря на все доверие, которое существует между вами, тебе сказать не может. Все его эксперты, разведывательные службы, исследовательские центры постоянно твердят ему: президент, не ошибитесь с вашей ставкой на сохранение Союза, по крайней мере, в его нынешнем виде. Они

утверждают, что ваша мадридская встреча и конференция — последний случай, когда вы с ним встречаетесь в нынешнем качестве. Примерно то же самое происходит и в Европе. Причем так сориентированы те, кто самым положительным образом относится и к Союзу, и к тебе лично. Я при этом не говорю о существующих на Западе дурных намерениях.

Меня это очень гнетет. Худшее, что произошло 19 августа, — это то, что стало невозможным намеченное на 20 августа. Это гораздо хуже, чем даже ваше экономическое положение. В кратчайшее время вам необходимо, чтобы была создана юридическая, правовая основа союзного государства. В противном случае и с учетом заявлений, которые нам делают республики, ты должен это знать, на Западе не окажется политического мужества сделать в нынешних обстоятельствах ставку на Союз. Удивительны школьнические рассуждения некоторых моих коллег, всерьез говорящих об этой плохой шутке — праве наций на самоопределение. Да, в США есть те, кто считает, что Союз должен исчезнуть и лишь это гарантирует Америке отсутствие и в будущем достойного соперника в мире. Буш в предвыборный период не может этого не учитывать. Да, все доклады его экспертов говорят о слишком большом риске ставки на Союз и Горбачева. Но я абсолютно убежден, что Буш предпочитает иметь дело с Союзом, а не с его развалинами. И я знаю, что сегодня на Западе Буш и Бейкер единственные, кто в состоянии дать глубокий и объективный анализ ситуации в Европе и СССР. И пусть завтра президент уточнит свои заявления на пресс-конференции в Мадриде, но он остается единственным лидером Запада, способным поддержать сегодня Союз.

Marisa FLOREZ

«Нет сомнений в необходимости сохранения Союза как сильного государства. Это в интересах и Испании, и ЕС, и всего Запада».

Для нас в Европе совершенно ясно, что континенту предстоит сложнейшее десятилетие. Думаю, что Чехословакия просуществует не более года, и это страна из наиболее стабильных на Востоке. К такому развитию событий надо быть готовыми. Я говорил об этом на Социнтерне в Берне, как и о том, что без стабильной политико-юридической структуры Союза не будет возможна эффективная помощь ни «Семерки», ни МВФ, ни ЕС.

Кстати, и в Берне я наслушался чепухи. Так, умные головы там предлагали выкупить у вас ядерное оружие и самим уничтожить его. Мой вывод неутешителен — у Запада нет политического мужества взять на себя инициативу.

Михаил, перед встречей в Маастрихте я хотел бы знать перспективы развития не экономики, а политического процесса воссоздания Союза, чтобы на Европейском совете я мог предложить конкретный план, что в политической области может сделать ЕС в поддержку Союза.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Спасибо тебе за все, что ты мне рассказал. Мне очень важно иметь ясность в отношении настроений моих партнеров в предстоящее время.

Хочу подчеркнуть, что мы прекрасно понимаем всю важность наших отношений с США. Отступление от завоеванного здесь грозит потерей всего позитивного, что есть у нас в отношениях с Западом.

В Лондоне во время встречи с «Семеркой», на завтраке с Бушем я ставил все тот же вопрос: каким хотят США иметь в качестве партнера Советский Союз: слабым, в процессе дезинтеграции и с перспективой возврата к авторитаризму, а то и диктатуре, или сильным, динамичным, демократическим и повернутым к Западу? Похоже, говорил я тогда, вы в США не приняли решения на этот счет, и это мешает. В ходе беседы Буш вроде бы склонился ко второму варианту, но подстраховался, сказав, что это нам самим решать.

Я ставил там этот вопрос, потому что от других участников встречи мы знали, что принятию решения о помощи мешают Япония и США. С первой ясно — у них острова, хотя, может быть, новый премьер Миядзава (он всегда бы лучше настроен) изменит позицию.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но США имеют самую полную информацию о положении у нас и не определяются с тем, каким хотят видеть Советский Союз. Заявляют о поддержке единого Союза и Горбачева, но тут же говорят, что будут иметь дело и с республиками. Этот акцент на республики у Буша, меньше — у Коля тоже, кстати, подогревает политические амбиции, стимулирует дезинтеграцию.

Я не хочу сказать, что Запад должен делать ставку на Горбачева как личность. И Горбачев, и Гонсалес не вечны. Мы с тобой вчера хорошо в этом смысле говорили. Ты убедительно показал, что сохранение Союза — в национальных интересах Испании. И я открытым текстом говорю Бушу: да, сохранение Союза необходимо нам, но не в меньшей степени и вам. Слишком велика эта страна, одна из двух опор, на которых держится мир. Расшатать ее — и сам мир может рухнуть. Значит, нужно этого не допустить, и для этого нужно действовать.

Я не недооцениваю позицию Буша в отношении и меня, и Советского Союза. Но меня тяготит то, что, как ты говоришь, Запад исходит из двух альтернатив: как сохранения, так и развала Союза. Сегодня просто наблюдать, чем это у нас кончится, — это не политика, нужно делать выбор. В сегодняшних условиях, когда мы принимаемся за решительные действия, отсутствие ясного выбора у Запада сказывается и на его шагах, которые будут иметь большое влияние на результаты процессов у нас. Мой помощник, мое второе я — А.С. Черняев, как и многие другие, часто говорит мне, что главное для нас — запустить экономическое сотрудничество. А я ему возражаю, и мы здесь с тобой полностью едины: прежде всего нам необходимо политико-юридическое оформление Союза. Я об этом даже в условиях V внеочередного Съезда народных депутатов СССР говорил.

Ф. ГОНСАЛЕС. Для меня выбор сделан, притом что я понимаю, что иду в этом против течения. Но давай попробуем понять и Буша с королем. Они, в отличие от меня, говорят не только с Горбачевым, но и в российском Белом доме, и в Киеве. И вот после логичного и ясного изложения Горбачевым необходимости сохранения Советского Союза как гарантии продолжения на его территории реформ они начинают говорить с Ельциным, Украиной или Казахстаном. В результате, уверяю тебя, они не только из секретных докладов, но уже и из этого личного, непосредственного анализа будут извлекать самые неутешительные выводы. Когда они видят, что Украина, пусть из предвыборных соображений, но намеревается иметь свою денежную единицу или армию (пусть без ядерного оружия), поскольку не доверяет России, в этой ситуации их вера в сохранение Союза может опираться исключительно на наличие фигуры Горбачева. Но, согласись, в отношениях с такой страной этого недостаточно. Я рад, что ты согласен со мной, что в сегодняшних условиях для политика с большой буквы политический союз республик важнее, чем экономические связи. Без первого не будет и второго. 19 августа показало, что личного фактора М.С. Горбачева недостаточно. Если есть возможность, то сегодня же необходим Союзный договор. Но при этом нужно понимать, что это не должно быть нечто похожее на европейское сообщество. Хотя Делор — лучший из председателей КЕС, но Бушу и в голову не придет ехать в Брюссель, чтобы решать европейские вопросы. И сегодня в Мадриде ЕС представляет премьер-министр Нидерландов. Для европейцев Союз по образу и подобию ЕС — никакая не гарантия. Мы ждем, что Советский Союз будет иметь центральную власть наподобие американской администрации, не меньше. <...>

«Та команда такое
натворит, что страна
еще содрогнется
и вздыбится»

Горбачев о встрече
с Ельциным и о судьбе Союза,
2 ноября 1991 года
(запись Шахназарова)

Накануне Горбачев виделся с Явлинским, Ревенко и В.Ф. Яковлевым. Обсуждали, что делать после выступления Ельцина на Съезде народных депутатов РСФСР с программой реформ и особых полномочий на переходный период, о его намерении объявить Госбанк СССР российским, сократить на 90% численность МИДа, распустить союзные министерства, перестать содержать их и т.д., что напугало республики, привело в смущение и Запад.

2 ноября Горбачев встречался с Ельциным, а затем позвал Шахназарова с Ревенко и рассказал, что и как было.

РИА Новости

Горбачев (Ельцину). Давай по-мужски. Ты меняешь политику, уходишь от всего, о чем мы условились. А раз так — теряют смысл и Госсовет, и Экономическое сообщество. Я подаю в отставку. Бери вожжи в руки, раз тебе этого хочется, правь в одиночку. Я в этой кутерьме участвовать не буду. Скажу всем так: вот, друзья, лидеры 15 республик, я вас подвел к независимости, теперь, похоже, вам Союз больше не нужен. Что ж, живите дальше, как заблагорассудится, а меня увольте.

Ельцин стал горячо доказывать, что политику менять не собирается, верен обязательствам, слово у него твердое. Тогда я его спросил: значит ли это, что он согласует свои реформы с республиками? Обязательно, отвечал он, я их только решил прижать: дескать, не будете следовать за Россией в реформах — нам придется делать все без вас, и уж тогда не посетуйте, будем блюсти прежде всего свой интерес. Так что в ближайшие дни все согласуем, им деваться некуда.

Ладно, пошли дальше. Ты понимаешь, говорю я ему, что значит, когда Козырев заявляет, что обойдется без союзного МИДа? Кто будет участвовать в Хельсинкском процессе, представлять в ООН, вести разоруженческие дела? Ведь все это требует и опыта, и знаний кадров, а главное — права выступать от всех республик.

Ельцин согласился, сказал, что насчет сокращения на 90% мидовского персонала — это был образ, примерная цифра. Можно и не на 90, а, скажем, на 70. «Ой, Борис, — возразил я ему, — кто-то тебя все время подначивает, толкает на крайние заявления, а потом тебе же приходится отступать. Зачем это, будь аккуратнее в словесных заявлениях. МИД — это ведь русские люди, мощное, можно сказать, столетиями формировавшееся учреждение. Так зачем же его разорять? Уж лучше возьми целиком в Россию. Придет момент, так и будет. Но сейчас-то надо беречь».

Ельцин и с этим согласился. Так что по всем пунктам обещал действовать согласованно и ретировался.

Между тем я слушал его и думал: лукавит, завтра опять что-нибудь эдакое вытворит. Да что завтра! Он божился, что будет вести дело разумно, а в папке бумаг к заседанию Госсовета 4 ноября лежит его обращение к президенту СССР с требованием передать России все торгпредства. Без каких-либо обещаний компенсировать другим республикам их долю; даже не потрудились его молодая ватага напрячь мозги и выдать дватри приличных довода. Просто так: мы забираем — и все! Вообще все сильнее ощущается невысокий класс этих «ребятишек», как их обозвал Хасбулатов. Однако сам вполне из того же разлива. Честное слово, и наша команда не безгреховна, но та такое натворит, что страна еще содрогнется и вздыбится.

*Сборник «В Политбюро ЦК КПСС...
По записям Анатолия Черняева,
Вадима Медведева,
Георгия Шахназарова (1985–1991)»,
М: Горбачев-фонд, 2008, с. 738–739*

Гонка со временем в условиях политической турбулентности

ПОЧЕМУ НЕ УДАЛИСЬ
ПОПЫТКИ ПРЕВРАТИТЬ СОЮЗ
В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ
ФЕДЕРАТИВНОЕ
ГОСУДАРСТВО

*О планах реформировать СССР, о Союзном договоре и новоогаревском процессе, о том, кто на самом деле «развалил Союз», рассказывает **Юрий БАТУРИН** — ученый, писатель, журналист, космонавт Российской Федерации, непосредственный участник новоогаревских дискуссий и автор фундаментального историко-документального труда «Союз (не)возможный. Документированная хроника Новоогаревского процесса. 1990–1991». М. 2021.*

*Андрей
Липский*

— **К**огда и кем был четко сформулирован на политическом уровне запрос на кардинальное обновление Союза? Именно на политическом — на кухнях и в непубличных дискуссиях об этом речь шла давно. И какие, по твоему мнению, политические обстоятельства к этому стали прямо подталкивать?

— Видишь ли, назвать конкретную дату нельзя, потому что у каждой причины есть своя прапричина, а у нее своя прапрапричина. Думаю, что, пожалуй, первый такой запрос на обновление был сделан в «оттепель». Потому и перестройку-то осуществляли «шестидесятники».

— И Горбачева, кстати, многие называют «шестидесятником».

— Совершенно верно. Так что условно первый такой запрос появился именно тогда. И впоследствии он не ушел, не затух и не исчез, а был загнан вглубь и подспудно существовал в годы застоя тоже. Полагаю, что и перед Брежневым стоял тот же вопрос, но тот дал на него для себя однозначный ответ: лучше ничего не менять, чем начинать перемены с высоким риском. Тоже стратегия. И годы застоя прошли под знаком такого его ответа.

А потом появляется Михаил Сергеевич Горбачев. Думаю, отдельные разговоры с Андроповым навели его на такой сюжет. Хотя у Андропова не было явного запроса на трансформацию в точном смысле слова. Трансформации, или реформы, подразумевают, что надо, во-первых, понять, в каком состоянии находится система, в данном случае — страна. Во-вторых, какими параметрами характеризуется состояние страны и как этими параметрами можно управлять. И, наконец, понять, в какое новое состояние ты хочешь страну перевести. Таким образом, запрос или его часть, обдумываемая Андроповым, состояла лишь в попытке понять, в каком состоянии находится Советский Союз. И при том, что Андропов знал значительно больше других, он понял тем не менее, что все равно ответ не знает. У него была лишь попытка узнать... Горбачев, конечно, знал меньше Андропова...

— Он не был председателем КГБ.

— Не был. И он столкнулся с огромным объемом информации (сегодня сказали бы «больших данных»), когда стал генеральным секретарем ЦК КПСС. Теперь его и андроповские информационные ресурсы оказались сравнимы по масштабам, за исключением того, что в КГБ еще готовили детальные оценки настроения народа, что редко и далеко не в полном виде, лишь в форме справок, доходило до самых верхов. Таких записок с мест о положении в стране в полном объеме у Горбачева не было. Но в какой-то момент, еще до того, как он стал «первым лицом», Горбачеву стало предельно ясно: надо изменять страну. Но как? Он попытался разобраться с первым вопросом: в каком состоянии реально находится СССР? Однако страна уже двигалась (и менялась) с такой скоростью, что он не успевал реагировать. И тогда, и теперь его упрекают в медлительности, мол, надо было начинать раньше... Действительно, надо было начинать раньше. Но разве можно было начинать, не представляя, из какой точки ты отправляешься в путь. Исторический поток увлекал его своим бурным течением, он реагировал на вызовы в реактивном режиме: событие — реакция. Движение не было выверенной последовательностью шагов к искомому будущему. И очень скоро выяснилось, что это будущее желательное состо-

яние уже невозможно определить, потому что за первые годы перестройки возникла сильнейшая турбулентность...

— К тому же начались малоприятные события в республиках, возникли конфликтные, кризисные ситуации. Очевидно, они ускорили принятие решения о том, что надо вынести проблему реформы Союза на политический уровень и заняться подготовкой какого-то документа, который отражал бы новую конструкцию Союза для претворения ее в жизнь. А кому в голову пришла идея все это осуществить через организацию нового Союзного договора? Были же, наверное, какие-то отцы у этой идеи?

— Эти «отцы» жили в Эстонии. Именно эстонцы предложили, что нужен новый Союзный договор.

— Новый по отношению к 1922 году?

— Да. Они ввели в оборот понятие «новый Союзный договор» в ноябре 1988 года, и оно пошло гулять по прессе, хотя было понятно, что для эстонцев это просто некий тактический ход, чтобы начать движение выхода из Союза.

— Горбачев осознавал, что Прибалтика уходит? На ранних стадиях? Потому что он же бился за Прибалтику: он ездил, он встречался, он убеждал.

Было ощущение, что он хочет все-таки их удержать.

— Это правда. Он был боец. Но все-таки советники, в том числе, я думаю, что и Шеварднадзе в МИДе через своих советников, понимали, что Соединенные Штаты и другие западные государства не признавали республики Прибалтики субъектами Союза и на сложных поворотах Прибалтику оторвут с высокой вероятностью.

— Когда Горбачев «созрел» для продвижения нового Союзного договора?

— Вопрос о подготовке нового Союзного договора был поставлен и на Первом съезде народных депутатов СССР в июне 1989 г. Затем 2 марта 1990 г. тема Союзного договора поднимается на Политбюро. Но Горбачев еще очень осторожен: «Нужна концепция обновления договорных основ Союза». Но уже 15 марта в речи после избрания его президентом СССР высказывается вполне определенно: «Считаю безотлагательной разработку нового Союзного договора». Так что принятие решения состоялось в первой половине марта 1990 г.

— А альтернатива Союзному договору была?

— Да, была — новая Конституция. Но менять Конституцию при начавшихся конфликтах в республиках и при понимании, что за эту Конституцию прибалтийские государства уже не проголосуют, означало фактически отмену существовавшего Советского Союза, точнее, его переустройство. И было очевидно, что, если обновлять Союз через смену Конституции, новый Союз окажется в меньшем составе. Тем же, вероятно, закончится и трансформация через новый Союзный договор, но последний надежнее, считал Горбачев, поскольку проект Договора содержал норму о Конституции, а при переустройстве Союза в два этапа (Договор + Конституция) удастся сохранить больше членов Союза. Если бы мы начали работу над Конституцией, мы уже ломали бы Союз. А здесь мы работаем над Договором, но, если он не получится, Конституция-то остается!

— То есть он предполагал, что такая юридическая казуистика может помочь в реформировании Союза?

— Очень точное слово! Горбачеву мешало то, что он был юрист. Когда начинается политическая турбулентность, решают все политика и политики. А он считал, что каждое политическое решение необходимо корректно закрепить юридически, и, конечно, не успевал.

Гонка со временем...

— Н ачиналась война политики и права?
— Нет, не война,

это была попытка права поспеть за политикой. А та мчится и убегает вперед. Вспомним, в Советском Союзе в годы начиная с 1987-го примерно и включая даже 1990-й и 1991-й после десятилетий юридического нигилизма вдруг вспыхнуло уважение к праву и доверие к юристам. Так юристы стали основными консультантами.

Приведу пример: до 1987 года основными консультантами власти были Институт мировой экономики и международных отношений, Институт США и Канады Академии наук СССР...

— **Иноземцев, потом Примаков, Арбатов.**

— Да, совершенно верно. А затем вдруг появился Институт государства и права АН СССР, его директор академик Владимир Николаевич Кудрявцев, член-корреспондент Топорнин. Георгий Хосроевич Шахназаров. Последний, впрочем, возглавлял Советскую ассоциацию политических наук и, будучи по образованию юристом, выступал как политолог, т.е. не фетишизировал право и глубоко понимал политику. Юристы действительно были востребованы. Главенствовала идея (и в массах, и в верхах), в том числе и у Горбачева, что стоит только принять нужный юридический документ — закон или подзаконный акт — и все наладится, только нужно правильно его написать.

— Да, безусловно, когда турбулентность, это просто невозможно. Но, с другой стороны, это же подход с точки зрения государства, базирующегося на rule of law. Мол, было бесправие, а нужно правовое государство.

— Совершенно верно. Но право всегда регулирует устоявшиеся отношения, оно в хорошем смысле консервативно. Кстати, именно поэтому право и не успевало за политикой. А в Советском Союзе возник режим политической турбулентности. Право не может регулировать турбулентность. Хотя была попытка это сделать. К rule of law, то есть к верховенству права, надо идти долго и постепенно.

— Если посмотреть на сущность предполагаемого Договора, то что это было — попытка уйти от реальной унитарности СССР к федерализму, провозглашенному, но не реализованному? Или просто надо было как-то уговорить центробежные реакции?

— Для того чтобы уговорить центробежные реакции, как раз и надо было изменить форму государства, а она и так была очень сложная. Действительно был провозглашен федерализм, но, кстати, большевики совершенно не хотели федерализма, они были его противниками, но на этапе союза с левыми эсерами, которые провозглашали федерацию, они вынуждены были с ними согласиться, и после Октября в первых документах так и записали — Российская Федерация. Но большевики стремились всегда к централизации, что, в общем, было оправдано в условиях экономической слабости государства. Они федерацию провозгласили, а дальше стали проводить свою централизацию, и государство стало «федеративной унитарностью».

Пришел 1922 год, когда заключили первый Союзный договор. Как его заключали? Ведь само название — Союз республик — в праве того времени, начала XX века, более относилось к международным союзам, хотя применялось и государствами, которые стали потом конфедерациями и федерациями (напри-

мер, Швейцарский союз). Но по большей части имелся в виду союз международный. И большевикам, которые стремились к мировой революции, этот союз виделся международным по замыслу. Они же думали не об отдельном государстве. Это уже потом возник тезис о «построении социализма в отдельно взятой стране». Так договор 1922 года и заключали. Причем тогда все делалось очень быстро, в отличие от 1991 года, — собирались, обсуждали, были несогласные, но все равно подписали, потом что-то поправили, опять переподписали. Век назад политика, безусловно, главенствовала над правом. И вот документ подписан, а что это за документ — международный договор или федеративный договор? Об этом даже не думали. Каждый понимал под словом «Союз» то, что ему нравилось. Так возник Советский Союз с неясной правовой природой.

Но я все-таки склоняюсь к тому, что это по замыслу, конечно, был договор международный, и идея, что договор международный и можно выйти из Союза, потом вошла в Конституцию. Право на самоопределение и выход из Союза с того времени путешествовало по конституциям Советского Союза и его субъектов.

— **Вообще-то переход от унитарности к федерации — невероятно сложный процесс. Есть такие примеры в истории человечества? Мы знаем примеры, когда небольшие государства в процессе объединения стали входить в единое государство, сохраняя какие-то свои полномочия и формируя, таким образом, федерацию. Скажем, Германия с ее землями или США с их штатами. А наоборот?**

— Мы и дали пример. Постепенно на территории бывшей унитарной Российской империи возник ряд автономных республик, сложившись из нескольких губерний, уездов и волостей каждая.

— **Ну это было в революционном угаре.**

— Да, но было. И в результате Советский Союз стал сложносостав-

ной федерацией, когда в одну федерацию входили другие, причем с разным статусом — со статусом республики, со статусом области, со статусом автономной области, автономного края. Строго говоря, это уже не федерация. Для такой структуры и названия в государственном праве нет. Я бы назвал ее «гетерогенная федерация».

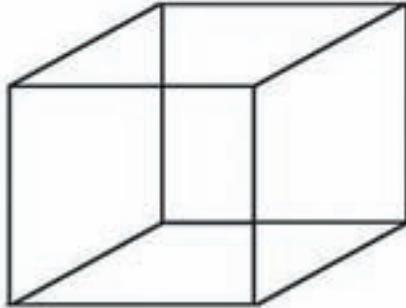
— **Матрешка.**

— Матрешка с разными статусами и полномочиями. Но это все внутри России и плюс еще были автономии в Узбекистане, в Грузии. Но когда мы говорим о распаде Союза, мы все-таки говорим о союзных республиках, которые были преимущественно мононациональными, хотя границы их тоже были передвинуты достаточно произвольно. Если мы не рассматриваем внутренний состав РСФСР, например, то Советский Союз в некотором приближении можно рассматривать как федерацию — равноправные республики по юридическому статусу. Хотя, конечно, реальный вес России был много больше всех других. Все субъекты Союза начали свое развитие с 1922 года с разных уровней, они развивались, они вырастали из коротких штанишек, они хотели большей самостоятельности. А централизация мешала этой самостоятельности. В результате стали возникать конфликты и по поводу бюджета («мы перечисляем больше»), и по поводу того, что вот у нас алмазы есть, а от алмазов нам мало что достается, и т.п.

Хочу обратить внимание. Горбачев, когда он думал о том, каким Союз должен быть, сказал: «Мы будем подписывать новый Союзный договор, и мы хотим сделать так, чтобы связи между субъектами этого Союза с союзным центром могли быть разные, в зависимости от того, как хочет республика». И он уже стал вводить нечто вроде государственной «Солнечной системы»: есть центр союзный, который разместим в Москве, а республики — кто ближе к центру, кто дальше — двигаются по своим орбитам.

По мере того как разрабатывался Союзный договор, он говорил не только о связях, но еще и о формах государственности каждой из республик. О разных формах. Здесь я попробую объяснить сверхсложность этой ситуации на примере рисунка.

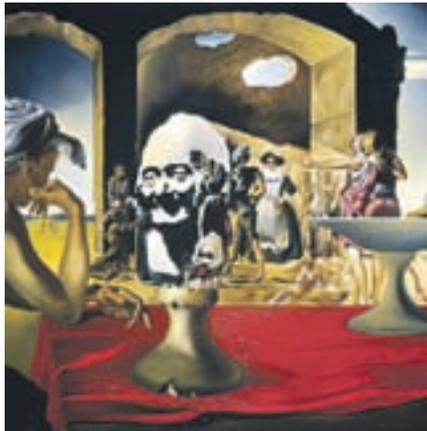
Есть картинка, которые обычно психологи используют: куб, который можно увидеть и сверху, и снизу в зависимости от переключения мозговой системы восприятия; или старуха и молодая девушка одновременно — так называемая бистабильная фигура. Или, скажем, у Сальвадора Дали проглядывает бюст Вольтера. И так далее,

Куб Неккера

Е. Боринг. Девушка или бабушка?

Сальвадор Дали. Бюст Вольтера

таких примеров очень много. Это называется «мультистабильные фигуры».

Советский Союз в задуманном Горбачевым варианте был такой «мультистабильной системой».

Мультистабильные фигуры могут существовать, только если движения каждой отдельной фигуры, каждого отдельного лица (и старухи, и молодой девушки) согласовываются с движениями другой. Если ты сделаешь резкое движение, у тебя линия сразу уйдет, и все — распадется рисунок. А тут предлагалось сделать мультистабильную фигуру из 12 действующих лиц.

— **То есть минус Балтия?**

— Минус Балтия. Ну даже, допустим, минус Грузия, минус Молдова. Все равно 10–12 действующих лиц, которые могут устойчиво организовывать эту картину, то есть страну, Союз, только если они очень аккуратно взаимодействуют друг с другом.

— **То есть предлагалось то, что можно назвать «гибкой федерацией»?**

— Да, он так и говорил: «гибкая федерация», совершенно верно. Но это можно делать лишь постепенно. Кстати, здесь фактор скорости важен. Вот смотри: политическая жизнь в стране нарастала со страшной скоростью, Горбачев как-то на нее реагировал и пытался успеть, и, кстати, тут он действовал в русле одной из управленческих теорий (не зная ее), которая говорит о том, что позитивно развивающееся общество должно иметь большое количество положительных обратных связей. Положительная обратная связь, в отличие от отрицательной обратной связи, не значит, что она хорошая, а отрицательная плохая. Положительная — это ускоряющая обратная связь, а отрицательная — тормозящая. И вот теория, что если у тебя все идет хорошо, ты включай больше и больше положительных обратных связей и тогда быстрее придешь к нужному результату, — отсюда «ускорение» (как, впрочем, и при Хрущеве: «догоним и перегоним»). Но каждый специалист, который занимался теорией управления серьезно на уровне теоретических (не упрощенных вербальных формулировок) расчетов, понимает всю опасность положительных обратных связей, потому что они очень быстро приводят к неустойчивости, что, собственно, и произошло в Советском Союзе. Не надо бы бежать. А как было не бежать, если уже страна мчалась по неизвестному маршруту? Он ее остановить уже не мог.

— **В столь сложно сконструированной стране, видимо, должен быть правильный баланс... То есть ты идешь по пути федерализации, предоставления больших полномочий и возможностей субъектам, но при этом для функционирования единого механизма должен быть и центральный, унитарный компонент, потому что иначе просто это все рассыплется.**

— Ну в конце концов к этому все и пришло. Горбачев и говорил, особенно осенью 1991 года: «Давайте любую конфедерацию, что хотите, но с центральным компонентом. Если его нет, это все рассыплется». И в результате 25 ноября, на последнем заседании в Ново-Огарево, Ельцин вновь сделал свое замечание, что не будет никакого центра, — и на этом все и закончилось. Конечно, центр должен быть в федерации.

Гонка со временем...

Любимое сейчас занятие — это полить грязью вообще все, что связано с периодом перестройки. И есть устойчивый мем, что «Горбачев развалил Союз». А когда смотришь на то, как происходили новоогаревские заседания и все эти споры в рамках Подготовительного комитета и на Государственном совете, то видишь, что Горбачев вообще-то бился за этот самый Союз ну просто яростно. Но он сопоставлял свои представления и планы с той политической реальностью, которую воплощали лидеры отдельных республик во время новоогаревского процесса? Или шел напролом?

— Да нет, конечно, сопоставлял. Ведь он же их уговаривал, он практически индивидуально работал, то есть не только за столом переговоров, когда они все собирались. Он их уговаривал отдельно, к каждому свой подход искал, все было. Нельзя сказать, что он шел напролом, совсем нет.

— Ну уж точно Союз не разваливал.

— Вообще-то очень странно выглядит, когда кто-то говорит, что один человек, Горбачев, или три человека в Беловежской пуше развалили могучий Советский Союз. Если он могучий, то как его могут развалить один-два-три человека? Это невозможно. Советский Союз распался под сорвавшейся лавиной энтропии, которую накопил за 70 лет. Валить все на Горбачева? Не он эту энтропию накапливал, ее надо было сбрасывать на протяжении 70 лет, ее надо было компенсировать, заниматься управлением. Но управлением занимались непрофессионально.

— До перестройки?

— Я беру весь советский период — с 1922 года до конца 1991 года.

Идея была в том, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно», иначе говоря, оно верно, потому что верно, и все должно идти так, как было сказано Марксом и Лениным. Это попытка создать какую-то, может быть, прекрасную структуру в меняющемся мире. Мир меняется, и если часть этого мира пытается сохраниться в неизменном состоянии, этот меняющийся мир начинает эту часть ломать. А сама эта часть живет по принципу: есть идеология, «шаг вправо, шаг влево», сами понимаете. Менять ничего нельзя.

Робкие попытки косыгинских реформ в экономике... Мир менялся. Страна тоже менялась по факту: промышленность другая, новые производства. И управлять надо было уже по-другому. Но нет! Энтропия накапливалась-накапливалась, и в годы перестройки лавина сорвалась. Как выстрел в горах — и лавина пошла. А что стало причиной выстрела, мы с вами сейчас уже и не скажем.

— Если мы вернемся к Союзному договору, то его так и не удалось подписать. А что стало главным камнем преткновения или, может, набором этих камней? Ведь поначалу вроде бы какой-то шел вполне пристойный разговор...

— Я думаю, этим камешком, конечно, послужил ГКЧП. Потому что Горбачеву в июле удалось уговорить коллег из республик, все согласовали проект, и должно было начаться подписание договора. Правда, не всеми сразу, не в один день, но по некоторому графику. Подписание должно было начаться в августе, Горбачев успокоился и уехал в Форос.

— Ты имеешь в виду встречу 23 июля 1991-го, когда вроде бы договорились о подписании договора?

— Да.

— И потом Горбачев в начале августа выступил по телевидению и сказал, что состоится подписание.

— Да. Началась подготовка, протоколышки готовили столы, таблички...

— Ну да, подписание было назначено на 20 августа. А 19-го начался путч. А что путчистов так смутило? Есть вполне достоверная версия, что они узнали о состоявшемся разговоре Горбачева, Ельцина и Назарбаева, в котором шла речь, что половина будущих путчистов (Лукьянов, Янаев, Пуго, Крючков) должна после подписания Союзного договора покинуть свои посты.

— Совершенно верно. Но они-то и до этого не принимали новый договор. Ну а дальше подошло к тому, что «после подписания нас не будет, а если мы попробуем и проиграем, нас тоже, может быть, не будет. Но так как результат-то один и тот же, давайте попробуем». Это уже чисто психологические моменты.

— А если бы не было путча и 20-го августа состоялось подписание Союзного договора, то, по твоему мнению, это могло спасти Союз? Или его разнесло бы все равно?

— Я считаю, Союз был бы другой. Я думаю, что там вполне могли бы остаться Белоруссия и все республики Центральной Азии. Кстати, Казахстан был наибольшим «союзником», он последний отступил, Назарбаев до последнего стремился Союз сохранить.

— Предположим, договор бы подписали. Но Россия уже с 12 июня 1990 года была со своим провозглашенным суверенитетом, после которого начался парад суверенитетов среди остальных республик. И что, не было бы таких антисоюзных действий, которые возникли после путча со стороны Ельцина и его команды?

— Все возможно. Потому что вся страна, мы все находились внутри огромной полифуркации. Полифуркация — это как бы обобщение бифуркаций. Бифуркация — точка, в которой происходит раздвоение траектории. Но на самом деле их не две, а боль-

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ БИТВА ЗА СОЮЗ. ОЦЕНКИ

Владимир МУСАЭЛЪЯН, Александр ЧУМИЧЕВ / ТАСС

Пресс-конференция ГКЧП 19 августа 1991 года

ше. Если мы попробуем взглянуть на эту точку под микроскопом, то увидим, что она на самом деле большая, и там разные рождаются траектории... Какое направление выберет история, трудно сказать. Но думаю, через какое-то время стало бы понятно, что все эти декларации о суверенитете — лишь политические заявления, работать на них невозможно, а работать надо на юридических документах. Понимание бы пришло, потому что экономика должна работать, завод должен работать. Они будут работать на декларации о суверенитете? Все это за несколько лет бы прошло, если бы мы могли дотянуть до 1993—1994 года в неполном Союзе, вполне он был бы жизнеспособным.

— То есть можно ли считать, что отношение к договорному процессу отдельных переговорщиков, отдельных республик, в первую очередь России и Украины, резко изменилось после ГКЧП?

— Да. Все среагировали, потому что все испугались.

— А чего испугались?

— Испугались, что их сейчас построят. Мы, мол, только-только сейчас договариваемся о том, что мы будем с разными связями, с разными формами, с «гибкой федерацией», а завтра нам опять скажут: «У нас полный централизм».

— А кто скажет?

— ГКЧП и скажет.

— Но ГКЧП ведь проиграл.

— Он рухнул, но это не значит, что все закончилось

— Боязнь рецидива?

— Конечно. Сейчас он рухнул, но через две недели выступят другие. Наступает революция.

— А не было у республик опасения, что место союзного центра займет Ельцин с его Российской Федерацией?

— Так это прямо высказывали на этих обсуждениях. В Ново-Огарево Назарбаев прямо и сказал 3 июня 1991 года на заседании Подготовительного комитета: «Что мы

себя обманываем. Какова будет позиция России после 12 июня?.. Не впусую мы тут работаем?» Он высказал это опасение при всех и для всех. И единственный, кто ему возразил, был Михаил Сергеевич. Он сказал: «Давайте, товарищи, не будем преувеличивать». На самом-то деле действительно идея-то у них была, что гипотетически Ельцин может занять место Горбачева.

— И это вызывало опасения с точки зрения, так скажем, оценки некоторых личных качеств и стилистики общения этого персонажа?

— Да.

— Подведем предварительный итог. То есть после достижения июльского консенсуса 1991 года был шанс на подписание Союзного договора...

— Да, и на существование Союза в усеченном составе.

Гонка со временем...

— **С** надеждой на то, что по ходу дела некие преимущества, которые дает членство в этой новоучрежденной государственной структуре, станут очевидно выгодными и поэтому захотят присоединиться к этому Союзному договору те, кто поначалу к нему не присоединился?

— Да, была такая мысль, что надо превратить обновленный Союз в нечто вроде Европейского союза, куда люди и страны стремятся.

— Было две проблемы в отношении к новому Союзу Ельцина и российской делегации. Ельцин выступал против союзной Конституции и фактически против союзного налога. И на это реагировал Горбачев, заявляя, что это и есть, собственно, убиение Союза.

— Но с налогами он все-таки справился к августу. А от союзной Конституции Ельцин отказался только в ноябре 1991 г.

— Если сейчас посмотреть немного назад — с перспективы прошедшего времени до того, что произошло в Беловежской пуше, — чего добивались Ельцин и его команда в период после путча?

— После путча он уже хотел полной самостоятельности России.

— Но при этом шел разговор о каком-то Содружестве?

— Так содружество это уже не союз, это уже международная организация, это уже никак не федерация. Он как политик

вел политическую игру, выжидая подходящего момента, чтобы сказать, что он самостоятельный, и на этом все. Момент этот наступил где-то к концу 1991 года. А его команда, в первую очередь главный теоретик Бурбулис, сразу говорила, что надо освободиться от висящих на России республик. Он не понимал, что фактически эти республики не висели на России, а были скрепляющим поясом Советского Союза, в котором Россия была доминантой. Ну а пояс, он тяжелый, конечно, поэтому его можно рассматривать и как лишний груз. Ну сбросили, и все.

— Можем ли мы с перспективы времени заявить, что все-таки были шансы на сохранение Союза — пусть измененного, трансформировавшегося, — если бы не гонка со временем и не путч? Или это пахнет утопией?

— Нет, я думаю, что возможность сохранения Советского Союза в усеченном составе была, и он бы мог просуществовать еще десятилетия. А дальше все зависело бы от того, как бы он развивался. Если просто продолжал бы ту же линию, которая была в Советском Союзе, линию накопления энтропии, то он все равно бы рухнул. То есть надо было осознать, что необходимо переходить к новым формам управления, к новым формам международных отношений, становиться даже не просто современной страной — потому что очень не похож Советский Союз на многие другие страны, — а стра-

ной, адекватной своим масштабам и структуре. Если бы это произошло, то да, конечно, дальше бы Советский Союз развивался, но он уже был бы другим Советским Союзом, да и название бы, конечно, уже изменили. Но это все-таки был бы континуитет, продолжение.

— Я думаю, что большую и очень важную роль сыграло бы еще и то, насколько была бы внедрена какая-то реальная обратная связь между властью и людьми.

— Очень хорошее замечание. И мы снова возвращаемся к понятию «обратная связь». Абсолютно верно. Потому что Горбачев эту обратную связь получал в таком, что ли, массивном виде, когда партии, массы, большие группы, огромное количество газет это все выплескивали, и что именно они выплескивают — поди сам проанализируй, в одиночку не проанализируешь. А институты здесь организовывать некогда, потому что все идет очень быстро.

Но на самом деле, когда я говорю об управлении, здесь необходимо было ввести еще некоего наблюдателя, который стоял бы вне власти и масс, живущих со своей обратной связью, и от наблюдателя ввести новый контур обратной связи и к власти, и к массам. И такой протоконтур управления существовал — это наука. Но к ней всегда относились с подозрением и контролировали особенно строго. К науке относились хорошо в моменты

Возможность сохранения Советского Союза в усеченном составе была, и он бы мог просуществовать еще десятилетия. А дальше все зависело бы от того, как бы он развивался

смертельной опасности. А все остальное время: они там высказывают что-то, ну и пусть... А они высказывают то, что они видят с точки зрения внешнего наблюдателя.

Кстати говоря, единственное работающее средство понижения энтропии — это наука, создающая новые знания.

Мы все, и Горбачев тоже, находились на корабле, который оказался в условиях сильнейшего шторма. Он — капитан корабля. Что ему делать? Прежде всего он должен сказать: «Я капитан, я веду корабль». Если он этого не сделает, корабль погиб. Он это сказал, хорошо понимая штормовые условия. Его упрекают: «У него не было плана». А ты в шторме находишься на корабле, ничего нигде не видно, кроме волн огромных, какой план ты составишь, куда ты его поведешь? Ты хоть понимаешь, где какая сторона света?

А ему говорят: «У тебя не было плана, поэтому ты все развалил». У него и не могло быть плана. И он даже понимал, что не успевает создать план. Не просто не успевает, он не знает, в какую точку ему идти, он не понимает до конца, из какой точки он вышел. Здесь от чего все зависит? Только от опыта и наития капитана, правильно он сделает или неправильно. Поэтому команде нужно было довериться капитану, и, может быть (я не говорю, что в этом случае все бы было хорошо, и Союз бы сохранился, я этого не говорю), шансов было бы значительно больше. Но вместо того, чтобы довериться капитану, стали капитана обвинять, и кто-то сказал: «Теперь я буду капитаном, этот плохо руководит». Сколько таких ситуаций случилось на морских просторах.

— Мне кажется, что критика в адрес Горбачева была основана на том, что эти люди не видели накопившейся энтропии и не понимали ее...

— Видели, конечно, но всю ее опасность не понимали.

— Не понимали, потому что всерьез не думали о ней. Но при этом одни обвиняли его за то, что он вообще вмешался в ход истории и сдвинул эту пирамиду, которая каким-то странным образом еще держалась. Мол, «не надо было ничего трогать». Другие, наоборот, — надо бы побыстрее, что он тянет!

— Точно сказано: о срывающейся лавине энтропии не думал никто.

Alamy Stock Photo

ГОРБИТ
GORBY

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ
(ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ)
НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ
АГЕНТОМ ВИШНЕВСКИМ БОРИСОМ
ЛАЗАРЕВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
ВИШНЕВСКОГО БОРИСА ЛАЗАРЕВИЧА.

Пораженные в правах

КАК «ИНОАГЕНТЫ» В РОССИИ ПОСТЕПЕННО
ПРЕВРАТИЛИСЬ В «ЛИШЕНЦЕВ» И ВОТ-ВОТ ПРЕВРАТЯТСЯ
ВО «ВРАГОВ НАРОДА»

Борис Вишневский

Понятие «иностраный агент» появилось в российском законодательстве двенадцать лет назад — в июле 2012 года. В относительно мягкие времена — вскоре после разгона митинга на Болотной площади, но задолго до Крыма и превращения думского

принтера в разбушевавшийся гачный ключ.

Тогда принятие соответствующего закона казалось юридическим нонсенсом, который потом, конечно же, подправят.

Ожидания не оправдались: «иноагентское» законодательство превратилось в непрерывно работающий механизм государственной, внесудебной и практически неотменяемой дискриминации, означающей ограничение в правах и необходимость следовать

абсурдным запретам под угрозой административного или уголовного преследования. А также в чудовищный механизм сегрегации, разделения общества по политическим мотивам на «своих» и «чужих», на которых поставлено клеймо «иноагента», все больше приближающееся к понятию «враг народа».

Сам этот термин пока еще не решаются внести в закон. Но ведь и терминология сталинских репрессий не сразу появилась.

Закон об «иноагентах» стал одним из первых законов третьего президентского срока Владимира Путина. Первоначально он появился в форме поправок к Федеральному закону «О некоммерческих организациях», внесенных 29 июня и принятых 13 июля 2012 года.

Статусом «иностранного агента» по этому закону наделялись российские НКО, которые занимаются политической деятельностью, и при этом получают денежные средства и иное имущество от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства.

Под «политической деятельностью» при этом предлагалось понимать чрезвычайно широкий спектр деяний.

А именно — не только участие в выборах или контроль за ними, или организацию публичных акций «в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях», но даже и направление обращений в государственные органы и «распространение мнений о проводимой этими органами политике и принимаемых ими решениях».

То есть, по сути, под «политической деятельностью» предлагалось понимать реализацию конституционных прав. И если те организации, которые этим занимались, получали хоть какие-то средства из-за рубежа, этого было достаточно для обретения статуса «иноагента». Совершенно независимо от того, было ли связано получение этих средств с политической деятельностью.

В этом, как обращали внимание сразу же после принятия закона, заключалась серьезнейшая логическая ошибка.

«Агент» всегда является конкретным, а не вообще «иностранным», статус агента предусматривает наличие двустороннего договора. А самое главное — по закону для объявления НКО «иностранным агентом» не требуется ни устанавливать, ни доказывать наличие связи между получением денег и деятельностью, которую законодатели считают политической. И к тому же, как выяснилось, не имеет никакого значения сумма «иностранного финансирования». Так, Лига избирателей, собравшая несколько миллионов рублей пожертвований от российских граждан, была признана «иностраным агентом» из-за того, что получила 240 рублей (!) от гражданина Молдовы.

Но не стоит считать, что все это было случайной ошибкой законодателей: они действовали вполне намеренно и не собирались эту ошибку исправлять.

Те, кто получал статус «иноагента», были обязаны маркировать все свои материалы (включая посты в социальных сетях) сооб-

щением о своем «иноагентском» статусе и регулярно и подробно отчитываться перед Минюстом не только о своих доходах, но и о расходах.

А за отказ объявлять себя «иноагентом» или выполнять установленные к ним требования и соблюдать запреты достаточно быстро были введены штрафы и уголовная ответственность (в случае неоднократного нарушения).

В том же 2012 году президент Владимир Путин, комментируя «иноагентский» закон, заявил (этот тезис тиражируется до сих пор), что он является аналогом американского закона FARA (Foreign Agents Registration Act), принятого в 1938 году. И что он даже якобы куда более мягкий, чем американский закон.

Пораженные в правах

Утверждение Путина многократно опровергалось независимыми экспертами, юристами и оппозиционными политиками.

Закон FARA, в отличие от российского, наделяет статусом иностранного агента только ту организацию или физическое лицо, которое действует по приказу иностранного правительства или политической партии и участвует в политической деятельности в США в интересах иностранного государства или партии, либо представляет интересы иностранного государства перед должностными лицами или правительством США. Главным образом его положения применяются к юридическим фирмам и пиар-агентствам, нанятым правительством иностранного государства и выступающим в качестве агента иностранного принципала.

Разница с российской конструкцией видна, что называется, невооруженным глазом: в России получить статус «иноагента» могут те, кто не получает никаких «приказов иностранного правительства» и без всякого «представления его интересов». И, как показывает практика, получают в массовом порядке.

В апреле 2013 года в интервью немецкому телеканалу ARD президент Владимир Путин заявил, что на территории России действуют 654 неправительственные организации, финансируемые из-за рубежа, и что за четыре месяца после принятия закона на счета этих организаций из-за границы поступило 28,3 млрд рублей.

Представители НКО (главным образом правозащитных) возмутились такими обвинениями, указав, что они ведут свою отчетность открыто и подобных сумм в их документах нет, и что иностранное фи-

нансирование таких правозащитных НКО, как Московская Хельсинкская группа и ассоциация «Голос»*, находится в пределах нескольких миллионов рублей за год. Они попросили президента опубликовать список организаций, якобы получивших из-за рубежа миллиард долларов за 4 месяца, — ответа, само собой, не последовало.

Забегая вперед, отметим, что в марте 2019 года глава Росфинмониторинга Юрий Чиханчин во время доклада Владимиру Путину озвучил цифру в 80 миллиардов рублей, которую продолжают получать НКО из-за рубежа, заявив, что деньги идут «не все для благих целей» и на «определенной степени деструктивности». Никакой конкретики приведено также не было...

В сентябре 2013 года уполномоченный по правам человека в России Владимир Лукин направил в Конституционный суд жалобу на закон об «иностранных агентах», указав, что положения закона, в которых даются определения «иностранного агента» и «политическая деятельность», политически и юридически неконкретны.

В апреле 2014 года КС вынес решение по этому делу, признав оспариваемые положения соответствующими Конституции. При этом два фрагмента решения стоит процитировать:

«Признание конкретных российских некоммерческих организаций выполняющими функции иностранного агента, объективно обусловленное тем, что они реально вовлечены в установленную названным Федеральным законом систему правоотношений, связанных с получением денежных средств и иного имущества от иностранных источников, имеет своим предназначением их идентификацию в качестве специфического субъекта политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, и не означает указания на исходящую от

данных организаций угрозу тем или иным государственным и общественным институтам, даже если они действуют по поручению и (или) в интересах соответствующих иностранных источников, а потому любые попытки обнаружить в словосочетании «иностранного агента», опираясь на сложившиеся в советский период и, по существу, утратившие свое значение в современных реалиях стереотипы, отрицательные контексты лишены каких-либо конституционно-правовых оснований».

«В условиях, когда Российская Федерация, как это прямо следует из преамбулы Конституции Российской Федерации, не мыслит себя вне мирового сообщества, получение российскими некоммерческими организациями, принимающими участие в политической деятельности, иностранного финансирования — по смыслу правовой позиции, сформулированной Конституционным судом Российской Федерации в Постановлении от 22 июня 2010 года № 14-П, — само по себе не может ставить под сомнение лояльность таких организаций по отношению к своему государству. Иное не только было бы несовместимо с конституционной необходимостью обеспечения взаимного доверия и уважения граждан (их объединений) и государства, но и противоречило бы статье 21 (часть 1) Конституции Российской Федерации, возлагающей на государство обязанность охранять достоинство личности и не допускать его умаления. Соответственно, законодательная конструкция некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, не предполагает негативной оценки такой организации со стороны государства, не рассчитана на формирование отрицательного отношения к осуществляемой ею политической деятельности и тем самым не может восприниматься как проявление недоверия или желания дискредитировать такую некоммерческую организацию и (или) цели ее деятельности» (выделено мной. — Б. В.).

Сегодня, спустя десять лет, эти формулировки выглядят, как жестокая насмеш-

* Внесен Минюстом в реестр «иноагентов».

Советские плакаты

ка, хотя правовые позиции, сформулированные Конституционным судом, являются обязательными для всех в стране и не подлежащими сомнению.

Однако мы видим, что в понятие «иностранный агент» вкладываются (и с каждым годом все больше) именно «отрицательные контексты», очень даже напоминающие «советский период», когда карали за «связи с иностранцами» и когда вместо словосочетания «иностранный агент» применялось слово «шпион».

Мы видим, что «иностранных агентов» объявляют именно угрозой для «государственных и общественных институтов», совершенно не заботясь доказыванием того, что они действуют «по поручению или в интересах иностранных источников» и при полном отсутствии таких поручений.

И мы видим, что «законодательная конструкция НКО-иноагента» очень даже предполагает «негативную оценку со сто-

роны государства», очень даже рассчитана на «формирование отрицательного отношения к осуществляемой ею политической деятельности» и очень даже воспринимается как «проявление недоверия или желания дискредитировать такую некоммерческую организацию и (или) цели ее деятельности».

Последующие законодательные изменения все это полностью подтвердили.

В ноябре 2017 года понятие «иноагентов» решили расширить, и появились новые «пораженные в правах» — «СМИ, выполняющие функции иностранного агента», причем за поправки в Закон о СМИ в едином порыве голосовали все четыре думские фракции.

Устанавливалось, что Минюст может признать «иностранным агентом»

любое иностранное СМИ, получающее финансирование или имущество от «иностранных органов» или граждан непосредственно или через российские юридические лица. Такие «иностранные агенты» приравнены в своих обязанностях к НКО-«иностранным агентам», а реестр СМИ-«иностранных агентов» ведется Минюстом.

Прошло еще два года, и категория дискриминируемых дополнилась и вовсе абсурдной — физические лица, выполняющие функцию СМИ-«иноагента». Чтобы попасть в эту категорию, достаточно было опубликовать хоть что-то в Сети и при этом получать финансирование из-за границы.

Пораженные в правах

В январе 2018 года Госдума приняла в первом чтении поправки сенаторов Андрея Клишаса и Людмилы Боковой и депутатов Петра Толстого и Леонида Левина, которыми предлагалось признавать физическое лицо «иностранным агентом» при распространении им материалов для неограниченного круга лиц и получении иностранного финансирования.

Затем, при втором чтении, к этой категории причислили и тех, кто распространяет сообщения и материалы СМИ-«иностранных агентов» или участвует в создании этих материалов и при этом получает финансирование из-за рубежа. Также физическое лицо могло быть признано «иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента». Президент подписал этот закон в декабре 2019 года, и он вступил в силу, породив новую категорию дискриминируемых.

Отметим, что к этому времени обязанностью маркировки клеймом «иноагента» дискриминация не ограничилась.

«Иноагентам» запретили занимать должности на государственной и муниципальной службе и запретили допуск к государственной тайне. НКО-«иноагенты» были лишены права выдвигать кандидатов в общественные наблюдательные комиссии, проводить антикоррупционные экспертизы и быть организаторами публичных акций.

После этих изменений более двух десятков российских НКО обратились к уполномоченному по правам человека в России Татьяне Москальковой и комиссару по правам человека Совета Европы Дунье Миятович с жалобой на законодательные инициативы об «иностранных агентах».

Они указывали, что эти проекты направлены на подавление деятельности российских НКО, общественных объединений, филиалов международных неправительственных НКО, на «дальнейшее ограничение прав граждан России на свободу ассоциаций, на свободу мирных собраний, на свободное выражение мнения, на свободу распространения и получения информации». И что благодаря этим законам «будет создана юридическая база для запрета любых инициатив, критикующих проводимую государством политику или даже отклоняющихся от нее».

Реакции не последовало — напротив, изменения закона продолжились.

Очередные изменения в «иноагентском» законодательстве были проведены в декабре 2020 года, когда был принят закон, предусматривающий, что «иностранными агентами» можно признавать физических лиц, занимающихся политической деятельностью или сбором сведений в военно-технической сфере и получающих деньги и «иную помощь» из-за рубежа. Кроме того, он предусматривал, что статус «иностранный агент» можно присваивать организациям, действующим без образования юридического лица и без государственной регистрации.

В 2021 году были приняты изменения в избирательном законодательстве, связанные с «иноагентством». И ввели обязанность избирательных объединений и кандидатов в депутаты маркировать себя клеймом «иностранный агент» или «аффилированный с иностранным агентом». В результате «Яблоко», выдвинувшее в Госдуму Андрея Пивоварова (признан «иноагентом»), обязали отдавать 15% печатной площади в любой агитации под упоминание (причем капслоком) о том, что в составе списка его кандидатов имеется «лицо, аффилированное с иностранным агентом». И в избирательном бюллетене тоже стояла эта фраза.

В июле 2022 года был принят и в декабре того же года вступил в силу «комплексный» Федеральный закон № 255-ФЗ, заменив-

ший собой прежние нормы, — «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». В него вошли все основные понятия и ограничения, касающиеся «иноагентов». И что весьма существенно, теперь для включения в реестр «иноагентов» Минюст даже не должен доказывать наличие иностранного финансирования. Вполне достаточно «иностранный влияния», которое определено чрезвычайно широко и расплывчато.

По этому закону под «иностранным агентом» понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность, виды которой установлены этим же законом (о чем ниже). В свою очередь, под иностранным влиянием понимается «предоставление иностранным источником лицу поддержки и (или) оказание воздействия на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения и (или) иными способами». А под поддержкой — «предоставление лицу иностранным источником денежных средств и (или) иного имущества, а также оказание лицу иностранным источником организационно-методической, научно-технической помощи, помощи в иных формах».

Особенно создают проблемы формулировки об оказании воздействия «иными способами» и о помощи в «иных формах» — под это можно подогнать все что угодно, практически любые ситуации общения с «иностранными источниками». И это не умоглядные предположения, как показывают суды, где «иноагенты» пытались оспаривать свой статус.

О каких «видах деятельности» идет речь?

Во-первых, это «целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, распространение предназначенных для неограниченного круга лиц сообщений и материалов и (или) участие в создании таких сообщений и материалов».

А во-вторых, политическая деятельность, под которой понимается следующее:

1) участие в организации и проведении публичных мероприятий в форме собраний,

митингов, демонстраций, шествий или пикетирований либо в различных сочетаниях этих форм, организации и проведении публичных дебатов, дискуссий, выступлений;

2) участие в деятельности, направленной на получение определенного результата на выборах, референдуме, в наблюдении за проведением выборов,

4) распространение, в том числе с использованием современных информационных технологий, мнений о принимаемых органами публичной власти решениях и проводимой ими политике;

5) формирование общественно-политических взглядов и убеждений, в том числе путем проведения опросов общественного мнения и обнародования их результатов

под подозрением об «иностранном влиянии» — они рискуют попасть в реестр «иноагентов». Правда, специально оговаривается, что политические партии не могут быть признаны «иноагентами», но они и так, по другому закону, не могут получать никакого финансирования из-за рубежа.

Также закон оговаривает, что к политической деятельности не относится деятельность в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социального обслуживания, социальной поддержки и защиты граждан, защиты человеческой жизни, семьи, материнства, отцовства и детства, традиционных семейных ценностей, социальной поддержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты растительного и животного мира, благотворительная деятельность.

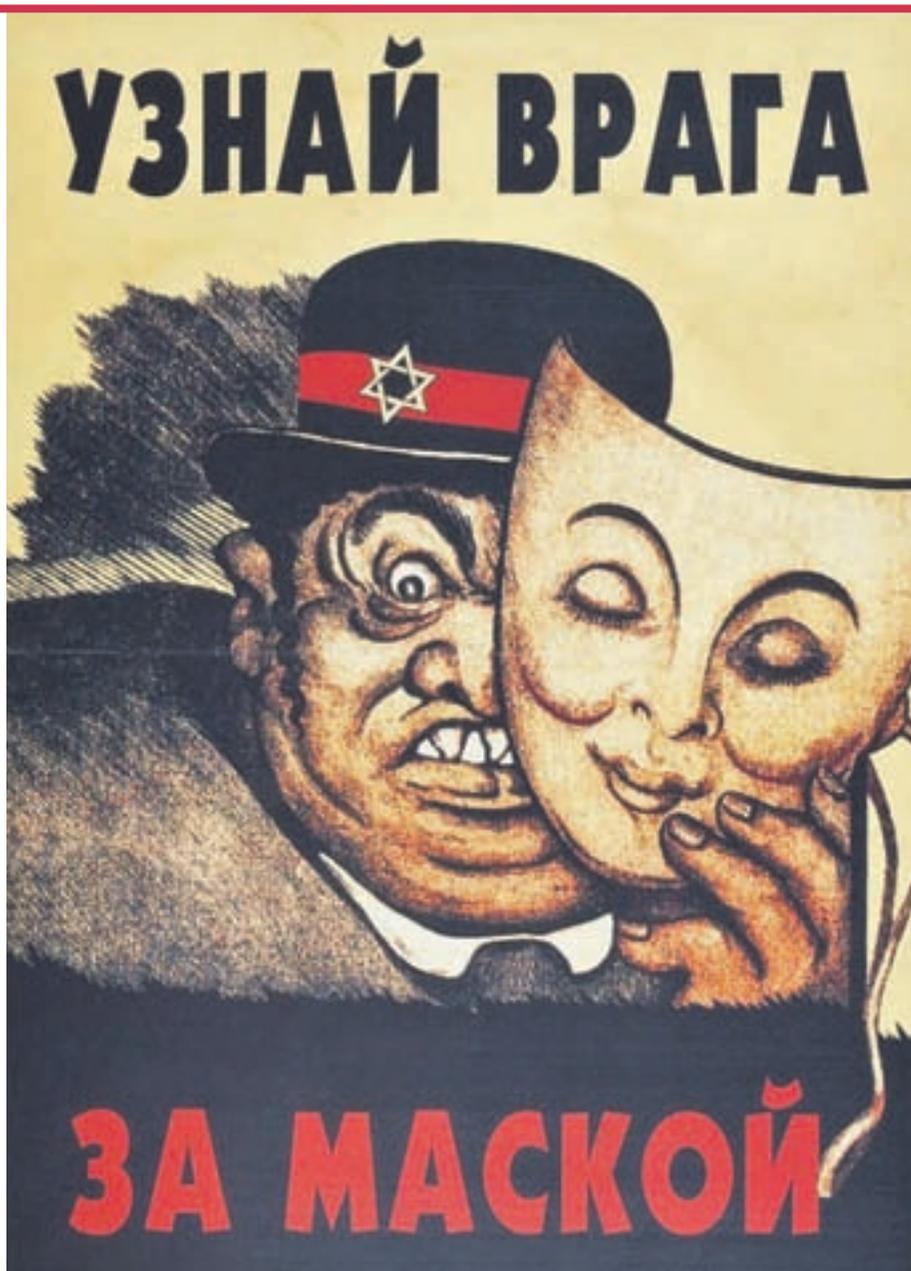
Однако практика показывает, что и такая деятельность вполне может попасть под «иноагентство»: не раз и не два «иноагентами» признавались НКО, занимающиеся благотворительностью и социальной поддержкой. Последний пример — включение в реестр «иноагентов» благотворительного фонда «Нужна помощь» (признан «иноагентом»), поддерживавшего тысячи людей, в этой помощи нуждавшихся.

Упомянутым законом было введено целых восемнадцать (!) различных запретов для «иноагентов», включая внесудебные поражения в конституционных правах, в том числе — избирательных.

Так, «иноагент» не может быть назначен на должности в органах публичной власти, в том числе замещать должности государственной гражданской службы и муниципальной службы, быть членом избирательной комиссии, комиссии референдума.

Он не вправе «осуществлять деятельность, способствующую либо препятствующую выдвижению кандидатов, спискам кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, выдвижению инициативы проведения референдума и проведению референдума, достижению определенного результата на выборах, референдуме, а также в иных формах участвовать в избирательных кампаниях, кампаниях референдума».

Также «иноагентам» запрещается вносить пожертвования в избирательные фонды кандидатов, зарегистрированных кандидатов, избирательных объединений, в фонды референдума.

Советский плакат

референдума, формировании избирательных комиссий, комиссий референдума, в деятельности политических партий;

3) публичные обращения к органам публичной власти, их должностным лицам, а также иные действия, оказывающие влияние на деятельность этих органов и лиц, в том числе направленные на принятие, изменение, отмену законов или иных нормативных правовых актов;

или проведения иных социологических исследований;

б) вовлечение граждан, в том числе несовершеннолетних, в указанную деятельность и ее финансирование.

Опять же, речь идет о реализации гражданами своих конституционных прав — в том числе о влиянии на решения органов власти. И стоит гражданину или организации, которые этим занимаются, оказаться

Пораженные в правах

На практике это означает, что «иноагентов» не может быть ни на одном этапе избирательного процесса. Начиная с выдвижения кандидатов и предвыборной агитации и заканчивая подсчетом голосов и определением результатов.

Далее, «иноагент» не имеет права принимать участие в деятельности комиссий, комитетов, консультативных, совещательных, экспертных и иных органов, образованных при органах публичной власти. Общественные объединения, включенные в реестр «иноагентов», не могут выдвигать кандидатуры в состав общественной наблюдательной комиссии. «Иноагенты» не могут проводить независимую антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов или их проектов. Они не могут быть организаторами публичных акций и не могут их финансировать.

Политические партии не вправе принимать от «иноагентов» пожертвования и заключать с ними любые сделки.

Также «иноагенты» не могут осуществлять просветительскую деятельность в отношении несовершеннолетних и (или) педагогическую деятельность в государственных и муниципальных образовательных организациях, вести любую образовательную деятельность в отношении несовершеннолетних и производить для них информационную продукцию.

Часть ограничений носит «экономический» характер: «иноагенты» не могут принимать участие в госзакупках, не могут пользоваться упрощенной системой налогообложения, не могут «осуществлять эксплуатацию значимых объектов критической информационной инфраструктуры и осуществлять деятельность по обеспечению безопасности значимых объектов

критической информационной инфраструктуры», и не вправе быть экспертами при проведении государственной экологической экспертизы или участвовать в ее организации и проведении.

В 2023 году перечень ограничений был дополнен: «иноагенты» лишились права получать государственную финансовую и иную имущественную поддержку, в том числе при осуществлении творческой деятельности.

И наконец, в 2024 году последовали новые запреты и ограничения. Спикер Госдумы Вячеслав Володин заявил, что к нему «поступают многочисленные обращения с вопросом, почему на интернет-ресурсах иноагентов до сих пор размещается реклама российских компаний» и что «блогеры, действующие в интересах недружественных государств и льющие грязь на нашу страну, по-прежнему зарабатывают деньги на наших гражданах, на отечественных компаниях».

После чего оперативно был принят (и подписан президентом) закон, запрещающий гражданам и отечественным компаниям, независимо от форм собственности, размещать рекламу на сайтах «иноагентов», в их соцсетях и на других интернет-площадках. Это немедленно привело к фактическому закрытию одних популярных ресурсов, лишившихся рекламных поступлений, и огромным трудностям для других.

Все перечисленные запреты, как уже сказано, означают поражение в конституционных правах. Причем накладываемое во внесудебном порядке, волевым решением чиновника Минюста.

Статья 55 Конституции позволяет ограничить конституционные права, но «только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Однако какие угрозы основам конституционного строя или обороне страны, или безопасности государства представляет, например, членство «иноагентов» в избирательных комиссиях, или ведение ими просветительской деятельности, или размещение у них рекламы? Представляется, что никаких. Но поражение в правах — налицо, а попытки его оспорить, как правило, безуспешны.

В Пскове, где статус «иноагентов» был приклеен к журналистам Людмиле Савицкой* и Денису Камалюгину*, они пошли в суд. А в суде представители Минюста... отказались сообщить, на основании каких данных журналисты признаны СМИ-«иноагентами!» Мол, это «служебная информация», не подлежащая разглашению. Суд же, выслушав этот антиконституционный бред (статья 24 Конституции гарантирует гражданину ознакомление с материалами, затрагивающими его права и свободы), заявил, что у него «нет оснований не доверять сотрудникам Минюста» (!).

Ровно так же, заметим, российские суды ведут себя, рассматривая дела задержанных на публичных акциях, — никакие их аргументы, доказательства и свидетельства не принимаются в расчет, зато у суда никогда «нет оснований не доверять показаниям сотрудников полиции»...

Когда статус «иноагента» в том же Пскове в сентябре 2023 года оспаривал «яблочник» Лев Шлосберг*, ему не смогли вменить ни «иностранное финансирование», ни иные предусмотренные законом основания для включения в реестр «иноагентов».

Представитель Минюста, участвовавший в заседаниях Псковского городского суда, заявил, что девять из десяти предусмотренных законом источников иностранного влияния не установлены, но применил 10-й вид источника — «влияние иных лиц», под которыми Минюст имеет в виду граждан России, которых сам же Минюст внес в реестр «иностранных агентов».

При этом ни по одному эпизоду такого влияния суду не были представлены ника-

кие доказательства ни содержания, ни формы, ни результата такого влияния.

После этого суда Шлосберг сказал, что «мы получили все подтверждения того, что единственным основанием для включения меня в реестр «иностранных агентов» является моя законная политическая деятельность, и ответом именно на эту деятельность и стало нарушение моих конституционных прав».

По очень похожему сценарию Замоскворецкий районный суд в Москве рассматривал жалобу нобелевского лауреата и основателя «Новой газеты» Дмитрия Муратова* на включение его в реестр «иностранных агентов».

В решении суда первой инстанции (апелляция еще не рассматривалась), не мудрствуя лукаво, написано, что к «иностранным источникам», влияние со стороны которых может повлечь объявление гражданина «иноагентом», относятся в том числе и сами «иноагенты».

После чего утверждается: раз Муратов выступает на «информационных площадках, созданных иностранными агентами» — в том числе на BBC, Deutsche Welle*, «Голосе Америки»*, а также в программах у Юрия Дудя* — значит, он получает от них помощь, а следовательно, находится под «иностранным влиянием».

Это абсолютное извращение даже той логики, которая содержится в «иноагентском» Федеральном законе № 255-ФЗ: те, кто российским Минюстом (в том числе безосновательно) объявлен «иностранным агентом», по сути, объявлены этим решением суда носителями некоей политической инфекции, которая передается при любом контакте, заражения которой невозможно избежать и от которой нельзя излечиться.

Было, правда, одно исключение: в июле 2023 года Советский районный суд во Владивостоке, рассмотрев иск гражданина на включение в реестр «иноагентов», его удовлетворил.

И в очень похожей на предыдущие ситуации суд написал в решении: «Сведений и доказательств, подтверждающих нахождение истца под иностранным влиянием в виде получения им поддержки в виде предоставления со стороны иностранных источников денежных средств и (или) иного имущества, а также оказание ему иностранным источником организационно-методической, научно-технической помощи, помощи в иных формах, и (или) оказание воздействия на такого-то со стороны иностранных источников, в том числе путем принуждения, убеждения и (или) иными способами, в распоряжении административного ответчика не имеется и суду не представлено».

А еще суд решительно отверг обвинение в том, что раз истец два года живет за гра-

ницей — значит, он уж точно находится под «иностранным влиянием».

Написав в решении, что «реализация гражданином Российской Федерации гарантированных ему Конституцией Российской Федерации прав, в том числе на свободу выезда из Российской Федерации и выбора им места пребывания и жительства, в силу сложившихся жизненных обстоятельств, не может влечь за собой наступление для него негативных последствий в виде возникновения дополнительных ограничений и обязанностей, связанных с исполнением требований Федерального закона № 255-ФЗ, при отсутствии иных оснований и соответствующих доказательств».

Что «предположения и домыслы не могут быть положены в основу решения суда».

И что «доводы административного ответчика, изложенные в письменном отзыве, суд считает несостоятельными и основанными на неверном толковании положений Федерального закона № 255-ФЗ».

К сожалению, вторая инстанция это решение отменила — но все же нашелся в России хоть один суд, который занял правовую, а не политическую (и удобную власти) позицию по этому вопросу...

Президент Владимир Путин осенью 2023 года заявил, что «иноагентам» никто не мешает «заниматься общественной деятельностью за деньги иностранного государства», от них всего лишь требуют «хотя бы показать источник финансирования».

Однако, как уже сказано, «иноагентом» Минюст объявляет и без всякого иностранного финансирования. А бывают и совершенно абсурдные ситуации: когда внесение в «иноагентский» реестр оспаривал зампред московского «Яблока» Андрей Морев*, представитель Минюста заявил в суде, что факт иностранного финансирования подтвердить не может, «но он наверняка есть».

Никаких оснований относиться к Минюсту как к английским джентльменам, которым принято верить на слово, не имеется. Но его чиновники ведут себя по принципу старого анекдота «и тут-то мне и пошла карта».

Бесспорно, это принципиально новое слово в юриспруденции: его распространение существенно облегчило бы жизнь прокурорам. Выступая в суде, они могли бы говорить: «Никаких доказательств виновности подсудимого у меня нет, но он наверняка виновен». И просить обвинительный приговор.

Впрочем, по «политическим» делам прокуроры давно уже выступают так, как если бы указанная новация стала общепринятой и утвержденной.

По пятницам, публикуя пополнения в «иноагентский» реестр, Минюст сопровождает это пояснениями: по каким причинам имярек включен в реестр.

Так вот, НИ ОДНА из этих причин — по упомянутому Федеральному закону «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» — не является основанием для внесения в реестр «иноагентов».

Как правило, сообщается, что имярек «выступал против специальной военной операции на Украине, принимал участие в создании и распространении для неограниченного круга лиц сообщений и материалов иностранных агентов, участвовал в качестве респондента на информационных площадках, предоставляемых иностранными агентами, распространял недостоверную информацию о принимаемых органами публичной власти Российской Федерации решениях и проводимой ими политике».

Все это может не нравиться Минюсту — но ничего из этого не может быть основанием для признания «иноагентом». Однако реестр исправно пополняется: по состоянию на 8 марта 2024 года в нем 774 гражданина и организации.

Все это — вопиюще неправовой механизм государственной дискриминации неугодных. При этом продолжают звучать все новые и новые предложения усилить эту дискриминацию. И все чаще в адрес «иноагентов» звучат выражения «враги», «предатели», «изменники».

Недавно депутат Госдумы Андрей Альшевских заявил, что готовит предложение вообще запретить «иноагентам» пользоваться социальными сетями.

А думский комитет по культуре под руководством Елены Ямпольской готовит проект об изъятии книг «иноагентов» из библиотек.

Без всяких законных оснований снимаются из репертуара спектакли, поставленные по книгам «иноагентов», издательства отказываются печатать эти книги, а уже напечатанные книги изымаются из магазинов.

Разве что пока не сжигаются на площадях.

Борис Вишневский*

* Внесены Минюстом в реестр «иноагентов».

Светлана ВИДАНОВА

Кто и как гребет на судебных галерах

НЕГАТИВНАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ —
ВОТ ЧТО ОТЛИЧАЕТ СУДЕБНУЮ
БЮРОКРАТИЮ ОТ «ДРУГИХ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ»

Леонид Никитинский

На прощание с председателем Верховного суда Вячеславом Лебедевым в Колонный зал 28 февраля приехал президент, и было подвезено 12 автобусов судей, а в главном храме столицы его отпел патриарх. Но все равно эти похороны прошли не так заметно, как через два дня того, кого созданная Лебедевым система в конечном счете и упекла в Харп.

Високосный февраль столкнул два, как сказал бы Макс Вебер, «идеальных типа» карьер и жизненных стратегий. Оба умерших «в идеале» были юристами и выдающимися организаторами, но один для согласных, а другой — для несогласных. А если смотреть в корень, все переворачивается: признанный экстремистом Навальный мечтал о правовом государстве и как политик старался использовать только правовые методы, а Лебедев создал бюрократию, которая для решения политических задач работает строго анти-правовым образом.

Тип несогласных хорошо знаком нашим читателям, поэтому остановимся на согласных: «А судьи кто?» Прежде всего это те, кто обладает монопольным правом реализовать монополию государства на легитимное насилие.

На улицах нередко увидишь машину с красной полосой и надписью «Следственный комитет», но никогда с надписью «суд». Крепкие мужики в полицейском камуфляже тоже заметней, особенно когда тащат несогласных в автозаки. Но эти машины поедут в суд, где, как правило, женщины средних лет в черных халатах, именуемых мантиями, раздадут задержанным штрафы или «сутки».

Их же разрешение необходимо для производства обыска, который (со взломом двери) покажут по телевизору, и даже на про-

слушивание телефона, хотя такая «санкция» выдается негласно. И только судья обладает правом вынести уголовный приговор, подписав его своей рукой. На иконе легитимного государственного принуждения он (а чаще — она) занимает центральное место. Что же это за человек? И человек ли?

Лебедев, в 90-е годы высказывавшийся за открытость судейского сообщества, впоследствии создал непроницаемую систему: о рядовых судьях, кроме дат их назначения указами президента, из открытых источников нельзя узнать ничего. Последнее релевантное исследование судейской профессии по согласованию с председателями судов проводили социологи Института проблем правоприменения (ИПП) в 2013–2015 годах, оно было опубликовано отдельной книгой в 2016-м. На нем (а также на собственных сведениях, почерпнутых в не столь давние времена, когда представители судейской верхушки с нами еще разговаривали) мы и будем основываться: социологи группы Вадима Волкова уже тогда увидели тренды, действующие по сей день.

В первой части этих заметок мы дадим краткое описание того, что представляет собой судебная система с формально-юридической и антропологической точек зрения,

а во второй — возьмем на себя смелость экстраполировать некоторые выводы на другие части разветвленной бюрократии сегодняшней РФ.

«Судебная нагрузка»

Изнутри судебная система предстает совсем не так, как ее видит телезритель, пугаемый уголовщиной, или пользователь интернета, где новости связаны большей частью с уголовными и административными делами с политической составляющей. Термин, который чаще всего звучит на совещаниях судей, бюрократичен и безлик: «судебная нагрузка».

По данным Судебного департамента, в первом полугодии прошлого года российские суды рассмотрели 580 тысяч уголовных дел, осудив по ним 295 090 человек, 13 млн 73 тыс. 632 гражданских дела и 748 012 административных.

Подавляющая масса дел — гражданские, из них около 95 % фактически бесспорны: это взыскания по искам налоговых, других государственных органов и банков на незначительные суммы. В 99 случаях из 100 ответчики по этим делам в суды не приходят. Значительная часть дел связана не со спором, а с тем, что закон не предусматривает иного способа выхода из ситуации (развод при наличии несовершеннолетних детей). Часто судебное решение — лишь удобный способ для бухгалтерии списать безнадежный долг. Как в конце прошлого года успел рассказать Лебедев, судебная нагрузка по гражданским делам возросла еще на 9% — это новые сотни тысяч дел, на судью в среднем их приходится по пять-десять в день.

По данным ИПП, уголовные дела занимают не более 5% в общем объеме, хотя в силу длительности их доля в судебной нагрузке выше. Но не менее двух третей рассматриваются в упрощенном порядке: подсудимые признали вину еще на этапе следствия, и судья лишь закрепляет этот факт приговором, не вникая в доказательства вины, — это конвейер.

По таким делам работа судьи — тяготи́на и рутина. Можно говорить, что законы и практики, ее регламентирующие, весьма несовершенно, но политической составляющей здесь практически нет — нет и причин для отступления от закона, не считая опять же чисто рутинных или уж откровенно коррупционных.

Протестно-митинговые волны влекут авралы, по административным статьям судьи нередко выносят решения в выходные и в позднее время. Здесь появляется политическая составляющая «лайт», которая заставляет судью ориентироваться не только на закон, но в целом это тоже конвейер, и когнитивный диссонанс у закаленного судьи тут не возникает.

Основная масса «нагрузки» ложится на плечи мировых судей и судей районных судов. Физически они не в состоянии с этим справиться и часто лишь подписывают решения, которые готовят (в том числе методом копипаста) помощники, а иногда и секретари судебных заседаний. Вот кто «рабы на галерах», и при этом трудятся они за очень умеренную заработную плату.

Кто и как гребет на судебных галерах

Вопрос о качестве судебного аппарата поднимался на совещаниях судей еще в 90-е годы. С тех пор многократно повышались зарплата и гарантии судьям, Судебный департамент выстроил и оборудовал для них дворцы в большинстве регионов, но для улучшения положения помощников и секретарей судебных заседаний не было сделано практически ничего.

Возможно, эта политика сознательна. В условиях жесточайшего и в каком-то смысле унижительного отбора в аппарате судов остаются лишь те, кто твердо решил добиться «приза» в виде судейской должности, что возможно при стаже работы по специальности не менее пяти лет и при наличии высшего, но, в том числе заочного, юридического образования. По данным ИПП, на 2013 год уже треть судей имела опыт работы только в аппарате суда, перелом в этом отношении наступил примерно в 2006 году, после чего кривая резко пошла вверх. Более свежих данных нет, но не будет преувеличением предположить, что именно бывшие «девочки» — секретари судебных заседаний — в возрасте 30–45 лет составляют сегодня костяк судебной системы.

Значительная часть работы рядового судьи бессмысленна: тома «дел», которые помощники развозят в универсамовских тележках, перегружены документами и деталями, вообще не влияющими на решения по ним. Работа в нижней части пирамиды зарегламентирована бюрократическими показателями, а какой-то смысл, выбор и продох в ней появляются лишь по мере карьерного роста. Мечта обычного судьи — быть назначенным из районного в областной суд, но это, как правило, и потолок его карьеры.

Зато судьи, ушедшие в отставку (с сохранением статуса), при стаже работы

судьей не менее 20 лет, в который засчитывается также работа в аппарате суда, имеют право на не облагаемое налогом пожизненное содержание, достигающее 80% оплаты труда по последнему месту работы.

Судьям нужны патроны

Одна помощница зампреда областного суда на мой вопрос, почему спустя 20 лет работы ее так и не назначили судьей, ответила: «Наверное, я слишком умная». Она переросла эту перспективу лет 10 назад, хотя и не сбежала от «своего» судьи (в самом деле порядочного и умного человека).

Но это исключение: по данным ИПП, бывшие помощники становятся судьями в среднем после 10 лет в аппарате. Примерно зная время открытия и число будущих судейских вакансий, председатель суда формирует кадровый резерв, подбирая трудолюбивых, надежных и неконфликтных претендентов. В резерв, сдав квалификационный экзамен комиссии, которую формируют органы судейского сообщества, могут попасть и сотрудники прокуратуры, часто работающие на процессах в этом суде, но с большей вероятностью — сотрудники его аппарата. Число вакансий меньше числа помощников, поэтому им надо заранее угождать — в первую очередь «своему» судье.

Представление в квалификационную коллегия судей (ККС) о назначении судьи в конкретный суд вносит его председатель, а на позиции председателей районных и областных судов и их замов — председатель вышестоящего суда.

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

На основании этих рекомендаций указ о назначении издает президент, который, конечно, не может обладать данными о 25,5 тысячи судей одной только общей юрисдикции.

Кадровая комиссия, которая готовит президенту представления на судей и руководство судов, полностью непрозрачна, о ней мы знаем лишь, что в нее, наряду с руководителями самой судебной системы, входят также главы ФСБ и других силовых ведомств. Один председатель областного суда в доверительном разговоре сказал мне: «Если на кандидата вообще нет компромата, это выглядит подозрительно».

Между направлением представления в кадровую комиссию и назначением на должность рядового районного судьи обычно проходит от полугода до двух лет. За это время спецслужбы просвечивают биографию кандидатов и круг их связей насквозь. Нет данных, какая часть кандидатов получает отказ, но такие случаи есть, причем узнать о причинах часто невозможно.

Уже в 2013 году профессия судьи была преимущественно «женской», матроны средних лет занимали две трети штата, хотя нечасто пробивались на руководящие должности. Сейчас, вероятно, их доля

стала больше: между набором преимущественно из помощников и расцветом в судах прекрасного пола есть несомненная корреляция.

10 лет «на галерах» — это тот задел или та гоголевская шинель, с которой обидно расстаться просто так. Они накрепко привязывают судью к закрытой корпорации. За это время будущие судьи теряют дружеские связи во «внешнем мире», если не считать сотрудников прокуратуры: на личную жизнь остается мало времени, а неосторожные контакты за стенами суда могут исключить карьерный рост или привести к увольнению с должности судьи.

Занять должность судьи и повысить статус в системе непросто, а потерять легко. Начиная с уровня районного суда судьи назначаются «пожизненно», но по решениям ККС по представлению председателя могут быть лишены статуса, например за волокиту, неизбежную при такой нагрузке (тем более что она может быть увеличена искусственно) или за отмену вынесенных решений, а также за проступки, «несовместимые со статусом судьи».

В значительной степени изолированная от общества судебная система изнутри пронизана патрон-клиентскими отношениями. Речь идет о коррупции в том ши-

роком смысле, в котором этот термин изначально переводится как «порча». В некоторых случаях о коррупции, например, в арбитражных судах, можно говорить и более предметно, но сейчас механизм «порчи» для нас не принципиален. Важно понять: система «испорчена» в той части, где она охраняет политический режим, и по сравнению с законным образцом — но с точки зрения тех, кто настраивает ее именно таким (неявным) образом, она, напротив, отрабатывает поставленные политические задачи практически безошибочно.

Лояльность, в первую очередь председателю суда, — залог спокойной, хотя и не такой уж сладкой, жизни рядового судьи, а дело с политической составляющей где-то в провинции к нему может никогда и не попасть. Даже в крупных городах такие дела (не считая мелких административных) обычно достаются лишь определенным судьям. Общая рутинная, вероятно, влечет снижение качества выносимых решений, но укрепить эту достаточно очевидную гипотезу конкретными данными невозможно.

**«Нам тут
прилетело»**

По поводу второго — к реальному лишению свободы — приговора оставшемуся в России лидеру «Мемориала»* Олегу Орлову**, который был вынесен как раз накануне похорон Лебедева, мало кто сомневался, и меньше всех он сам. Все было предрешено уже в тот момент, когда обвинение обжаловало «за мягкостью» декабрьский приговор, не связанный с лишением свободы, о чем на первом про-

* Признан «иноагентом» и ликвидирован.

** Признаны «иноагентами».

Кто и как гребет на судебных галерах

цессе оно само же и просило. Вдобавок прокуратура Москвы еще и обвинила судью в невнимании к «отягчающим обстоятельствам», вопрос о которых на первом процессе она вообще не поднимала.

У всех, кроме судей и прокуроров, сам собой возникает вопрос: «Как это возможно?!» Давайте не оставим его чисто риторическим. Но его правильнее поставить не в отношении второго, абсолютно

SOTA

предсказуемого, а в отношении первого, выпадающего из ряда аналогичных приговора. Сам факт, что он был показательно пересмотрен с репутационными издержками для суда, свидетельствует, что это был сбой в программе. Как он мог возникнуть? И кто (ну не прокуратура же) своим решением исправил этот «баг»?

Здесь мы продолжим исследовать явление неправа, которое обозначили так в заметке «МТМ: Машина тоталитаризма модернизированная» (см. в № 5 журнала «Горби»). Латентные отношения неправа разворачиваются внутри публичной сферы права, решения выносятся в его терминах и освящаются его тенью, внешний наблюдатель видит их как законные, и лишь инсайдер различает привнесенную логику «понятий». Легальные операторы неправа по политическим делам (как и права по неполитическим) — это судьи.

На возникновение отношений неправа великий и могучий откликнулся идиомой «нам тут прилетело» — она появилась, и то не сразу, уже в путинской РФ. «Прилетает» как бы ниоткуда, само собой и обычно не за то, за что на самом деле. Орлова в интересующем нас случае просто «закрыли», а «прилететь» может в первую очередь судье Головинского районного суда Кристине Кострюковой за отмену ее «мягкого» приговора.

Зная о судьях то, что изложено в первой части этой заметки, мы предполагаем, что судья Кострюкова (назначена указом президента в марте 2003 года) заранее договорилась с прокуратурой и не могла не посоветоваться с председателем суда, а тот наверняка «проветилировал вопрос» с куратором в Мосгорсуде. Нетрудно себе представить и термины, в которых происходила эта осторожная коммуникация: «Нормальный же мужик... Спасал в Буденновске кого-то там... Опять же — 70 лет...»

При всем уважении к Орлову, о котором все сказал суду и в «Новой» его общественный защитник Муратов**, в игре правоохранительных сил он разменная пешка. На примере этого дела даже не прокуратура указала суду на его место — так расставил фигуры на доске некто, находящийся за пределами их (рядовых шестерен «машины») и тем более нашей видимости, вне контура собственно МТМ на так называемом политическом уровне.

Зато мы понимаем другое: коллега Елена Астахова (назначена указом президента в июле 2008 года), которая написала Орлову 2,5 года лишения свободы, уже не могла сделать ничего другого, а Кострюкова по-человечески, видимо, хотела вынести приговор, тождественный

в нынешних условиях оправдательному. И в ближайших к ней звеньях система отнеслась к этому сочувственно — может быть, ей за это даже ничего и не будет.

«Люди как люди, и милосердие иногда стучится в их сердца». Но если для этого надо совершать какие-то подвиги, то извините. В отличие от Орлова, готового жертвовать собой ради убеждений, в судебной системе все, кто был хотя бы потенциально готов действовать таким образом, сбежали отсюда еще на самых ранних стадиях отбора.

Негативная лояльность

По нормам закона судья «процессуально самостоятелен», он актер действий, а не агент структур. По понятиям неправа — он агент, «винтик», и в такой перспективе судебная система — обычная бюрократия.

Архаика бюрократии, которая повторяется на всех уровнях и во всех звеньях машины тоталитаризма, включая политический, состоит не в заклинаниях о традиционных ценностях, образующих лишь ее внешний слой, а в том, что эти структуры построены на патримониальных, феодальных принципах.

Тот известный судьям факт, что отказы кандидатам в назначении со стороны президентской кадровой комиссии чаще всего обосновываются (когда вообще обосновываются) «конфликтом интересов» — наличием в системе родственников до седьмого колена, — лишь подчеркивает ее патримониальное устройство: коррупция («порча») должна производиться строго по служебным, а не по каким бы то ни было иным линиям.

Упомянутый в начале заметки Макс Вебер был первым, кто описал принципы построения бюрократии и стал в некотором роде ее певцом. По сравнению с другими, архаичными формами государственного устройства, бюрократию он превозносил за ее рациональный характер. Критики ему возражали, отталкиваясь именно от «человеческого фактора» патроната и клиентелизма, что Вебер и сам, конечно, понимал.

Надо, однако, уточнить, что Вебер предпочитал говорить о «целерациональном» поведении — и в этой точке при сохранении рациональной мотивации как у политических акторов, так и у бюрократических агентов системы, их цели расходятся. Большинство судей принимают идеологию политического руководства, но лишь потому, что это позволяет им избе-

жать когнитивного диссонанса и попадать в психушку. Но их цели, в большей мере определяющие ценности, чем декларируемые «скрепы», с целями условной АП не совпадают: никто тут не помышляет о русском мире и «денацификации» у соседей.

В отличие, может быть, от наиболее рьяных «силовиков», в судебском сообществе, как и в большинстве других бюрократических структур, преобладает не активная, а негативная лояльность. Тут привыкли воздерживаться от действий, которые могут не понравиться «патрону», но не готовы проявлять инициативу и что-то сами выдумывать. Да и лишний грех без крайней необходимости на душу незачем брать.

В отличие от «силовиков», которым приходится выпрыгивать из штанов, чтобы заработать «палку» и выслужиться, типовая карьера судьи-бюрократа основывается на том, чтобы лишний раз не высываться. Это скорее более или менее образованный чеховский человек в футляре, подаривший русской культуре бессмертное «как бы чего не вышло».

Такой тип судьи, по-видимому, интернационален. После Нюрнбергского процесса 1946–1947 годов над шестнадцатью нацистскими юристами и судьями (кроме одного покончившего с собой, все они были затем освобождены досрочно) организовавшие трибунал союзники уехали, а судебная система ФРГ продолжила работу в прежнем кадровом составе. Судья — профессия востребованная и требующая основательной подготовки, других взять было негде, а прежние перестроились и стали применять новое законодательство ФРГ с той же аккуратностью, с какой применяли законы Третьего рейха.

Есть, правда, еще неписаное неправо: теневые практики, в первую очередь патроната, не переписешь как текст. Но обычная коррупция-«порча» в виде желания одеваться в «фирму», ходить на хорошие спектакли и ездить в отпуск не только в Сочи подтачивает и размывает насаждаемую сверху политическую «порчу»-коррупцию. Выстроенная В.М. Лебедевым за последние лет двадцать судебная вертикаль не так надежна и долговечна, как кажется на первый взгляд. Эти рабы(ни) потенциально готовы восстать, хотя и не за свободу, а чтобы вернуть себе утраченное законное положение не под, а над «силовыми структурами». И это, в общем, тоже вполне рационально.

РИФМЫ

Рубрика
Александра Архангельского

Свелана ВИДАНОВА

Прощай и здравствуй

Похороны Алексея Навального

На излете выборной кампании 2024 года мы стали свидетелями внезапно ожившей традиции, когда борьба за право матери похоронить сына, где она считает нужным, сама собой превратилась в борьбу за право несогласной части общества прощаться с тем, кого оно уважает. Если бы власти действовали без оглядки на вековой опыт, они бы стояли на своем до конца. Тело — собственность государства, похороны неугодных — компетенция державы, позвольте вам не позволить. Но власти почему-то оглянулись. Изначальное решение переменяли. Тело Навального выдали, отпевание согласовали, возложение цветов состоялось.

Что стоит за этим? Гуманизация системы? Скорее всего, нечто иное. Сила национальной традиции публичных похорон. Не при нас сложилось, не нам и прекращать — такова логика власти.

Само по себе появление этой традиции ни о чем особенно хорошем не говорит. Там, где прекращается или отсутствует публичная политика, политикой становится всё. В том числе гулянья, юбилеи, открытия памятников, похороны неугодных. Из частного полусемейного события они превращаются в общественный факт. Открытие опекунского памятника Пушкину в 1880 году не только завершает процесс пушкинской канонизации в качестве национального гения, но и становится фактом большой политики — вся Россия примирилась перед лицом поэта, как недавно ссорилась перед лицом царя. Наоборот, литературный юбилей Крылова (1838) превратил его из главного русского писателя в первого детского поэта — именно потому, что организаторы втянули государство в это торжество. Царь прислал малолетних племянников, для которых Вяземский сочинил кантату, где 17 раз повторялось «Здравствуй, с внуками своими, / Здравствуй, бабушка Крылов». Что касается похорон, то они вошли в публичный обиход гораздо раньше, хотя не сразу превратились в суррогат политики.

Официальные прощания с царями — не в счет; это внутреннее дело дворца,

обмен жесткими репликами среди элит, а не самодеятельное выражение народных чувств. Так, после убийства Павла Петровича, вдовствующая императрица Мария Федоровна велела выставить в часовне Воспитательного дома икону с надписями, в которых можно было усмотреть намеки на цареубийц. Александр Первый, вольный или невольный соучастник преступления, сразу понял, что к чему, и явился к матери в Павловск, а на следующий день выслал руководителя заговора Палена в остзейские губернии.

Во дворце все всё поняли, но общество не шелохнулось. Одно из первых исключений, после которого многое изменилось, — прощание с фельдмаршалом Суворовым, состоявшееся 24 мая 1800 года. О чем Гаврила Романович Державин написал великие поминальные стихи:

*Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны грома в гробе лежат.*

Суворов воевал успешно и жестоко, исполнял имперский долг не за страх, а за совесть, но после возвращения в столицу не был принят государем и вместо наград и благодарностей получил выволочку за нарушение иерархической дисциплины. Прижизненное недовольство государя обернулось посмертным скандалом. Когда опальный Суворов скончался, никаких публичных объявлений о времени и месте похорон сделано не было. Люди тем не менее узнали и явились к дому полковника. И по-настоящему обиделись, когда император не дождался начала похоронной процессии (гроб не проходил по размерам, его пришлось спускать через окно) и ускакал вперед.

Мы не знаем, что там думал царь; вполне возможно — ничего не думал, просто лошадь под ним застоялась. Но если люди недовольны государем, всякое лыко будет в строку: зачем Суворова хоронят не по чину генералиссимуса, а «всего лишь» по фельдмаршальскому чину; отчего спускают гроб из квартиры на тросах, неужели нельзя ограничиться лестницей — Суворов сухонький старичок?

Так прощание с генералиссимусом превращается в прощание с изгнанником и отщепенцем, а смысл события меняется на противоположный, мы пришли не для того, чтобы почтить память героя, а прежде всего для того, чтобы выразить неприязнь к императору. И намекнуть на его слабость и ничтожество: «Где теперь вождь наш, где богатырь?»

С тех пор общественно значимые похоронные процессии будут пронизаны именно этим пафосом: мы не прощаемся, мы противостояем, мы не помним, мы ждем, когда вас покарает божий гнев. При этом власть неизменно и неизбежно попадала в ловушку: запретишь публичное прощание, породил недовольство, разрешишь — дашь недовольству выплеснуться, позволишь выплеснуться, придется подавлять, подавишь — пожнешь бурю. Иной раз приходилось действовать двусмысленно и унижительно — «уходить огородами»: так, начальство разрешило отпевание Пушкина в просторном Исаакиевском соборе и даже выпустило оповещение. Но (как сказано в письме Карамзиной) «в течение трех дней, в которые его тело оставалось в доме, множество людей всех возрастов и всякого звания беспрерывно теснились пестрою толпою вокруг его гроба. Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху любимого народного поэта».

Следуя принципу как бы чего не вышло, полиция перенесла отпевание в тесную Конюшенную церковь, о чем объявлять уже не стали. За гробом в квартиру поэта явились жандармы. «В минуту выноса, на который собрались не более десяти ближайших друзей, жандармы заполнили ту горницу, где мы молились об умершем. Нас оцепили, и мы, так сказать, под стражей, проводили тело до церкви» (жаловался Жуковский Бенкендорфу). В результате люди все равно узнали, где совершается отпевание, все свободное пространство перед Конюшенной церковью было заполнено, и прилива верноподданнических чувств это не вызвало. Хуже того, подпортило царю репутацию в веках: все его расчеты и расклады навсегда остались с ним — и только с ним, а со следующими поколениями осталось стихотворение Цветаевой:

*Нет, бил барабан
перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили:
То зубы царицы над мертвым певцом
Почетную дробь выводили.
Кого ж это так — точно воры вора
Пристреленного — выносили?
Изменника? Нет. С проходного двора —
Умнейшего мужа России.*

Что было дальше — знает каждый выпускник средней школы. Ночью гроб с телом Пушкина из покойнического подвала перенесли в телегу, заключили в специальный ящик, накрыли рогожей — и отправили в Святогорский монастырь...

Прощай и здравствуй

Повторимся: это ситуация цугцванга; санкционируешь массовое открытое прощание — рискуешь, не санкционируешь — рискуешь; диалектика. И чем решительнее ты поведешь себя сегодня, тем выше вероятность, что завтра не сможешь управлять процессом — вообще. Поэтому разрешить проще, чем запретить. И в этом смысле год за годом ситуация будет выходить из-под полицейского контроля. Отказать Пушкину в массовом народном поминовении в 1837 году было технически возможно. Спустя 40 лет, когда страна провожала Некрасова, запретить похоронную манифестацию стало немислимо. Это привело бы к катастрофе; толпа разнесла бы столицу.

Прощание состоялось 30 декабря 1877 года; Достоевский писал: «Петербург еще никогда не видел ничего подобного. Вынос начался в 9 часов утра, а... огромная толпа разошлась только в сумерки». И шествие само собой переросло в прощальный митинг, в самом точном политическом смысле слова. То есть в агитацию и пропаганду, в спор разных «партий». Короленко вспоминал: «Я стоял на остроконечной жестяной крыше ограды, держась за ветки какого-то дерева, и слышал все. Достоевский говорил тихо, но очень выразительно и проникновенно.

...Когда он поставил имя Некрасова вслед за Пушкиным и Лермонтовым,

— Он выше их, — крикнул кто-то, и два-три голоса поддержали его...»

Пройдет совсем немного времени, и в феврале 1881-го столица Российской империи придет провожать само-го Достоевского; издатель и типограф

Михаил Александров свидетельствовал: «Вперед!» — раздались голоса; венки поднялись, толпа заколыхалась, и через две-три минуты процессия тронулась. На колокольне Владимирской церкви загудел колокол, и почти вслед за первым ударом рядом с нами раздалось торжественное «Святый Боже»: пел университетский хор, подкрепленный десятками голосов из окружающей, движущейся толпы». В процессии приняло участие около 10 000 человек, и толпа по пути к Александроневской лавре разрослась настолько, а шествие, соответственно, настолько замедлилось, что отпевание пришлось переносить на следующий день.

Традиция публичных похорон как суррогата политики окончательно сложилась и считаться с ней приходилось даже сторонникам насильственных разгонов. Более того, она пережила эпоху, ее породившую, — и легко проскочила в советское время. Мы удивляемся: как сусловская идеологическая машина допустила массовые похороны Высоцкого летом 1980 года? Страна воюет; груз 200 из Афгана доставляют; все, что может быть пережато — придавлено. А тут стихийные неподконтрольные события, которые в любой момент могут привести к бунту почище Новочеркасского. Вся территория, прилегающая к Театру на Таганке, битком набита; сохранились фотографии, где люди стоят на табачных киосках и киосках союзпечати; лозунгов и плакатов нет, но совершенно очевидно, что никаких добрых чувств собравшиеся не испытывают. Как не испытывали их петербуржцы, пришедшие прощаться с Суворовым в 1800 году, оплакивавшие смерть Пушкина в 1837-м, Некрасова в 1877-м и Достоевского зимой 1881-го.

Так что с точки зрения прагматики разрешить прощание с Высоцким не могли. С точки зрения традиции — не могли не позволить.

...Когда подняты слишком серьезные темы, иногда полезно снизить пафос. Череда похорон тридцатых годов, при всем своем трагизме, породила ряд окололитературных баек, одна из которых свя-

зана с революционным поэтом Михаилом Рудерманом, автором знаменитой песни времен Гражданской войны о тачанке-ростовчанке: «Эх, тачанка-ростовчанка, наша гордость и краса». В 1930-е, расставшись с героическим прошлым, Рудерман занялся бытовым обустройством. Однажды он пошел покупать диван — именно пошел, а не поехал; магазин располагался на противоположной стороне Садового кольца. Пока оформляли покупку, пока договаривались с грузчиками, кольцо перекрыла милиция: ждали похоронную процессию, провожавшую в последний путь кого-то из вождей. Чуть ли не Серго Орджоникидзе.

Грузчики были недовольны: им никто не собирался оплачивать простой. Тогда Рудерман подошел к милиционеру и, смущаясь, представился: «Я писатель Рудерман. — Подумал, и случайно добавил в рифму: — Я купил себе диван».

«Что?!» — милиционер почувал неладное. Песенник перепугался и поспешил исправить положение: «Рудерман я. Михаил. Я диван себе купил».

Милиционер решил, что над ним издеваются, подозвал начальника. Тот козырнул: «В чем дело, гражданин?» — «Мне со всеми по пути, — окончательно растерялся поэт, а когда он терялся, его всегда затягивало в рифменный поток. — Только площадь перейти».

Тут его и приняли.

Но вернемся в политическую плоскость. Традиции — это бывшие новации. Они возникают, превращаются в привычные институты, действуют в автономном режиме, иногда живут веками, иногда сами собой исчезают. Разрешенное прощание с несогласными — стало в России долгосрочным институтом; нет принципиальной разницы между шествием памяти гонимого Суворова и шествием памяти убитого Немцова, меняются эпохи, институт остается. А прощание с главными начальниками — оказалось институтом быстротечным. Одно дело энтузиастические похороны Ленина в 1924-м, совсем другое — мартовские похороны Сталина в 1953-м, завершившиеся смертоубийст-

РИА Новости

Похороны Черненко

венной давкой, третье — сдержанное, как бы сквозь зубы, прощание с отставленным Хрущевым. Превратившееся в нечто среднее между похоронами диссидента и вождя.

И когда в начале восьмидесятых брежневское Политбюро, как это часто бывает при несменяемой власти, стало одновременно дряхлеть, опереться властным сценаристам было не на что, им пришлось изобретать традицию с нуля. Первым в вечный путь (19 января 1982-го) отправился зампред КГБ Цвигун; о нем ни слова в прессе не было — когда с собой кончат знатный чекист, никаких утечек допускать нельзя. Но сразу же за Цвигуном последовал всесильный идеолог партии Суслов (25 января). На радио отменили все текущие программы и включили надежную классическую музыку, но придумать церемонию не пришлось. Член Политбюро — не генсек; с ним

прощаются куда скромнее, достаточно обеспечить плотный информационный шлейф, а о шествии и митинге можно не особенно тревожиться.

И тут случилось то, чего все ожидали — и к чему никто не был готов. Пришел черед Брежнева. Умерший в ноябре 82-го, он открыл гонки на лафетах — и был похоронен у Кремлевской стены. За Брежневым последовал Андропов (1983), за Андроповым министр обороны Устинов (1984), за Устиновым Черненко (1985). Именно тогда родился знаменитый анекдот: «Вы куда, гражданин?» — «На похороны генсека». — «У вас что, пропуск?» — «Нет, у меня абонемент». Но в связи с нашим сюжетом значение имеет только одно: традицию публичного прощания с опальным полководцем, поэтом, политиком пере придумывать не нужно, она живет, и она сильнее, чем решение властителей. А традицию «царских» похо-

рон ни сохранить, ни переформатировать не удалось, сценарий поломался на прощании с Черненко. Когда новопришедший Горбачев на поминальном митинге блеснул очками и произнес знаменитые слова о том, что нас развратило наше богатство, но завершается эпоха чванства и пустозвонства.

Так и получилось, что одна — гонимая — традиция жива, с ней приходится считаться из десятилетия в десятилетие, из века в век. А разрешенная мертва. Выводы делать не будем. Разве повторим великую банальность: истина сильнее царя.

*Александр
Архангельский*

О ЧЕМ ДУМАЮТ В РОССИИ

Социологическая рубрика

(18+) НАСТОЯЩИЙ
МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН
И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ
«ЛЕВАДА-ЦЕНТР» ЛИБО
КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
«ЛЕВАДА-ЦЕНТР».

Великий пост и традиционные ценности

Лев
Гудков

В этом году православный Великий пост начался 18 марта и продлится до 4 мая. Для верующих это ритуальное время обязательного очищения разума от греховных мыслей, подготовка к пасхальному Воскресению, повод подумать о душе, о смерти и вечной жизни. Для неверующих или сомневающихся пост — пережиток архаических аскетических практик для усмирения грешной плоти, выводящих человека из рутины суетной повседневности для вознесения к высшим сферам бытия. Без веры, без учета трансцендентального плана человеческого существования сам пост, то есть требования отказа от скоромной пищи (употребления продуктов животного происхождения, прежде всего — мяса), лишается смысла, если только не стоит задача похудеть. В этом плане соблюдение поста, как и молитва, или исповедь, или причастие, может служить индикатором глубины православного религиозного сознания, настоятельной потребности в связи с Богом. Примем эту посылку в качестве показателя сохранения традиционных устоев (скреп) в российском обществе.

Согласно традиции (фиксируемой церковным уставом), для этого периода существуют определенные правила питания. В будние дни еда (картофель, овощи, каши) разрешена только один раз в день и только вечером; по субботам и воскресеньям разрешено есть два раза — в обед и вечером. В понедельник, среды и пятницы следует употреблять холодную пищу без масла. Во вторник и четверг рекомендуется употреблять горячую пищу без масла. В субботу и воскресенье можно употреблять растительное масло. В Великую субботу (субботу Страстной седмицы) верующие должны отказываться от пищи до наступления Пасхи. Особенно строгими требования к постящимся оказываются в первую и последнюю неделю. Но есть, разумеется, исключения. Необходимость строго следовать церковному уставу предписана только лишь священнослужителям, монахам

и послушникам. «Простым людям» не нужно сидеть на хлебе и воде в особо строгие дни, достаточно придерживаться постного меню. И избегать грехов.

Насколько эти требования значимы для россиян и соблюдаются ими? В целом не очень. Составить некоторое представление об этом позволяют данные социологических исследований, проводимых «Левада-центром» на протяжении четверти века (1998–2024, всего 13 замеров).

Полный пост все семь недель держат чуть меньше 3% опрошенных (в среднем за указанный период). Столько же опрошенных (менее 3%) соблюдают великопостные предписания, но в полной мере — только в последнюю неделю. (Монахи и священнослужители, учитывая их общую численность в России в 56–58 тысяч человек — 0,5 промилле в структуре населения, составляют ничтожную долю среди обеих этих категорий.) Частичного режима питания (постятся) придерживаются еще 16% опрошенных. Итого так или иначе руководствуются требованиями православного устава 22%. Чаше о готовности к различным самоограничениям заявляют пожилые люди, особенно женщины, среди которых гораздо выше процент верующих и воцерковленных, соблюдающих требуемые церковью правила поведения.

КАК ВЫ СОБИРАЕТЕСЬ ПИТАТЬСЯ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОГО ПОСТА?
БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ; ОТКАЖУСЬ ОТ МЯСА, АЛКОГОЛЯ И Т.Д.; БУДУ СОБЛЮДАТЬ ПОСТ В ПОСЛЕДНИЮ НЕДЕЛЮ; БУДУ ПОСТИТЬСЯ ВСЕ СЕМЬ НЕДЕЛЬ

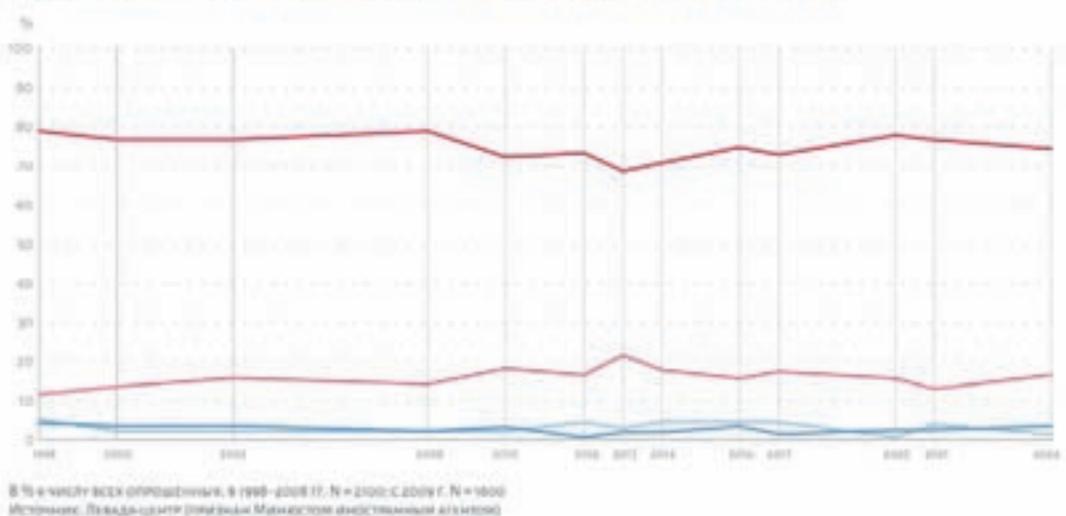

График 1

ГОТОВЫ ЛИ ВЫ В СВЯЗИ С НАСТУПАЮЩИМ ВЕЛИКИМ ПОСТОМ ОГРАНИЧИТЬ...

ОПРЕДЕЛЕННО ДА / СКОРЕЕ ДА; ОПРЕДЕЛЕННО НЕТ / СКОРЕЕ НЕТ; НЕ ДЕЛАЮ ЭТОГО И В ОБЫЧНОЕ ВРЕМЯ; ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

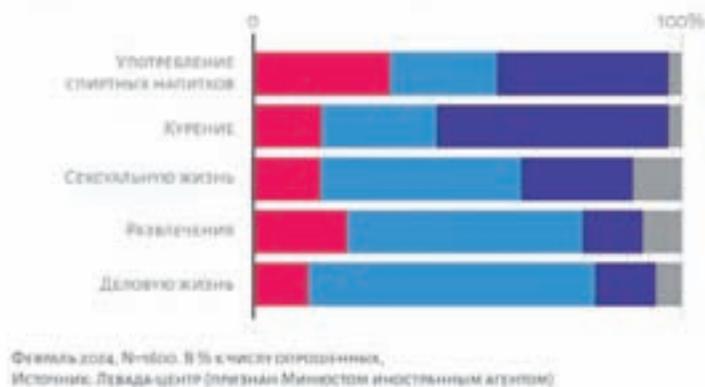

График 2

В отличие от них 75% россиян сохраняют в этот период обычный режим питания. Из общего числа опрошенных следует вычесть представителей других конфессий и неверующих. К исламу сегодня себя относят 6% опрошенных, 5% — атеисты, 15% — не принадлежат к какому-либо вероисповеданию, ответы буддистов, иудеев, католиков, протестантов составляют статистически незначимые величины (в сумме около 2%). Православными себя считают 72% россиян (февраль 2024 г., в иные годы доля таких ответов поднималась до 77%). Крещены по православному обряду — 83% (апрель 2023 г.).

Таким образом, основная масса православных россиян игнорирует особенность времени Великого поста и его требования (графики 1 и 2).

Великий пост и традиционные ценности

Традиционные ценности

Само по себе расхождение между характеристиками и реальным поведением в современном, по сути — секулярном, обществе не должно было бы вызывать большого удивления. Двоемыслие (не путать с лицемерием) — важнейший механизм адаптации подданных к репрессивному государству. Парадоксальным такое поведение может выглядеть, только если всерьез принимать тезис о православном народе-богоносце, для которого традиционные ценности играют экзистенциальную роль.

Какие есть для этого основания? 92% россиян (июль 2021 года) согласны с тем, что «Россия — это страна традиционных ценностей». Такие цифры, как и число «православных», вроде бы подтверждают тезис начальства о глубинной вере народа-богоносца, его органическом патриотизме и т.п. Правда, мало кто знает, что это такое — «традиционные ценности»; абсолютное большинство опрошенных затрудняются в ответах, когда их просят раскрыть или пояснить эти понятия. Нет определенности и у кремлевских идеологов, депутатов и пропагандистов, легко и часто оперирующих этими словами. Население понимает, что это язык власти, а потому ориентируется на интонацию. В данном случае это интонация самого высокого начальства, требующая повиновения.

При большом желании из таких выступлений можно вывести, что речь идет об истовой приверженности российского общества, во-первых, к религии (но только в виде православия — ислам, протестантские конфессии, католицизм

или иные вероучения сюда не попадают), во-вторых, о значимости образцов патриархальной семьи и, в-третьих, о соответствующих ей формам строгой нравственности и брака.

Проще всего было бы отмахнуться от этой риторики, сказав, что это вздор, обычная демагогия политиков и церковных служителей. Какая уж тут традиционная крепкая семья, когда в России 70 с лишним процентов (а в иной год и 85%) заключенных браков распадаются, когда радикально изменилась сама структура семьи, распределение мужских и женских обязанностей, когда не мужчина («хозяин»), а женщины играют доминирующую роль в семейной политике, бюджете, воспитании детей, иницируют новые нормы социализации детей, потребления, сексуальных практик и проч. «Традиционную» точку зрения на семью и секс сегодня разделяют всего 20% опрошенных (опрос 2021 г.). Она заключается в том, что единственным назначением семьи и оправданием секса является производство детей («следует родить и вырастить столько детей, сколько получится, не прибегая к контрацепции и абортam»). Секс и любовь — одна из сквозных тем человеческой культуры, категорически отвергается как сфера интимности, близости и наслаждения, как и само представление о человеке, редуцированное до покорного Лазаря. Ханжескому ресентименту церкви и депутатов, озабоченных народной нравственностью, противостоят мнения абсолютного большинства россиян (72%), которые сводятся к более ответственной в социальном плане позиции: «следует планировать рождение детей в семье, используя методы контрацепции». Причем две трети респондентов настаивают на том, что государство не должно вмешиваться в такие вопросы, включая проблему абортов, что это не его дело, а женщины.

Морально неприемлемым большинством россиян по-прежнему считают супружескую измену (хотя такова общераспространенная практика, параметры которой

социологическими методами определить трудно, но косвенно на эти изменения в представлениях о правильном и хорошем поведении указывает отсутствие жесткости осуждения «связи с женатым мужчиной или замужней женщиной»). Еще более сильны негативные оценки многоженства, допустимого на Кавказе. И те и другие явления осуждали в 2000-е годы от 62 до 74%, к настоящему времени этот показатель вырос до 88–89%. Напротив, по отношению к разводу или сексу между людьми, не состоящими в браке, нравы радикально изменились: вполне оправданными с точки зрения морали в 2007 году их считали 34–36%, в 2021 году — уже 55–57%. Другими словами, это стало новой социальной нормой, фиксирующей большую избирательность в отношениях и ожидание взаимопонимания, открытости, повышенные требования к личным качествам партнеров. По сути, это отказ от требований безличной традиции. Такая норма установилась под влиянием нового поколения, гораздо более толерантного к вариациям социального поведения. Правда, это не касается гомосексуальных отношений, негативные установки к которым стали, под влиянием государственной пропаганды, намного более жесткими и нетерпимыми.

Таким образом, речь идет не о кризисе и необходимости спасения семьи как института, как иногда говорят об этом депутаты, а о необратимых изменениях самих форм семьи, их многообразии. Семья давно стала другой, чем это представляется в рассуждениях особо одаренных депутатов. Более распространенными стали такие формы, как совместное проживание без регистрации брака (особенно у молодых людей), гражданский брак и т.п. Ничего загадочного здесь нет: в России женщины в массе своей более образованны, чем мужчины, несут двойную нагрузку на работе и дома, больше читают, обладают большим эмоциональным воображением, а потому более терпимы к разнообразию, в том числе и к новым сексуальным нормам и пра-

ктикам, настаивают на более справедливом распределении обязанностей в семье или при совместном проживании, менее склонны к авторитарным моделям социальных отношений, чем мужчины, не говоря уже о меньшей распространенности, чем у последних, проявлений социальной патологии (готовность к насилию, совершению преступлений, алкоголизм, суицид у мужчин в несколько раз выше, чем у женщин).

Отмахнуться от депутатов можно, но трудно отделаться от того факта, что доля россиян, считающих себя «православными», быстро увеличивалась с перестройки, конца 1980-х годов, и до середины 2000-х. В 1989 году, когда мы начали вести систематические социологические исследования, «православными» (тогда это точно совпадало с «верующими») считали себя 16–17% опрошенных, в 1991 году — около 30%. Такой рост в какой-то мере можно было бы рассматривать как освобождение народа от диктатуры атеистического государства, однако к декабрю 2009 года этот показатель достиг максимума — 80%, а затем доля таких ответов начала снижаться.

Опять-таки из этих 71–72% «православных» лишь две трети верят в существование Бога (32–34% «твердо верят» и не испытывают при этом никаких сомнений, остальные верят, но «иногда испытывают сомнения»). Как и число «православных», доля «верующих в Бога» в населении в целом заметно выросла с 1991 по 2008–2009 год (с 29 до 53–55%), но в дальнейшем существенно не менялась (в 2002-м — 57%, в 2009-м — 55%, в 2020–2022-м — 51–52%). Однако регулярно (то есть не реже раза в месяц) посещали религиозные службы незначительное число опрошенных: от 7% (2003 г.) до 17–18% опрошенных (в 2018–2022 гг.). Требования регулярного причастия точно так же не выполняются основной массой православных. В 1991–2002 годах причащались (хотя бы раз в год) лишь 7% опрошенных в среднем (более редкое причастие и исповедь по каноническим правилам означает выпадение из общины верующих). Другими словами, есть небольшое число «воцерковленных» россиян, соблюдающих все основные требования традиции и ритуала: причастия, исповеди, постоянное участие в литургических службах и т.п. — и принимающих непосредственное участие в жизни церковного прихода, религиозной общины (таких — 6–9%, опрос 2021–2023 гг.). Видимо, таков предел сообщества верующих прихожан, хранителей традиции. 53% россиян вообще не были в церкви ни разу за последние 20 лет. Остальные были очень редко, по особым, окказиональным поводам (отпевание, крещение детей и т.п.).

На проклинаемом Западе, который, согласно заверениям нашего начальства, утратил свои христианские ценности и традиции, частота посещения религиозных служб верующими в существование Бога выглядит следующим образом (график 3).

«В какой-то степени верующие...»

Еще большее удивление у сторонних наблюдателей вызывают данные о силе веры или идеологии православных россиян. Доля тех, кто верит «в жизнь после смерти», поднялась в последние годы с 31–33% (1991–1993) до 48–49% (2017–2022). Примерно так же выросло и число «верующих в Царство Небесное» (с 29% в 1991 г. до 58% в 2008 г., но затем снизилось к 2020–2021 гг. до 51–52%), и в «религиозные чудеса» (соответственно, с 33 до 52% в 2008 г. и затем снизилось до 45–46% к настоящему времени). Но еще больше россиян (55% в среднем за 30 лет исследований, 1991–2021 гг.) верят «в порчу», «сглаз» и прочие магические или колдовские штуки, трудносовместимые с новозаветным христианством и

этикой Нагорной проповеди. Это кажется дикостью, если не помнить об окроплении святой водой и освящении танков, ракетных комплексов и назначении святых в покровители космических войск.

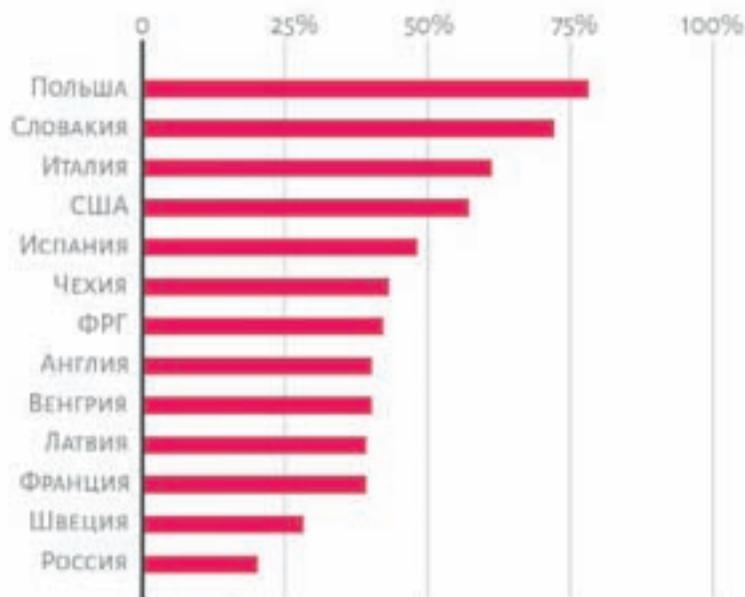
На вопрос: «Какую роль в вашей жизни играет религия?» — от 32 до 41% опрошенных отвечали «очень важную» или «довольно важную» (причем доля ответов «очень важную» составляла от 5% в 2013 г. до 15% в 2021-м), но гораздо больше россиян — от 59 до 62% — за те же годы опросов (2005–2021) говорили «не слишком важную» или «вообще не играет никакой роли».

Такое распределение самооценок очень устойчиво и мало меняется на протяжении многих лет. «Очень религиозными» людьми себя считают от 4 до 9%, число «в какой-то степени верующими» — поднялось от 19% (2008) до 43% (2022). Всплеск таких ответов произошел после патриотического восторга от «Крымнаш» и возвращения к «традиционным ценностям». Соответственно, доля ответов «не слишком религиозными» и «совсем не религиозными» снизилась с 72% (2008) до 46% (2022).

ЧАСТОТА ПОСЕЩЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ СЛУЖБ ВЕРУЮЩИМИ В СУЩЕСТВОВАНИЕ БОГА*

График 3

* Сумма ответов: «РАЗ В НЕДЕЛЮ» + «ДВА-ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ» + «ХОТЯ БЫ РАЗ В МЕСЯЦ»
Источник: По данным международного социологического проекта ISSP
в % к числу «верующих» опрошенных, 2007

Великий пост и традиционные ценности

Процесс приобщения к православию, если проследить за изменением социального состава верующих на протяжении длительного времени, идет от носителей низового обрядоверия (пожилых и не очень образованных женщин) к более молодым женщинам, от малообразованных к образованным группам. Среди новообращенных и уверовавших первыми оказываются чиновники, опережающие по скорости и широте охвата все другие социальные категории и группы. Другими словами, мы имеем дело с механизмами замещения дефицита морального капитала декоративной или компенсаторной идентификацией с символами православия, но при сохранении мощного пласта массовых низовых суеверий. Красить яйца на Пасху, печь куличи — да, идти к Всенощной — нет. В среднем намерены обязательно быть на пасхальной службе всего 7–8% (по данным 15 замеров, проведенных в 1997–2024 гг.), зато красить яйца будут 71%; печь куличи считают обязательным на Пасху от 30 до 45% (правда, в последние годы не столько сами будут печь, сколь покупать готовые; об этом в 2024 г. сказали 52% респондентов). Освящать их в церкви в этом году предполагают 36% (в 1997 г. таких было лишь 13%, рост почти в три раза). О языческом, по сути, обычае на Пасху ехать на кладбище поминать умерших и оставлять им на могилах еду, сладости и водку и говорить не приходится.

Декларативный традиционализм сводится к подчеркнутой самоидентификации себя как православных, являющейся в нынешних условиях стертым синонимом принадлежности к государству русских. Говорить о евангельском просвещении или рационализации морального сознания в России не приходится. Запрос на традиционализм может рассматриваться как неудача стать или быть современным обществом. Со стороны власти использование этого символического

ресурса позволяет девальвировать любые попытки утверждения субъективной автономии личности, претензий на неотъемлемые права и достоинство частного человека. Со стороны подданных — бессознательная потребность придать себе значимость через отождествление себя с остаточными значениями всего целого, которое мыслится как этноконфессиональное целое, бывшее символической основой империи, или в более привычной для нас форме — «великой державы».

Авторитет и доверие к РПЦ

В ситуации политического кризиса и развала советской системы, состоянии общей дезориентации и утраты коллективной идентичности обществом был выдан церкви огромный кредит морального доверия как институту, воплощавшему добро и надежды на то, что церковь будет нести людям свет любви, терпимости и человечности, которых так не хватало при диктатуре и терроре коммунистов. Власть (и при Ельцине, и тем более при Путине) всячески поддерживала такое отношение, используя подобные иллюзии в качестве составляющих своей легитимности. РПЦ в первые годы перестройки и недолгое время после ГКЧП сохраняла образ страстотерпицы, жертвы репрессий советского времени, получившей наконец-то заслуженное признание и компенсацию в виде налоговых послаблений, поддержки со стороны государства, возвращения утраченной при большевиках собственности и т.п. Долгое время церковь была на втором месте в рейтинге авторитетности институтов, уступая лишь президенту. Но завышенные ожидания явно не оправдывались, церковь все сильнее раскрывалась как крайне консервативный, если не сказать — реакционный, институт с домо-строевскими представлениями о социаль-

ном устройстве и отношениях государства и общества. Сегодня церковь в общественном мнении (в рейтинге институционального доверия) отодвинута на пятую позицию (после президента, армии, ФСБ, правительства). Первоначальное массовое одобрение ее намерений руководить душеспасительной деятельностью, заняться воспитанием детей и молодежи, заботой об общественных нравах довольно скоро сошло на нет, когда родители столкнулись с реальностью преподавания «Основ православной культуры» в школьных классах или с навязыванием патриархальных представлений о семейной жизни, сексе или недопустимости абортов. И отношение россиян к участию церкви в политической жизни полностью перевернулось: если в 1991 году 50–55% поддерживали подобные планы высших иерархов, то в последние 15 лет абсолютное большинство высказывалось против этого, причем доля негативных ответов выросла с 49 до 71%.

Неявное сопротивление интервенциям церкви в общественную жизнь стали оказывать именно женщины, бывшие вначале как раз наиболее лояльными сторонницами усиления влияния церкви. Следует подчеркнуть, что в нашем обществе именно женщины являются носителями ценностных и моральных изменений. Они более внимательны, чем мужчины, к проблемам человеческого существования, и потому чаще оказываются интродукторами новых моделей и образцов социальных отношений в семье. Чувствуя гораздо более сильную внутреннюю ответственность, чем отцы, за детей, за их будущее, включая их профессиональное продвижение, женщины скоро ощутили опасность, исходящую от косности и авторитаризма служителей церкви, и постарались нейтрализовать их влияние в сфере своей компетенции. Это, собственно, и стало одной из причин снижения доверия и авторитета церкви, медленного отхода от нее, особенно заметного в ситуации пандемии коронавируса (*график 4*).

Однако антизападная мобилизация после 24 февраля 2022 года вернула доверие к базовым институтам государства — правительству, Госдуме, ФСБ, потянув за собой и повышение значимости церкви как символа «русскости» и противостояния чужим, западным ценностям — правам человека, свободе, личному достоинству.

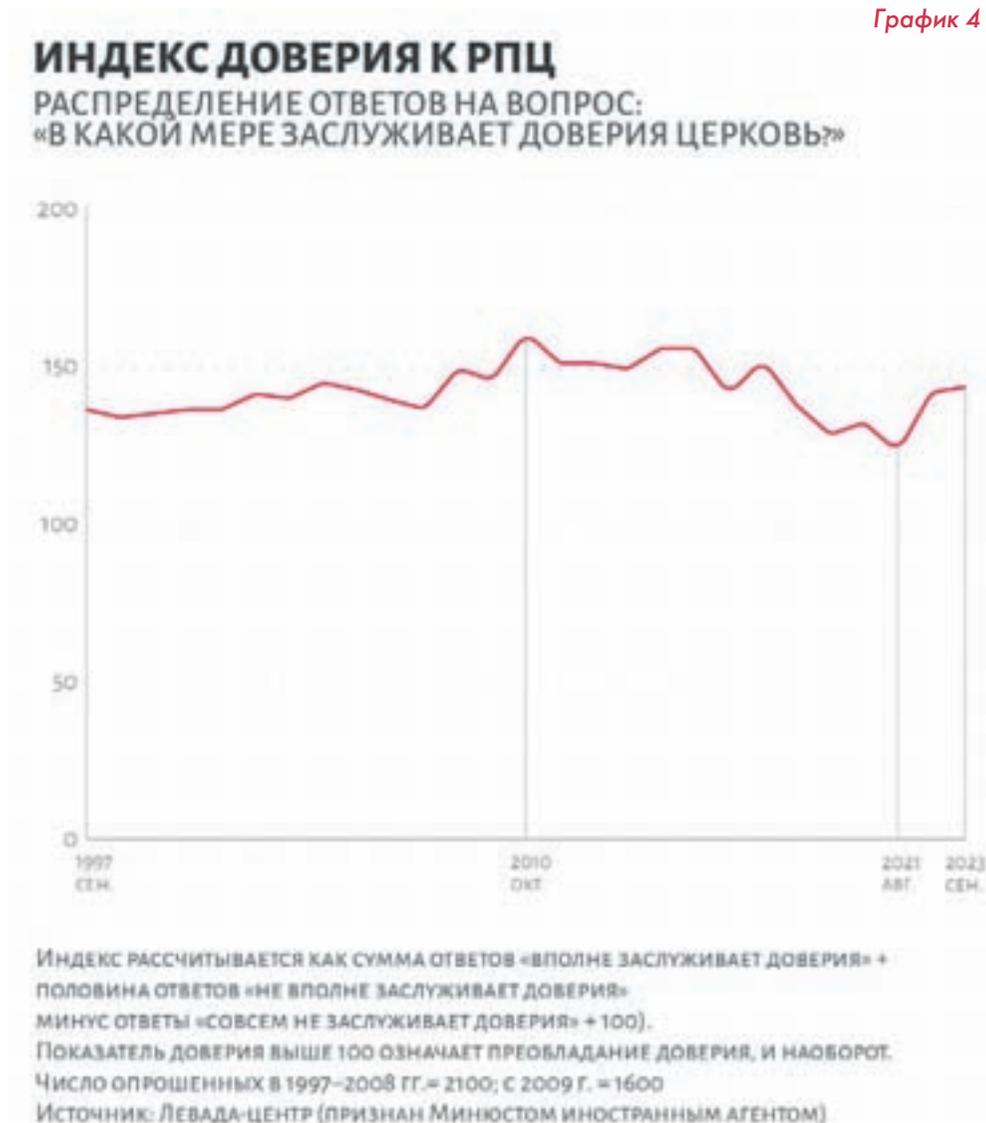
Индекс рассчитывается как сумма ответов «вполне заслуживает доверия» + половина ответов «не вполне заслужи-

под жестким контролем, минимизируя ее возможности корпоративного воспроизводства и тем самым ограничивая ее влияние на население. Потребовалось время и ускоренное расширение системы профессиональной подготовки попов для обеспечения политики религиозного воспитания и евангельского просвещения атеистического социума. Церковь по своему кадровому составу, культурному уровню персонала и мировоззрениям

это божье чудо», как объявил патриарх Кирилл в одной из своих давних проповедей) облегчил превращение РПЦ в департамент по идеологическому воспитанию населения, во что-то вроде консервативного агитпропа.

Для социолога понятие «традиционные ценности» в буквальном своем значении есть нонсенс, логическое противоречие, круглый квадрат. Традиции и ценности — это полярные по функции и характеру действия, а не просто разные формы регуляции. Либо традиция (буквально — воспроизведение целостного образца поведения, передаваемого от носителя традиции к неполноценному в социальном плане индивиду — ребенку, юноше, чужому, что характерно для архаических, аграрных, племенных сообществ). Либо ценностная регуляция, характерная для современного сложно устроенного, дифференцированного общества, в котором индивид сам выбирает способ (образец) поведения. Это не значит, что в современном обществе традиция не имеет места быть, напротив, область подлинной традиции — это сфера воспроизводства наиболее значимых и высоких смыслов и представлений, ограниченных особыми ситуациями, — ритуалов смерти (похорон) или праздников (от свадьбы до Нового года), а также — функционирования наиболее архаических и ритуализованных институтов в современном обществе — религии и армии, имеющих дело с предельными ситуациями жизни и смерти.

Усиленная апелляция к традиции в языке нынешней российской власти, отсылка к авторитету (святости) прошлого означает мысленную посылку безоговорочного подчинения воли индивида государству как держателю мифологии таинственной сущности «тысячелетней России», в которую можно только верить. Другими словами, традиционные ценности подразумевают как норму или предписываемый образец «патриархальную семью», «православие» в версии патриарха Кирилла, «патриотизм», самоотверженность, отказ от частной жизни и слепую преданность имперскому государству, героическое, то есть жертвенное, не рассуждающее, некритическое, следование приказам власти. Традиционные ценности — это идеологическое оправдание суверенности государства, самовластия, как это называлось в старину, то есть полная независимость властей предрежащих от мнений и интересов общества или, в нашем случае, — от населения страны.

вает доверия» минус ответы «совсем не заслуживает доверия» + 100). Показатель доверия выше 100 означает преобладание доверия, и наоборот. Число опрошенных в 1997–2008 гг. = 2100; с 2009 г. = 1600

Одно из объяснений снижения авторитета церкви, отмечаемого с 2010 года, состоит в том, что образовательный уровень священников к началу перестройки был ниже среднего уровня образования населения в целом. Советская власть (в лице КГБ в первую очередь) держала церковь

ее служителей явно не соответствовала этическим запросам современности и гуманистическим надеждам меняющегося российского общества. Но ее стремление к архаике и примитивности понимания реальности соответствовало интересам власти в контроле над обществом и обеспечению патриархальной покорности государству. Цинизм и угодничество высших иерархов Русской православной церкви по отношению к установившемуся в России режиму («приход Путина —

ГОРБИТ
GORBY

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

Петр САРУХАНОВ

Кибер- угрозы

КАК РОССИЙСКИЕ ВЛАСТИ НАУЧИЛИСЬ КОНТРОЛИРОВАТЬ
ИНТЕРНЕТ И ПОЧЕМУ ШАТДАУН СЕЙЧАС —
ВОПРОС НЕСКОЛЬКИХ МИНУТ

Локальные отключения интернета в протестных регионах, исчезновения оппозиционных телеграм-каналов, учения

по суверенизации Сети и регулярные угрозы заблокировать в России глобальные сервисы — такова цифровая повестка третьего года СВО. Шутливое высокомерие, с которым многие оценивали технические возможности российской киберцензуры после позорной для нее битвы за Telegram 2018 года,

оказалось напрасным. С тех пор специально обученные службы значительно повысили свой уровень, в первую очередь технологический. А законодательная база, подведенная под большой российский файрвол (хоть и под улюлюканье и свист публики), способна сделать этот самый «вол» железобетонным.

Елена
Беляева

Красной кнопки нет

Тезис первый, способный сразу ввести в ступор среднего российского чиновника: интернет никому не принадлежит. Он состоит из множества частных и общедоступных сетей разных стран, регионов, провайдеров, связанных друг с другом единой открытой системой протоколов и сервисов.

Как и многие другие передовые технологии, интернет появился благодаря гонке вооружений. В 1957 году СССР запустил в космос первый в мире искусственный спутник Земли. Это событие не только обогатило английский язык неологизмом «sputnik», но и стало причиной основания особого управления при министерстве обороны США, отвечающего за поиск и разработку новейших технологий, — DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency).

Благодаря управлению перспективных исследовательских проектов (DAPRA) получили свое развитие бесчисленные технологические инновации, изменившие современный мир. Например, был разработан прообраз навигационной системы GPS, получили реализацию идеи стелс-технологий и лазерного оружия. Но самым значимым проектом DAPRA стал ARPANET — национальная компьютерная сеть, способная пережить ядерный удар.

В 1960-х годах для передачи информации приходилось физически перевозить ее между городами и отправлять конверты с текстами и перфокартами почтой. Правительство США поручило DAPRA разработку компьютерной сети, которая не только бы ускорила процесс коммуникации, но и позволила бы возобновлять передачу данных в случае сбоя или выхода из строя одного из узлов связи.

Первое испытание ARPANET состоялось 29 октября 1969 года. Ученые Стэнфордского и Калифорнийского университетов попытались передать между компьютерами, расположенными в 640 км друг от друга, сообщение «LOGIN». Несмотря на то что тогда из-за разрыва

Архив

Создатели сети ARPANET

соединения удалось передать только часть слова — «LO», этот день считается официальной датой основания интернета.

В 1973 году по межконтинентальному телефонному кабелю, проложенному по дну Атлантического океана еще в 1950-х годах, к ARPANET подключились первые европейские компьютеры (Норвегия и Великобритания). Перед учеными встала задача обеспечить совместимость между ARPANET и сетями, которые к тому моменту уже появились в других странах. Так по заказу DARPA был разработан протокол TCP/IP, на котором до сих пор работает интернет. И с тех самых пор проект, разработанный военными для военных, стал чем-то большим и постепенно обрел независимость.

Интернет намеренно создавался как распределенная и децентрализованная информационная система с общим доступом. Это значит, «красной кнопки», выключающей доступ к Глобальной сети для отдельно взятой страны, нет и быть не может, в силу самой ее архитектуры. Это добровольная ассоциация самоконтролируемых сетей, объединение которых и есть интернет. А его инфраструктурой (кабели, вышки, спутники, дата-центры) владеет бесчисленное множество людей, компаний и госучреждений. Разработкой, унификацией и регламентацией протоколов и сервисов Сети занимается целый ряд некоммерческих общественных организаций, в большинстве своем официально базирующихся в США. Так исторически сложилось. Сложно сказать, именно это или общие принципы работы Сети, связанные с ее децентрализацией, независимостью и полным отсутствием вертикального управления, стало и останется наибольшим раздражителем для российских охранителей.

Государство вошло в Сеть

Сегодня, на 54-м году жизни, интернет — это целая плеяда стремительно развивающихся технологий, заточенных на постоянную обработку данных. В 2023 году количество пользователей Сети перевалило за 5 млрд, а общий объем генерируемых в ней данных достиг 123 зеттабайт.

Чем больше времени мы проводим в интернете, тем больше информации о себе мы там оставляем. Сеть хранит не только наши публикации, комментарии и сообщения, но и наши персональные данные. Где-то точно можно найти: ваш номер телефона, указанный при регистрации на сайте; ваш IP; рабочую электронную почту; адрес, на который вы заказывали доставку товаров; кличку вашего питомца; историю запросов в браузере и многое, многое другое. Это ваш уникальный цифровой след — переданная вами добровольно информация о себе, над использованием и распространением которой у вас больше нет контроля.

Эти данные помогают рекомендовать интересные видео на YouTube, показывать рекламу на основе наших предпочтений, сообщать о скидках на нужные нам товары, подбирать новости в соответствии с нашими политическими взглядами и служат подспорьем для банковских скоринговых систем, выдающих нам займы... Цифровой след формирует цифровую репутацию, которая на сегодняшний день столь же важна, как и репутация за пределами Сети.

Вас могут уволить с работы из-за провокационных фото в соцсетях или отчислить из университета после публикации неугодового контента. Цифровой след абитуриентов перед зачислением на учебу проверяют колледжи и вузы, на его основе работодатели принимают решение о вашем найме. Чего только стоит китайский опыт социального рейтинга, который уже сегодня, по ряду свидетельств, значительно влияет на жизнь и поведение людей. Минимальный цифровой след также вызывает подозрения: почему человек не пользуется благами цивилизации? Есть что скрывать? Современные технологии обработки больших данных и машинного обучения открывают практически безграничные возможности для анализа поведения пользователей Сети и формирования их вкусовых предпочтений, что делает наши с вами цифровые следы ценнейшим ресурсом в мире — основным источником монетизации интернета и контроля над ним.

В ночь с 27 на 28 января 2011 года Египет на несколько дней был полностью отключен от интернета. Блокировка была выполнена изнутри. Властям понадобилось всего четыре телефонных звонка. Отключение страны с населением более чем 89 млн человек стало первым эпизодом, демонстрирующим реальность манипуляции с Сетью в политических целях.

В четверг, 29 ноября 2012 года, интернет стал недоступен в Сирии. Местные власти в течение нескольких лет частично блокировали связь в стране из-за антиправительственных выступлений, но полный шатдаун стал для них сюрпризом. Эдвард Сноуден уверял, что к происшествию причастны сотрудники оперативного подразделения АНБ США, которые с целью контроля трафика пытались удаленно установить эксплойт (программа, применяемая для атак на вычислительную систему) на один из маршрутизаторов крупнейшего в Сирии провайдера.

Что-то пошло не так, маршрутизатор полностью утратил работоспособность, и менее чем через две минуты Сирии в интернете не стало.

После публикаций The Guardian и The New York Times, основанных на докумен-

Кибер- угрозы

тах Сноудена, государства задумались об усилении защитных мер. Многие страны заявили о своем желании ограничить иностранный трафик и заблокировать доступ к зарубежным ресурсам. Начался процесс фрагментации интернета, дробления на национальные сегменты, имеющий под собой, кстати, не столько политическую, сколько экономическую основу. Бесплатно делиться ценнейшей информацией о своих гражданах не готова ни одна страна.

Обозначенные Сноуденом способы сбора и обработки персональных данных послужили пособием для хакеров. Резко

Великий российский файрвол

В 2013 году число DDoS-атак на российские государственные и коммерческие институты выросло на 178%. Но наиболее остро вопрос об обеспечении безопасности и устойчивости российского сегмента сети Интернет встал в 2014 году, после крымской операции и начала конфликта на Востоке Украины, вместе с первыми ласточками западных санкций.

Процесс дробления и «национализации» интернета будет усиливаться, а наказания за киберпреступления — ужесточаться

увеличилось количество кибератак, ущерб от которых стал оцениваться триллионами долларов, а их мотивы — восприниматься на политическом уровне. Эксперты заговорили о начале масштабного киберконфликта. По прогнозам, в 2025 году онлайн-преступность нанесет мировой экономике ущерб более чем на 10 трлн долларов. Процесс дробления и «национализации» интернета будет усиливаться, а наказания за киберпреступления — ужесточаться. Это закономерно: в онлайн перетекла значимая часть жизни людей, а значит, в киберпространство неминуемо придет государство, с его законами и нормами.

На тот момент критически важные для безопасности Рунета функции управления (корневые серверы системы доменных имен, распределение адресного пространства, маршрутизация трафика) фактически находились под контролем других государств. А значит, по мнению властей, существовала и техническая возможность отключить Россию от Глобальной сети по «сирийскому сценарию».

На заседании Совета безопасности 1 октября 2014 года Владимир Путин заявил, что «следует качественно повысить защищенность отечественных сетей связи и информационных ресурсов, в первую

Getty Images

очередь тех, что используют государственные структуры». Чиновникам поручили изучить вопрос безопасности Рунета.

С 1 сентября 2015 года в Российской Федерации начало действовать положение о локализации хранения и обработки персональных данных, определенное Федеральным законом № 242 от 21 июля 2014 года, обязавшим компании осуществлять запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение и извлечение персональных данных граждан Российской Федерации в базах данных, фактически расположенных на территории России, т.е. на отечественных серверах. В дальнейшем, благодаря принятым позже поправкам, за отказ локализовать данные россиян были введены многомиллионные штрафы, которые неоднократно получали сервисы транснациональных компаний (Twitter, Facebook*, WhatsApp*, Spotify, Airbnb, Apple, Google, Zoom etc.).

* Принадлежат компании Meta, в России признанной экстремистской и запрещенной.

В 2016 году Минкомсвязи опубликовало ряд наработанных за два года поправок к госпрограмме «Информационное общество». По планам министерства, к 2020 году 99% российского интернет-трафика должно передаваться внутри страны (по сравнению с 70% в 2014 г.), а критические элементы инфраструктуры интернета будут дублироваться внутри России. К таковым были причислены: национальные доменные зоны верхнего уровня (.ru, .рф), инфраструктура, обеспечивающая их функционирование (DNS), системы точек обмена трафиком, линии и средства связи.

Черные ящики

В течение почти 10 лет Роскомнадзор запрещал россиянам доступ к определенным сайтам и сервисам, используя собственный реестр. Операторы связи получали от ведомства перечень сайтов и IP-адресов, к которым, по мнению властей, необходимо ограничить доступ, после

чего у провайдеров было 24 часа, чтобы обеспечить блокировку указанных ресурсов для всех пользователей из России.

В январе 2018 года с помощью блокировки IP-адресов Роскомнадзор попытался полностью запретить доступ россиянам к Telegram, но безуспешно. Telegram показал эффективное противодействие надзорным мерам, массово выпуская дополнительные IP-адреса для мессенджера. Борьба была проиграна, однако ведомство сделало свои выводы.

В конце 2018 года группа депутатов во главе с Андреем Клишасом внесла в Госдуму законопроект о необходимости обеспечения работы российского сегмента интернета в случае отключения от зарубежных серверов, впоследствии получивший неформальное название «Закон о «суверенном интернете».

Документ, представляющий собой ряд поправок в законы «О связи» и «Об информации, информационных технологиях и защите информации», вступил в силу 1 ноября 2019 года. Он обязал всех операторов связи устанавливать на своих сетях технические средства противодействия угрозам (ТСПУ), определяющие источник трафика, а также способные при необходимости «ограничить доступ к ресурсам с запрещенной информацией не только по сетевым адресам, но и путем запрета пропуска проходящего трафика».

Фактически ТСПУ — это комплекс устройств, управляемых Роскомнадзором. Согласно закону, именно он реализует централизованное управление Рунетом и ограничивает доступ к запрещенным в России сайтам. Через эти черные ящики проходит и с помощью технологии DPI (Deep packet inspection) анализируется весь объем получаемых и передаваемых в Сети оператора данных. Ведомство дистанционно инспектирует трафик по ряду параметров и имеет возможность пропускать его (по умолчанию), ограничивать скорость соединения (как в случае с Twitter) или полностью заблокировать доступ.

В результате применения DPI Роскомнадзор получил широчайший инструментарий для борьбы с оппозиционными интернет-ресурсами, к тому же блокировки через ТСПУ стали более непредсказуемыми и непрозрачными.

Технология была обкатана на массовом замедлении Twitter, начавшемся в марте 2021 года. А впервые РКН задействовал оборудование государственного DPI для блокировки сайта по отношению к зеркалу блога Навального. Позже технология неоднократно проверялась с помощью массовых блокировок VPN.

Для РКН было важно научиться блокировать и замедлять сайты не только по IP-адресам, но и по различным протоколам. Протокол — это набор правил, по которым происходит обмен данными между компьютерами и серверами, для разных сервисов они разные. Например, есть протоколы, отвечающие за передачу электронной почты, другие — за передачу потокового аудио и видео, третьи — за доставку сообщений в Telegram или

Кибер- угрозыск

WhatsApp. Фильтры ТСПУ как раз и используются для блокировки и замедления передачи данных любого из подобных сервисов.

Например, с помощью ТСПУ были организованы массовые сбои в работе мессенджеров 29 октября 2023 года в Махачкале, а также в январе 2024 года в Башкортостане на фоне протестов, связанных с оглашением приговора Фаилю Алсынову, и во время несанкционированных антимигрантских акций в Якутии.

В интервью изданию «Коммерсантъ» глава РКН Андрей Липов рассказал, что с 1 ноября 2019 года оборудование для фильтрации трафика ежедневно предотвращает более 421 млн попыток доступа, включая обход блокировок и DDoS-атаки. По заявлению Липова, ТСПУ способны противостоять двенадцати категориям сетевых угроз.

Также в ноябре 2023 года руководитель РКН сообщил СМИ, что с августа 2023 года все узлы связи в России на 100% оборудованы средствами противодействия угрозам на базе ТСПУ.

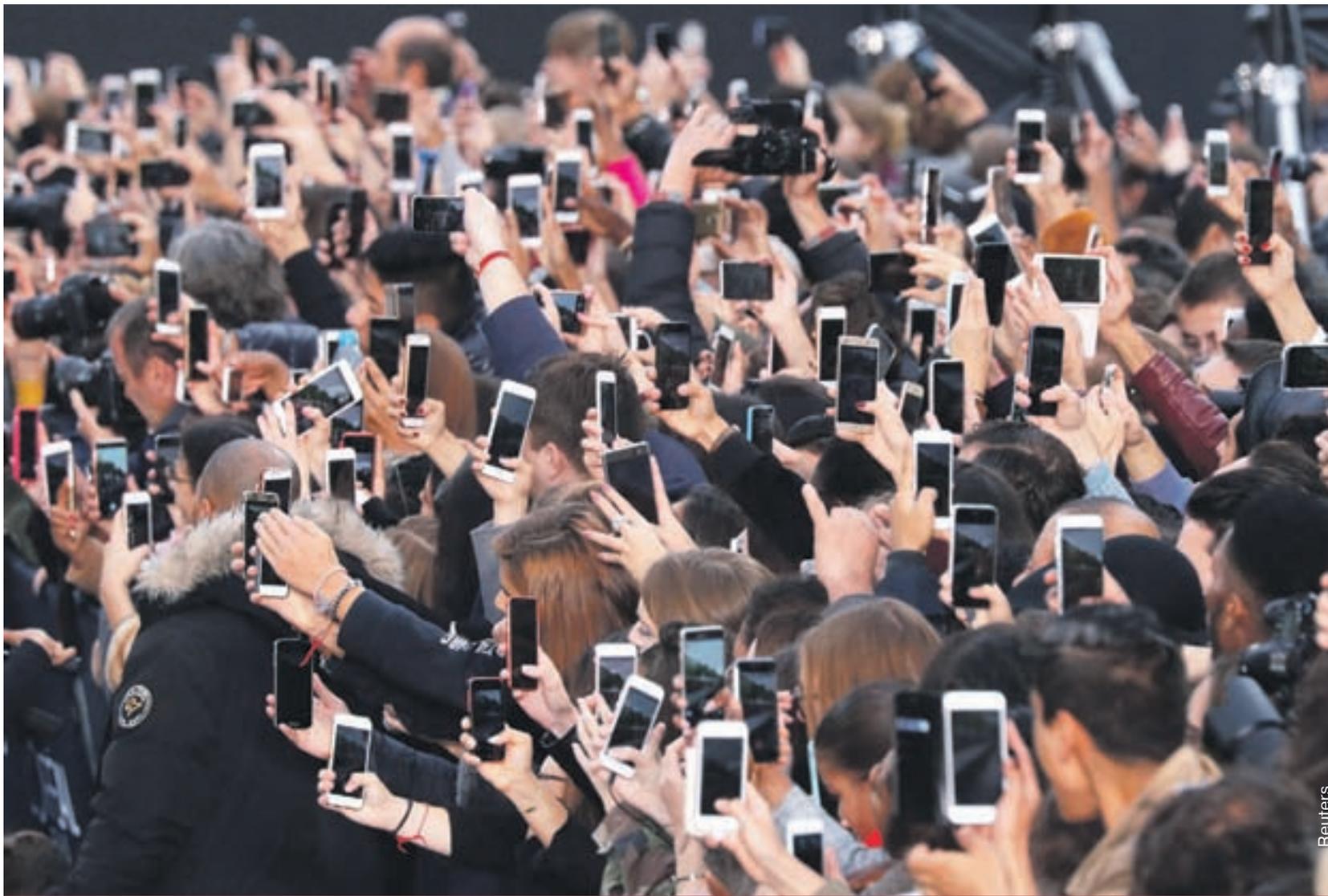
Мы можем видеть, что за всю историю блокировок в черный список Роскомнадзора попало более 1,6 млн сайтов, однако отследить такую статистику для блокировок через ТСПУ не получится. Буквально несколько дней назад Роскомнадзор перестал обновлять выгрузку реестра запрещенных сайтов, так как тот стал неактуален. Сегодня блокировки осуществляются напрямую через оборудование на сетях связи, что затрудняет возможность их отслеживать и оспаривать в суде.

Роскомнадзор и Минцифры докладывают, что до 2025 года будет создана информационная система мониторинга маршрутов трафика в Сети, а также запущена система мониторинга сети связи общего пользования и управления ею. На это выделено 1,2 млрд рублей. Система позволит РКН контролировать передачу данных

между всеми операторами и провайдерами и отслеживать тех, кто не исполняет требования ведомства. Разработкой занимается созданный в рамках закона «о суверенном интернете» Центр мониторинга и управления сетью связи общего пользования (ЦМУ ССОП). После ввода системы в эксплуатацию провайдеры, не подключенные к системам РКН, будут вынуждены полностью прекратить работу, так как не смогут обмениваться данными или передавать их от своих абонентов к абонентам других операторов.

Безлимит для майора

Самым известным законодательным актом, изменяющим правила получения доступа к данным россиян, стал принятый в июле 2016 года «пакет Яровой», который обязал операторов связи и организаторов распространения информации хранить сообщения пользователей: голосовую информацию, текстовые и видеосообщения, изображения и иное содержание сообщений пользователей в течение шести месяцев, а метаданные — от одного года (для ОРИ) до трех лет (для операторов связи). «Пакет Яровой» также обязывает всех операторов установить на свои сети оборудование, благодаря которому правоохранительные органы будут иметь внесудебный доступ к метаданным и всему содержанию сообщений пользователей; а ОРИ вдобавок обязаны помогать им с декодированием. Правда, насколько нормы этого закона реализуются, вопрос: за шесть месяцев россияне 700 млрд минут говорят по телефонам, отправляют 50 млрд SMS и потребляют 6 эксабайт интернет-трафика. Оборудования для хранения такого объема данных в мире не существует.

Reuters

Но вершиной «переосмысления» интернета в России стал не «пакет Яровой», а менее известные, подписанные в 2023 году изменения в законы «О связи» и «Об информации», которые полностью вступят в силу в III квартале 2024 года. Они ввели новый принцип регистрации на российских сайтах: пользователи могут сделать это только по номеру телефона, с помощью российских сервисов — «ВКонтакте» и «Яндекс», через единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА или портал «Госуслуги»), либо с помощью биометрии. То есть анонимность полностью исключается.

Также поправки внедрили в реестр хостинг-провайдеров, соблюдающих требования властей:

— по взаимодействию с государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА);

— выделению вычислительных мощностей для работы обновленной системы оперативно-разыскных мероприятий (СОРМ-3), позволяющей государственным

органам контролировать весь трафик пользователей, а также собирать и в течение трех лет хранить персональные данные абонентов;

— использованию Национальной системы доменных имен (НСДИ);

— участию в ежегодных учениях по обеспечению устойчивости российского сегмента интернета.

Компаниям, не вошедшим в реестр, с 1 февраля 2024 года запрещено оказывать услуги хостинга на территории России. Всего в реестре «законных» хостинг-провайдеров на сегодня 420 компаний.

Изменения в законах — только один из элементов формирования «суверенной» экосистемы Рунета. Продолжает набирать обороты применение принятого в 2021 году закона «О приземлении интернет-ресурсов» и закона о маркировке рекламы, вступившего в силу в 2023 году. Однако можно сказать, что в части блокировок власти достигли почти 100% успеха. Именно это совершенство владения рубильником позволило управлять

общественным мнением по отношению к таким ключевым политическим вопросам, как СВО или внутренние репрессии: лишение читателя доступа к независимым СМИ стало условием эффективности пропаганды.

Ну а вопрос отключения YouTube — после блокировки сервисом очередного зверопатриотического канала или «Википедии» — после создания ее подцензурного клона — это вопрос уже не технологий, а времени. Противодействие же цифровой цензуре становится все более сложной, но и все более значимой задачей для инженеров. Решение которой — сродни миссии по уничтожению кольца власти.

Елена Беляева

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

Мир бес- поляр- ности

КАКОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПОРЯДОК УСТАНОВИТСЯ
ПОСЛЕ ТЕКУЩЕГО КРИЗИСА
И ВОЗМОЖЕН ЛИ ОН
В ПРИНЦИПЕ?

Василий
Жарков*

Представьте себе, что вы мчитесь на огромной скорости по очень длинному мосту над глубокой пропастью, заливом или устьем широкой реки. Вдруг справа вас подрезает другая машина в нарушение правил дорожного движения и без какого-либо предупреждения. Рядом с вами нет поста ДПС, а камеры слежения лишь могут представить свидетельство причин вашей гибели в ДТП. Вам нужно действовать на свой страх и риск, в мгновение ока оценив возможные последствия столкновения, торможения в своем ряду или резкого поворота в сторону.

В международных отношениях основными участниками движения являются не автомобили, а суверенные государства. Само это движение постоянно происходит на том самом бесконечном мосту, где к тому же нет и не может быть никакой полиции. Даже если камеры мировых информационных агентств зафиксируют нарушение правил, каждый понимает их по-своему и видит нарушение не там, где его видят другие. Рациональный участник дорожного движения в таких условиях будет внимательно следить за дорогой и постоянно маневрировать, дабы избежать столкновения с человеческими жертвами или падения в пропасть.

Шатающиеся основы

Международный порядок, как было сказано в предыдущей публикации (см. «Горби» № 6), представляет некий условный набор паттернов поведения государств на международной арене. Правила игры строятся на взаимном признании суверенитета и балансировании власти всеми

* Автор — приглашенный лектор Европейского гуманитарного университета в Вильнюсе и руководитель Программы «Новая политическая наука» факультета свободных искусств и наук в Черногории.

государствами, участвующими в международной системе. Дипломатия служит инструментом политического взаимодействия между ними, война же выводит общение между государствами за рамки политического и, по сути, является свидетельством кризиса или краха миропорядка.

Однако по итогам войн порядок в отношениях между государствами на какое-то время восстанавливается после заключения мирного договора, определения режима границ и условий ненападения стран друг на друга. Новый статус-кво длится ровно до того момента, пока, по выражению основоположника классического реализма в теории международных отношений Ганса Моргентау, в очередной раз не появляется «неприрученная варварская держава, которая строит свои законы из ничего, но верит в свои собственные силы как в единственное обоснование своей экспансии»¹. В этот самый момент мировой порядок переживает тяжелый стресс или даже коллапс.

О кризисе и даже конце миропорядка сегодня не говорит только ленивый. Об этом свидетельствуют по крайней мере три симптома: активизация старых и появление новых региональных конфликтов высокой интенсивности; вновь возникшая угроза ядерного апокалипсиса; нерешаемые на международном уровне глобальные проблемы, среди которых особенно выделяются угроза повторения пандемии и чреватое гуманитарными катастрофами изменение климата.

В этом контексте вполне возможно, что мы присутствуем лишь в самом начале эпохи больших испытаний, по итогам которой не только новый мировой порядок, но и сама человеческая цивилизация может оказаться под большим вопросом. Слишком многое мы привыкли воспринимать как данность и не замечаем, как легко можем лишиться этого привычного для себя благополучия.

Несмотря на огромный прогресс человечества, достигнутый менее чем за столетие, с момента окончания Второй мировой войны, начавшийся кризис международного порядка может обойтись всем нам очень дорого. Потому что, возможно, никогда в истории человечества столько негативных факторов не возникало одновременно и в глобальном масштабе. Восстановление мира может потребовать от объединенных наций и их политических лидеров большой работы, к которой они пока явно не готовы. Само по себе выживание цивилизации по итогам текущего кризиса можно будет считать боль-

шим чудом и удачей. Человечество уже довольно долго живет взаимы у будущих поколений. Лучшим умам это стало ясно не позднее 1968 года, когда был опубликован первый доклад Римского клуба и «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» академика Андрея Сахарова. Ближайшие десятилетия и даже годы могут стать тем самым моментом расплаты за не принятые вовремя меры и благодушные мировых политиков последних 30 или 50 лет. Первые последствия надежды не только на русский, но на мировой «авось» уже проявляются прямо на наших глазах.

Кризис и его причины

Первый в мировой истории международный порядок возник после заключения Вестфальских мирных соглашений в 1648 году, первоначально в него не входили ни Англия, ни Россия. Что же касается глобального порядка в международных отношениях, то говорить о нем можно не ранее окончания Первой мировой войны. Да и то большая часть мира в межвоенный период оставалась поделенной между европейскими колониальными империями. Современный мировой порядок начинает складываться только после Второй мировой войны, его формирование завершается фактически только в начале 1990-х годов с распадом СССР и советского блока. Тогда, по выражению Эрика Хобсбаума, возникло «более дюжины новых территориальных государств <...> без какого-либо независимого механизма, определяющего их границы»². В течение четырех десятилетий до этого, благодаря распаду мировой колониальной системы, сложилась современная палитра политической карты мира, включающая на сегодняшний день 193 государства — члена ООН.

Послевоенный международный порядок на Западе принято называть либеральным, или основанным на правилах. Нормы, правила и институты глобального управления со второй половины 1940-х годов достигли максимальной степени развития.

¹ Morgenthau H. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. NY: McGraw-Hill, 1993. P. 104.

² Hobsbaum E. *Age of Extremes. The Short Twentieth Century. 1914–1991*. London: Abacus, 1997. P. 558.

Либеральный интернационализм ООН и принятая ею Всемирная декларация прав человека, экономический либерализм МВФ и ВТО, открытость мировых рынков и общая тенденция к демократизации политических режимов по всему миру — даже в условиях холодной войны все это вселяло оптимизм относительно будущего мира. Стремительное прекращение холодной войны и демократизация стран советского блока в конце 1980-х позволили Фрэнсису Фукуяме провозгласить «конец истории», ознаменовавший окончательной победой демократии. Впрочем, в том же самом эссе 1989 года, вскоре вышедшем в русском переводе в Советском Союзе, профессор Фукуяма предупреждал, что Россия не обязательно пойдет послевоенным путем Западной Европы в сторону демократии и открытого общества. Если уверенная в собственной уникальности она «застрянет на месте», писал он, учитывая размеры государства, это «по-прежнему будет поглощать наше внимание»¹ и мешать осознанию конца истории.

По-настоящему существенная ошибка Фукуямы связана с переоценкой потенциала демократизации Китая путем включения в глобальный либеральный рынок и приобщения к буржуазным практикам консюмеризма. Как показывает опыт последующих 35 лет, участие в международном разделении труда на правах периферии мир-экономики капитализма привело не к крушению, а к укреплению автократических режимов в странах, производящих товары народного потребления (Китай) или поставляющих энергетическое сырье на мировые рынки (Россия, страны Персидского залива и Венесуэла). Третья волна демократизации исчерпала себя уже в 1990-е, а с начала нового тысячелетия повсеместно в мире началось обратное движение в сторону новых режимов несвободы. Сегодня на фоне роста популярности правопопулистских политиков либеральная демократия проходит испытание в Западной Европе и США.

¹ Фукуяма Ф. *Конец истории // Вопросы философии*. 1990. № 3. С. 147.

Мир бес- поляр- ности

События весны 2022 года окончательно показали ограниченность действия международных либеральных институтов как механизма поддержания мирового порядка. Мы ясно видим сегодня, что Совет Безопасности ООН фактически парализован, а запрещающие ведение агрессивных войн нормы международного права разбиты вдребезги. При этом управляющие мировой экономикой институты шатаются (МВФ) или находятся в упадке (ВТО), рискуя быть разрушенными новыми финансовыми кризисами. Наконец, даже такие устойчивые региональные объединения, как Европейский союз и НАТО, испытывают серьезный внутренний стресс и едва ли не грозят распасться под действием усиливающихся центробежных сил². Международная анархия остается единственной константой, описывающей состояние мировой политики. Глобальный порядок попросту некому поддерживать.

Не последнюю роль в подрыве либерального мирового порядка играет кризис лидерства на международной арене. Едва ли не главный вопрос 2020-х годов связан с угрозой потери США статуса мирового лидера. Если после Второй мировой войны на экономику Соединенных Штатов приходилось более половины мирового ВВП, то теперь, в пересчете по паритету покупательной способности, эта доля составляет чуть более 15%. В мировые экономические сверхдержавы рвется Китай,

² Latham A. *The rules-based international order is ending. What will replace it? // The Hill*. 15.11.2022. URL: <https://thehill.com/opinion/national-security/3736389-the-rules-based-international-order-is-ending-what-will-replace-it/>

использующий все преимущества неолиберальной экономики в интересах укрепления собственного жесткого авторитарного режима и продолжающий поддерживать диктатуры по всему миру.

Бремя мирового лидера непросто сказалось на внутривнутриполитической ситуации в самих США — особенно в течение последнего десятилетия. С одной стороны, американское общественное мнение традиционно требует от своего правительства поддерживать миссию защитника свободы и прав человека во всем мире. С другой стороны, американский обыватель не хочет нести возможные издержки подобной миссии, платить за это из своего кармана или тем более идти воевать за глобальную справедливость. Поляризация сторонников глобализма и возвращения к временам блестящей изоляции достигла апогея с появлением Трампа. Буквально в этом году американская политическая система будет испытывать серьезные потрясения, что не может не сказаться на внешнеполитическом курсе и позициях на международной арене.

Слишком частое и не всегда оправданное применение военной силы с конца 1990-х годов подорвало власть США, а уход ни с чем из Ирака и Афганистана наряду с недостаточной определенностью международного статуса Косово (так и не получившего статуса государства — члена ООН) породили экспансионистские аппетиты у некоторых региональных держав. Переход от униполярности к многополярности или даже бесполярности выглядит не чем иным, как торжеством естественного состояния в международной политике. Когда полюсов много, каждый вооруженный актер, даже хуси-

ты, при определенном стечении обстоятельств может возмнить себя еще одним полюсом мира и начать свою маленькую победоносную войну.

Пока мир рвется там, где особенно тонко: в конфликтных зонах бывшего СССР и на границе Израиля и Палестины. Не стоит забывать о Тайване, демаркационной линии на Корейском полуострове, проблемах на индо-пакистанской границе и в Северном Кипре. В последние два года мы могли убедиться в том, как быстро разгораются замороженные конфликты. Если все предыдущие кризисы международного порядка начинались в центре мир-системы, то текущий пока все сильнее охватывает мировую периферию.

наличие мощного в экономическом и военном отношении Китая. Китайское участие в сдерживании России маловероятно, скорее, давление на обе страны еще больше их сблизит в противостоянии «коллективному Западу». Политика сдерживания в таких условиях не даст желаемых результатов.

Сдерживание агрессора представляет лишь минимум необходимых мер с целью защитить страны Европы от угрозы экспансии с Востока. Гораздо важнее построить такую систему безопасности, в которой все стороны чувствовали бы себя уверенно и комфортно. Разумеется, говорить об этом преждевременно, пока на востоке Европы продолжаются военные действия. Эта специальная военная операция

учитывать не только цену товара, но и то, кто его продает на мировом рынке. Если петрократии перестанут обогащаться за счет господства на нефтегазовом рынке, а китайские товары потеряют спрос в развитой части мира, это существенно подорвет ресурсы наиболее влиятельных диктаторских режимов планеты. Не стоит забывать очевидный исторический факт — демократизация СССР началась в условиях существенного падения мировых цен на нефть.

Наконец, по мере расшатывания и крушения авторитарных и тоталитарных режимов потребуются разработать и предложить дорожные карты возвращения освободившихся наций к отношениям доверия и диалога с передовой частью мира. Меньшинство сторонников демократических ценностей в автократиях должны уже сегодня быть уверены в том, что в случае либерализации их страны не останутся за «стеной безопасности» или «рвом с крокодилами», но вернуться в равноправное международное сообщество при сохранении своей идентичности и культурных особенностей.

Эти меры не принесут результата завтра, нас ждет долгий и трудный путь с неочевидным результатом. Однако он вполне достижим, если ядерная война или глобальное потепление не поставят точку в истории человеческой цивилизации раньше времени. Новый мировой порядок, если он будет достигнут, должен вывести международную кооперацию на новый уровень за счет демократизации и дальнейшего усиления международных либеральных институтов.

В докладе Горбачев-фонда в июне 2020 года в качестве приоритетных задач нового политического мышления в XXI веке назывались переосмысление понятия безопасности, демилитаризация и возвращение к диалогу и сотрудничеству между странами³. Сегодня этот призыв выглядит еще большей утопией, чем четыре года назад. Однако альтернативой ему неизбежно станет окончательный крах международного порядка и в самом лучшем случае провал человечества в новое Средневековье.

« Новый мировой порядок, если он будет достигнут, должен вывести международную кооперацию на новый уровень за счет демократизации и дальнейшего усиления международных либеральных институтов

Актуальность нового мышления

Базовый сценарий выхода из текущего кризиса представляется инерционным и крайне консервативным. Похоже, не до конца осознавая степень существующих вызовов, западные политики предпочитают использовать старые наработки и плыть по течению. Так, в отношении России, выступающей сегодня едва ли не главным ревизионистом либерального международного порядка, предлагается проводить политику сдерживания. В качестве теоретической рамки используется наследие Джорджа Кеннана и его «Длинной телеграммы». При этом практически полностью упускаются из вида существенные перемены в историческом контексте между 1946 годом и днем сегодняшним. Сдерживание России по аналогии с Советским Союзом может оказаться куда более провальной затеей, если учесть

практически полностью подорвала доверие и возможности диалога сторон. Точно так же, как вторжение ХАМАС 7 октября разрушило оставшиеся возможности диалога Израиля и Палестины. Однако без прекращения огня и возвращения к диалогу, а вместе с ним и обретения доверия говорить о каком-либо устойчивом миропорядке невозможно.

Пока программа-минимум в отношении спасения либерального международного порядка выглядит следующим образом:

Во-первых, необходимо удержать демократические режимы в странах ядра мир-системы и сохранить их в качестве процветающих экономических лидеров. Это позволит сохранить образ либеральной демократии как наиболее привлекательной формы общественного и политического устройства.

Во-вторых, нужно перезагрузить мировую экономическую модель. Постнеолиберальная модель должна

Василий Жарков

³ Пандемия как вызов и новое мышление в XXI веке / П.Р. Палажченко, В.П. Жарков, О.М. Здравомыслова, К.К. Карагезьян, В.А. Поляков, А.В. Рябов / Под ред. М.С. Горбачева. М.: Горбачев-фонд, 2020. С. 26.

ГОРБИ
GORBY

ДЕМИСТИ- ФИКАЦИЯ

Четыре волны самотеррора

Летом 1937-го, когда готовились массовые аресты и расстрелы, замнаркома внутренних дел Михаил Фриновский, по его же собственному рассказу, спросил у Сталина, не слишком ли много будет крови. Сталин «усмехнулся, подошел к Фриновскому, двумя пальцами толкнул в плечо, как будто отталкивая доброжелательно. «Ничего, — говорит, — партия все возьмет на себя»¹.

¹ М. Яковенко. Агнесса. Исповедь жены сталинского чекиста. М., 2019. С. 216.

КАК ПАЛАЧИ САМИ СТАНОВИЛИСЬ ЖЕРТВАМИ РЕПРЕССИЙ

Фриновский и руководящая верхушка НКВД во главе с Ежовым не зря беспокоились. Масштабы предстоящих арестов населения СССР были огромны, поражали воображение, и логичным оказывался вопрос: не получится ли так, что, выполняя сегодня указания Сталина и Политбюро, они завтра будут обвинены в организации всей этой кровавой вакханалии.

Никита

Петров,
историк**Волны
первая и вторая.
Ягода и Ежов**

Пример арестованного 28 марта 1937-го бывшего наркома внутренних дел Генриха Ягоды был у них перед глазами. Аресты руководящих кадров НКВД уже шли вовсю с весны 1937-го. Громили ближний круг Ягоды. Это была первая в советской истории волна массовой расправы с руководящими чекистами. Парадоксально, но эта чистка не дезорганизовала ряды, наоборот, открывшиеся наверху вакансии «подтянули» аппарат НКВД, дали мощный стимул средним выдвинуться на высокий уровень.

Согласно официальной статистике, с 1 октября 1936-го до 15 августа 1938-го — то есть во время чисток Ежова — по всей стране были арестованы 2273 сотрудника органов госбезопасности¹. Это именно число работников госбезопасности, а кроме них аресты затронули милицию, погранвойска и лагерную сферу НКВД. С учетом этих категорий работников получается, что в тот период было репрессировано семь с лишним тысяч сотрудников НКВД. Бывших ягодинцев обвиняли в принадлежности к «правотроцкистскому заговору», в развале работы НКВД и подрыве его боеспособности.

Перспектива быть причисленным к числу «ягодинских заговорщиков» никому из чекистов не улыбалась. Они рьяно взялись выполнять все исходящие сверху установки по проведению массовых арестов и казней. Соревновались, кто быстрее исчерпает спущенные в их республики и области лимиты на расстрелы, утвержденные лично Сталиным и Политбюро. Просили дать разрешение на новые аресты. И получали — Сталин тут не скупился.

Большой террор набирал обороты. Уже осенью 1938-го, с приходом Лаврентия Берии сначала в заместители к Ежову, а затем и на место руководителя НКВД, развернулась вторая волна массовых арестов сотрудников НКВД. Если главный мотив

обвинений чекистов ягодинской формации, помимо участия в «заговоре», сводился к тому, что они плохо и слабо работали, то обвинения ежовцам, наоборот, состояли в том, что они слишком активно работали, развернули массовые аресты и «рубил сплеча», не особо разбираясь, кого и за что. То есть во вредительских целях направили массовые операции НКВД против честных советских граждан. Но и для ежовцев на первом месте были обвинения в заговоре против Сталина и советской власти.

А массовые репрессии велись Ежовым и его приспешниками якобы в целях возбудить недовольство и протесты народа и обратить народный гнев против советской власти. Что тут скажешь, хитро придумано! И в этом весь Сталин — «партия возьмет на себя». Обманул, всю вину за Большой террор повесил на НКВД.

Архив

Николай Ежов

Архив

Генрих Ягода

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 996. Л. 188–189.

Четыре волны самотеррора

В ноябре 1938-го, после снятия Ежова с должности наркома внутренних дел, новый полновластный хозяин Лубянки Лаврентий Берия развернул полномасштабную чистку аппарата НКВД от ежовских выдвиженцев. Последовали сотни арестов прямых пособников Ежова и других сотрудников НКВД. Арестованы

ника НКВД, 937 из них были сотрудниками госбезопасности². Масштаб, конечно, несколько меньший, чем при первой волне, но помимо арестов Берия провел и массовое увольнение ежовских кадров. Ежов и его заместитель Фриновский были расстреляны в 1940-м, и об этом не было никаких сообщений в печати. Лишь в памяти народной остались воспоминания о ежовщине и вдруг бесследно исчезнувшем наркоме. Ежов, прославившийся на пике могущества на всех углах, как будто растворился.

К началу войны в лагерях находились многие сотни чекистов, осужденных за участие в массовых репрессиях. Война внесла свои коррективы. Часть уволенных и даже уже сидевших в лагерях чекистов вернули в строй. Их помилование шло в индивидуальном порядке и освобожденных направляли по большей части в органы военной контрразведки, где остро ощущался дефицит кадров. Разумеется, выпускали преимущественно тех, кто получил срок по статье 193-17 Уголовного кодекса (злоупотребление или превышение власти), а не по вариациям 58-й статьи, коих причисляли к «ежовскому заговору».

на улицу. Посадите и пусть сидят». И добавил фразу, которой суждено было стать крылатой: «У чекиста есть только два пути — на выдвижение или в тюрьму»³.

Итак, как это ни удивительно, но третья волна арестов чекистов началась при Сталине в 1951-м по схожему с довоенными годами сценарию. Опять разоблачение «заговора» и под этим соусом сме-

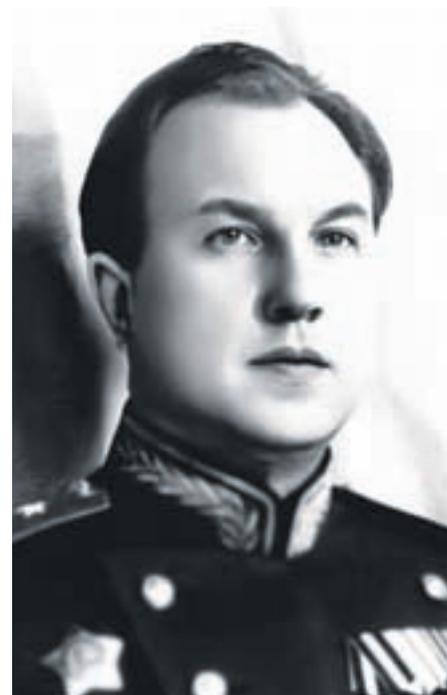

Архив

Михаил Фриновский

Волна третья. 1951-й и другие годы

Регулярные кровопускания работникам госбезопасности вошли у Сталина в привычку. Была найдена универсальная формулировка. В октябре 1951-го Сталин принял на юге нового министра госбезопасности, партийного выдвиженца Семена Игнатъева. Он занял место арестованного тремя месяцами раньше Виктора Абакумова, которого Сталин обвинил в «обмане ЦК» и потворстве «сионистскому заговору» в МГБ. Сталин дал указание «убрать всех евреев» из МГБ. Не имевший соответствующего опыта новый министр опешил и спросил — куда? И тут Сталин изрек: «Я не говорю, чтоб вы их выгоняли

Архив

Виктор Абакумов

на руководства системы госбезопасности.

Вообще-то действительным руководителем системы НКВД–МГБ был сам Сталин. Он вникал во все подробности, лично читал протоколы допросов арестованных, давал указания о ведении следствия, санкционировал новые аресты. Архивы полны документов с его визами на расстрельных списках, резолюциями об арестах и согласием на увеличение лимитов на расстрелы.

Готовился процесс по делу «заговорщицкой» группы Абакумова. Всего по делу

были все его заместители и начальники отделов. Почти все бывшие руководители НКВД союзных и автономных республик и подавляющее большинство начальников областных НКВД, а также другие руководящие работники были освобождены от должностей и осуждены.

С сентября по декабрь 1938-го было арестовано 332 руководителя НКВД, 140 из них работали в центральном аппарате, 192 — в областных структурах¹. Аресты продолжались и в следующем году. За 1939 год было арестовано 1364 работ-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Он. 6. Д. 1.

² ГАРФ. Ф. 9401. Он. 8. Д. 51. Л. 2.

³ ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Он. 2. Д. 31. Л. 455–458.

Лаврентий Берия

было арестовано не менее трех десятков человек. Среди них три заместителя министра, начальники главков, управлений и самостоятельных отделов МГБ. В общем, генералитет. Конечно, масштабы не те, что в 1937-м или 1939-м, но все же — имена громкие. В феврале 1953-го было подготовлено обвинительное заключение на десять обвиняемых во главе с Абакумовым. Сталин лично вносил правку в обвинения, но довести дело до конца не успел.

После смерти Сталина его наследие сразу же подверглось пересмотру. Эпоха кардинально менялась. Во главе Министерства внутренних дел, куда вошла и госбезопасность, встал Берия. Он первым же делом взялся выпускать на волю некоторых арестованных при Сталине высокопоставленных чекистов. Тех, кого хорошо знал лично. Но не всех. Абакумова и его ближайших сотрудников Берия не пощадил, они остались в тюрьме.

Век Берии оказался недолог. 26 июня 1953-го его арестовали прямо на заседании Президиума ЦК КПСС. Теперь он стал главным «заговорщиком» и его обвинили в участии в репрессиях и расправах над честными советскими гражданами. Конечно, помимо прочего было обвинение и в шпионаже в пользу Англии — как без этого. А для полноты картины и масса эпизодов сексуальной распущенности.

Суд над Берией и его шестью ближайшими сообщниками в декабре 1953-го хоть и носил закрытый характер, но о нем известил народ. В газетах появились сообщения о начале суда и о вынесенном приговоре. Прямо написали о Берии как об организаторе беззаконий, выведя Сталина за скобки. Но то, что прозвучало, произвело на публику ошеломляю-

Михаил Рюмин

щее впечатление. Раньше об этом только шептались. А теперь говорилось открыто: «Берия и его сообщники учиняли расправу с неудобными для них людьми, не останавливаясь перед актами произвола и беззакония, подлым образом обманывали партию и государство».

Шли аресты чекистов, причисленных к «банде Берии», и к октябрю 1953-го их набралось 44 человека. Наконец пришло время, когда обвинения чекистов сталинской формации в нарушении «социалистической законности» вышли на первый план. И начиная с 1954-го чередой пошли процессы против работников госбезопасности.

Следующий суд, о котором сообщила печать, — над бывшим начальником следчасти МГБ Михаилом Рюминым, отметившимся печально знаменитым «делом врачей». Его приговорили к расстрелу. Среди обвинений значилось применение к арестованным «запрещенных советским законом приемов следствия». Так иносказательно именовались пытки.

На закрытом процессе 28 сентября 1954-го, о котором не сообщала печать, Военной коллегией были приговорены Петр Шария, Степан Мамулов, Борис Людвигов, Григорий Ордынцев и Федор Муханов. Эти многолетние работники секретариата Берии обвинялись по статьям 17-58-1 «а» (Шария) и 17-58-1 «б» (остальные) в том, что «длительное время объективно помогали Берии скрывать свое преступное прошлое и оказывали ему косвенное содействие в использовании органов МВД для осуществления его преступных контрреволюционных замыслов»⁴. Примененная к ним статья 17 Уголовного кодекса означала соучастие и пособничество. Приговор был суров. Мамулов и Людвигов — 15 лет, Шария — 10 лет, а Ордынцев и Муханов отделались 8 и 6 годами ссылки соответственно. Их обвинили в том, что не приняли мер для разоблачения Берии — «не сообщили об этом в соответствующие инстанции»⁵.

В декабре 1954-го дошла очередь до Абакумова. Его и верхушку следственной части МГБ судили в Ленинграде. Процесс числился открытым. Приговор был ожидаемым — главного фигуранта расстреляли. И вновь прозвучали обвинения в том, что Абакумов и его сообщники фабриковали дела на работников партийного и советского аппарата и применяли преступные методы следствия, добываясь от арестованных признательных показаний.

В последующие два года состоялось еще два судебных процесса в Тбилиси (в сентябре 1955-го) и в Баку (в апреле 1956-го) над ближайшими сподвижниками Берии. О них тоже сообщили в печати и даже, более того, они тоже числились открытыми, хотя понятно, что публику в зал суда пускали тщательно отобранную. В ходе заседаний звучали такие подробности преступных деяний, которые едва ли стоило сильно афишировать⁶.

⁴ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 107. Д. 257. Л. 147–151.

⁵ Там же. Л. 150.

⁶ Подробнее о процессах над чекистами в 1950-е см.: Петров Н.В. Иван Серов — председатель КГБ. М., 2021. С. 364–393.

Четыре волны самотеррора

Ряд сподвижников Берии и высокопоставленных работников МГБ осудили поодиночке при закрытых дверях. Среди них следователи-сидисты Лев Шварцман (1955) и Борис Родос (1956). Обоих расстреляли.

В ходе судебных процессов по делам арестованных в 1950-е годы бывших сотрудников НКВД–МГБ обвинения в применении избиений и пыток занимали центральное место. Иногда это вызывало

Лев Шварцман

Борис Родос

Амаяк Кобулов

недоумение у приговоренных. Генерал-лейтенант Амаяк Кобулов (брат ближайшего сподвижника Берии — Богдана Кобулова) Военной коллегией 1 октября 1954-го был приговорен к расстрелу. В приговоре в числе прочего указывалось его участие в фальсификации следственных дел и «применении избиений и пыток к арестованным»¹. Амаяк Кобулов искренне не понимал — как это? Ведь избивать и пытать приказала партия! А он лишь послушный исполнитель. В прошении о помиловании писал: «В 1937 году было указание руководства партии применять физические меры воздействия к арестованным врагам». И вспоминал, что позднее, когда он уже работал в Киеве, им и Хрущевым была получена телеграмма за подписью Сталина с подтверждением необходимости применять такие методы: «Было созвано совещание руководящих работников центра и периферии НКВД УССР с участием представителей прокуратуры и это указание И.В. Сталина зачитано»². Кобулов просто-напросто считал, что «речь должна идти не вообще об избиении», а лишь о «применении этих острых методов незаконно, неос-

¹ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 107. Д. 257. Л. 101–103.

² Там же. Оп. 76. Д. 266. Л. 68.

новательно», тогда как следователь прокуратуры Каверин «делает вид, что для него все это ново, сверхъестественно. А ведь до 1953 года били арестованных»³.

Павел Судоплатов

Наум Эйтингон

В августе 1953-го были арестованы Павел Судоплатов и Наум Эйтингон как ближайшие сотрудники Берии. Следствие выявило жуткие подробности их служебной деятельности. Они организовали и провели серию тайных убийств внутри страны и в годы войны руководили

³ Там же.

деятельностью лаборатории «Икс», где испытывались яды на людях. Выяснилась прямая причастность Эйтингона к этим жестоким опытам. В 1945-м, когда лаборатория осталась без руководителя, Судоплатов, передавая слова наркома Меркулова, заявил, что «руководство спецлабораторией будет осуществлять в дальнейшем Эйтингон, который должен все знать, прежде чем применять яд, и учить этому других»⁴.

Эйтингон был приговорен Военной коллегией 6 марта 1957-го по ст. 17-58-1 «б» УК РСФСР к 12 годам заключения. Наказание отбывал во Владимирской тюрьме и 20 марта 1964-го вышел на свободу.

Сложнее оказалось с Судоплатовым и начальником бериевской охраны Р.С. Саркисовым. Первый симулировал сумасшествие, пытаясь избежать расстрела, а второй действительно впал в психоз и 19 августа 1955-го был помещен в

тюремную психбольницу в Ленинграде. Как только в психическом состоянии Саркисова появился просвет, его тут же отправили на Военную коллегию, 18 февраля 1959-го приговорили к 10 годам заключения и отправили в Дубровлаг.

Судоплатов тоже оказался в Ленинградской тюремной психбольнице и успешно изображал «реактивное состояние с элементами агравации». Но как только врачи взялись его лечить электрошоком, он после третьего сеанса внезапно выздоровел. Затем вновь притворялся, но его раскусили, и Военная коллегия 12 сентября 1958-го приговорила его к 15 годам заключения. В приговоре Судоплатову прямо указано, что в задачи группы под его руководством входило «тайно похищать» граждан и «уничтожать их без суда и следствия»⁵. Особо говорилось и о деятельности лаборатории «Икс»: «Специальная лаборатория, созданная для производства опытов по проверке действия яда на живом человеке, работала под

руководством Судоплатова и его заместителя Эйтингона с 1942 по 1946 год, которые от работников лаборатории требовали ядов, только проверенных на людях». Эти деяния квалифицировались как «тяжкие преступления против человечности»⁶. Свой срок Судоплатов отбыл от звонка до звонка и вышел на свободу 21 августа 1968-го.

Последние процессы состоялись в 1959-м. Военным трибуналом Закавказского военного округа были осуждены: 10 февраля — С.А. Корхмазян (бывший министр госбезопасности Армении) к 10 годам заключения; 11 июня 1959-го были осуждены бывшие руководящие работники МГБ Армении А.А. Ароян и Т.К. Мурадян, получившие сроки 10 и 7 лет соответственно.

⁴ Из справки КПК при ЦК КПСС от августа 1968 г. ЦА ФСБ. Д. ОВ 3. 1991. Т. 1. Л. 175.

⁵ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 108. Д. 124. Л. 13.

⁶ Там же.

Четыре волны самотеррора

Большее число судов не устраивали. Похоже, ближайшие бериевцы закончились, а остальных нарушителей «социалистической законности» — следователей-садистов оказалось слишком много для того, чтобы всех судить. Основным наказанием для них стало лишение генеральских званий, увольнение по «фактам дискредитации», назначение пониженной пенсии и т.п.

Если подытожить все вышеперечисленные и ставшие известными на сегодняшний день примеры — можно говорить о 54 вынесенных в 1953–1959 годах приговорах по делам бывших работников госбезопасности, обвиненных в нарушении законности, фабрикации дел, избиениях и пытках арестованных. Из них 26 были приговорены к расстрелу и казни, 26 приговорены к различным тюремным срокам, а двое — к ссылке. При этом трое арестованных умерли, не дождавшись суда: Лаврентий Цанав, Ювельян Сумбатов-Топуридзе и Яков Серебрянский. В эту статистику не включено несколько чекистов, приговоренных в 1950-е за служебные злоупотребления, а не за участие в репрессиях.

Волна четвертая. Затухшая

Некоторых приговоренных тогда сотрудников НКВД–МГБ реабилитировали уже в постсоветской России. В 1992-м, вопреки доказанным материалами их дел преступлениям, были реабилитированы Судоплатов и Эйтингон. Это было сделано лишь решением Главной военной прокуратуры и вопреки закону «О реабилитации», запрещающему реабилитировать лиц, совершивших преступление против правосудия. В 2013-м реабилитировали и двух работников секретариата Берии — Шарию и Мамулова. В то же время Людвиг в 2015-м признан не под-

лежащим реабилитации. Пересмотр дел продолжается и поныне. Но чаще всего идет переквалификация обвинения со статьи 58 (во всех ее вариациях) на статью из разряда воинских преступлений — 193-17 пункты «а» и «б» (злоупотребление властью, превышение власти).

Переквалификация обвинений задним числом выглядит, может быть, вполне уместной в глазах Главной военной прокуратуры Российской Федерации и судов. Но не имеет исторического смысла. По большому счету, примененная к большинству осужденных чекистов статья 58-1 «Измена родине» базировалась на статье 137 Конституции РСФСР и аналогичной ей в конституциях союзных республик: «Измена Родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние»¹.

Понятно, что они не шпионили и на сторону врага не переходили, а вот «нанесение ущерба военной мощи государства» посредством проведения массовых арестов и расправ с невинными людьми — налицо.

В 1964-м власть в Кремле сменилась. После отставки Хрущева тема ответственности за преступления сталинской системы заглохла. Да и о массовых репрессиях прошлого перестали писать, тема стала табуированной. А тех, кто, как Александр Солженицын, не оставлял своих исторических изысканий и напоминал об этом, — ждали преследования и кара. В лучшем случае — изгнание из СССР.

И советский карательный аппарат вернулся к истокам. В обстановке насаждаемого сверху единомыслия КГБ стал мощным органом идеологического контроля. Слаженный чекистский коллектив, отлаженные методы работы. Продолжалось бы и дальше, да вот — перестройка... Реформы Горбачева в политической сфере дали неожиданные, даже невероятные

плоды. Гласность — она ведь для всех. И что же оказалось? Если пройтись по страницам прессы конца 1980-х, открывается картина не только нарастающей критики сталинской эпохи, происходит критическое осмысление основ советской системы, возвращается понимание ценности прав человека, неприятия попрания человеческого достоинства.

Вновь стали писать о беззакониях времен Сталина. Вновь стали вспоминать фамилии следователей-садистов сталинского НКВД–МГБ. И конечно, сначала робко, а затем и во весь голос заговорили о КГБ и роли этой организации в нарушении прав человека и в преследовании инакомыслящих.

После провала августовского путча 1991-го была арестована верхушка КГБ во главе с председателем Владимиром Крючковым. И казалось бы, пришло время полноценной четвертой волны наказаний для сотрудников госбезопасности за репрессии против инакомыслящих и попрание политических прав советских граждан. Но возникла одна заковыка. Крючкова и его ближайших сподвижников обвинили в попытке антиконституционного переворота, и у новой российской власти не было никакого желания нанизывать на вполне конкретные обвинения в измене Родине еще и не вполне сформулированные обвинения в многолетних, как судебных, так и психиатрических преследованиях инакомыслящих. Раздались голоса о сроках давности, о том, что КГБ, дескать, действовал в рамках тогдашнего законодательства (что, конечно же, было неправдой). В общем — время было такое, не на кого пенять — система виновата. Гэкачепистов постепенно выпустили, а потом и амнистировали. Дело заглохло, четвертая волна затухла.

Нет, конечно, согласно новому закону о реабилитации, дела на жертв политических репрессий стали активно пересматривать, шла реабилитация. Закон «О реабилитации жертв политических репрессий», принятый в октябре 1991-го, назвал вещи своими именами: «За годы

¹ Конституция (Основной закон) РСФСР. М., 1950. С. 27.

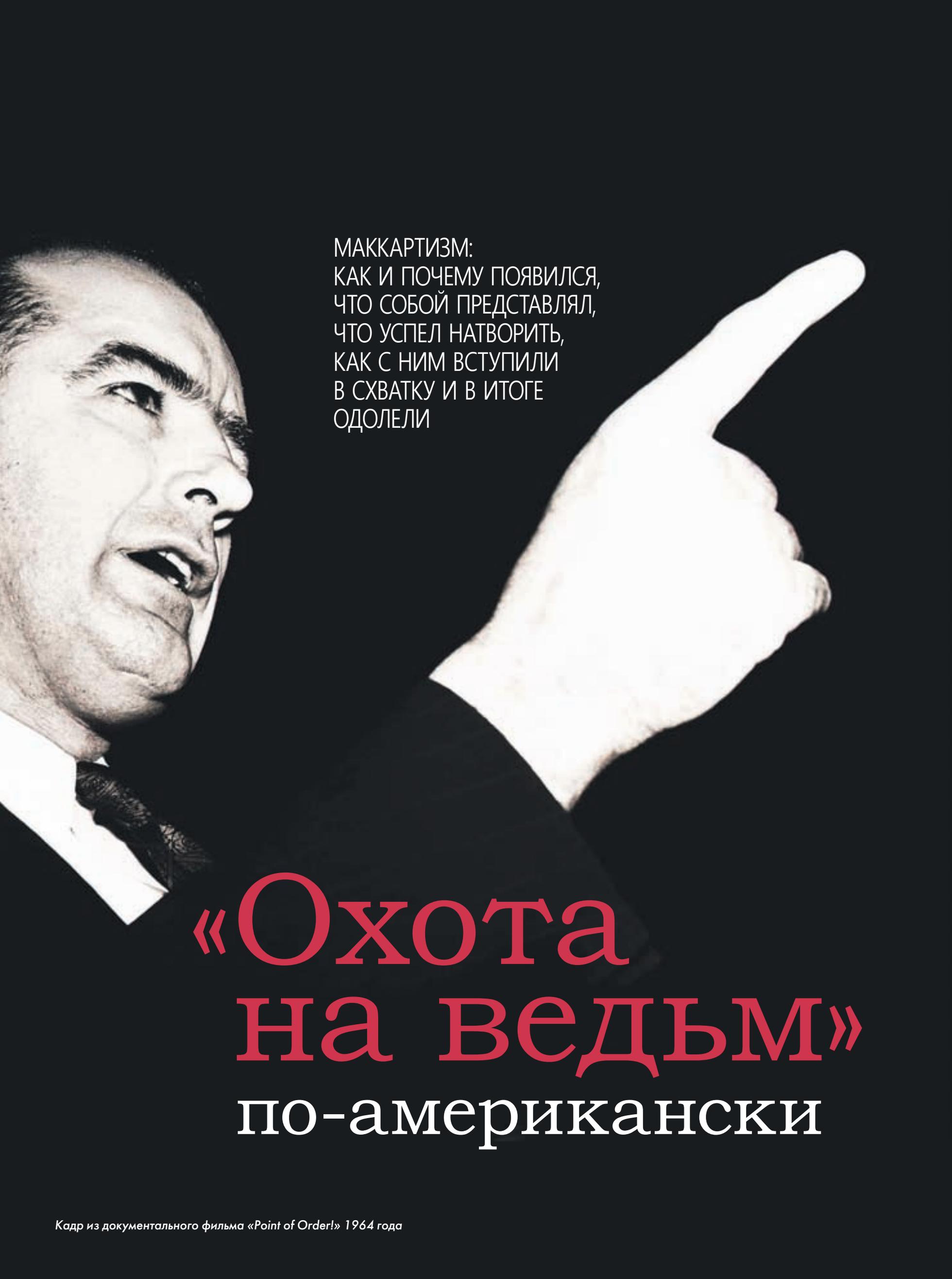
советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам. Осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости, Федеральное Собрание Российской Федерации выражает глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким, заявляет о неуклонном стремлении добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека».

Дополнил эту юридическую оценку и Конституционный суд РФ в решении по «делу КПСС», принятому 30 ноября 1992-го: «В стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в Политбюро ЦК КПСС во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС».

Это было прекрасное время, когда всем казалось, что зло названо по имени, и прошлое никогда не вернется. Но формулировок законов оказалось недостаточно. Был упущен шанс для прове-

дения люстрации, наказания виновных в беззакониях прошлого и глубокого реформирования политической системы. Та же каста чекистов в результате вернулась к власти. С невыученными, впрочем, уроками о том, как устроены системы, основанные на подавлении личности. И как те, кто репрессирует, сами потом становятся жертвами репрессий.

Никита Петров

МАККАРТИЗМ:
КАК И ПОЧЕМУ ПОЯВИЛСЯ,
ЧТО СОБОЙ ПРЕДСТАВЛЯЛ,
ЧТО УСПЕЛ НАТВОРИТЬ,
КАК С НИМ ВСТУПИЛИ
В СХВАТКУ И В ИТОГЕ
ОДОЛЕЛИ

«Охота на ведьм» по-американски

Александр
Панов

Ф

раза, авторство которой приписывают многим мудрецам прошлого — от Цицерона до Черчилля: «Кто не знает истории, тот обречен на ее повторение», — заставляет нас вернуться к событиям более чем семидесятилетней давности.

Имя американского сенатора Джозефа Маккарти стало нарицательным. Политик из небольшого штата Висконсин встряхнул Америку и весь мир. «Маккартизм» называют политическое преследование неугодных, которое в США привело к судебным процессам, тюремным срокам, запретам на профессию, сопровождавшимся увольнениями и самоубийствами. Словарь «Американское наследие» дает следующее определение «маккартизму»: «Политическая практика предъявления обвинений в нелояльности или подрывной деятельности без представления должных доказательств». Сенатор Маккарти неустанно разоблачал коммунистов в рядах американского правительства, крупных компаний, в творческой среде киноиндустрии, журналистики, среди художников и писателей. Искал «красную угрозу», но под руку попадались также евреи и гомосексуалисты — одним словом, все, кто не попадал под общую гребенку принятых стандартов «типичного гражданина Америки». Рэй Брэдбери признавался, что знаменитый роман «451 градус по Фаренгейту» о запрещенных и сожженных книгах стал реакцией на «маккартизм». А Артур Миллер написал пьесу-метафору «Суровое испытание» — о том, как в конце XVII века поселенцы в Новой Англии казнили и бросали в тюрьму женщин города Салем, объявив их ведьмами. Писатель был вызван на слушания в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности палаты представителей, его имя попало в «черный список Голливуда», его паспорт был аннулирован и драматург стал «невъездным» за пределы страны. Его жена Мэрилин Монро, рискуя собственной карьерой в Голливуде, выступила с речью в защиту. В некрологе на смерть Миллера в 2005 году (писатель прожил 90

лет) английская газета «Гардиан» пишет, что выступление Монро спасло автора пьесы от тюрьмы.

Но дело не только в личности сенатора Маккарти, отмечал телеведущий канала CBS Эд Марроу, дело — в атмосфере страха, охватившего Америку в 40–50-х годах прошлого века. Страх прослыть «антиамериканцем», то есть не таким, как большинство. Тогда одолеть «эпидемию маккартизма» Америке помогли многопартийность, принцип разделения властей и то, что пресса представляла разные точки зрения. Но рецидивы этой эпидемии сохранились: американские СМИ подсчитали, что со времен смерти сенатора Маккарти в «маккартизме» — охоте за политическими противниками без предъявления убедительных доказательств — были обвинены 53 американских политика, включая экс-президента Дональда Трампа.

Путь наверх

Уроженец штата Висконсин Джозеф Маккарти родился в 1908 году. Его мать была ирландкой, а отец — наполовину ирландцем, наполовину немцем. Будущий сенатор в 14 лет бросил школу, чтобы помогать родителям по хозяйству, но уже в 20-летнем возрасте окончил четыре старших класса и поступил в университет Маркетта, основанный иезуитами. В 27 лет он получил лицензию адвоката, а в 29 стал самым молодым окружным судьей штата Висконсин. Показательно, что Маккарти выиграл место окружного судьи, выдвинув ложные обвинения. Он заявил, что его 66-летнему действующему оппоненту Эдгару Вернеру якобы на самом деле 73 года, и поэтому тот слишком стар, чтобы занимать пост. Будучи судьей, Маккарти не подлежал призыву на военную службу, но в годы Второй мировой пошел в армию добровольцем и в 1942 году был зачислен в Корпус морской пехоты. Когда он начнет борьбу за место сенатора от Висконсина, он также приврет избирателям о своей военной службе. Он действительно был приписан к эскадрилье бомбардировщиков на Тихом океане, правда, в нелетном составе, и дослужился до звания капитана, работая в основном в штабном кабинете за столом. Через два года Маккарти ушел со службы из-за сломанной кости стопы, полученной не в бою, а в результате одного из ритуалов армейской «дедовщины». Но избирателям Висконсина он неизменно являлся в военной форме, представляя себя в образе «доблестного вояки» и «записного патриота», и получил от них кличку Хвостовой

стрелок Джо. Со второй попытки в 1946 году Маккарти избрали в верхнюю палату конгресса. Вранье, легко сошедшее с рук в начале карьеры, превратило Маккарти в политика, для которого преувеличивать или говорить неправду стало так же естественно, как дышать. Как пишут историки, возможно, он сам верил в то, что говорит. Но вердикт, который вынесла история в отношении Маккарти, — беспощаден. Он — демагог, а термин «маккартизм» означает политическую травлю. Для тех, кто до сих пор считает Маккарти настоящим американским патриотом, которого «сознательно уничтожили и оболгали» тогдашние либералы и тайные враги Америки, он предстает таким ирландским рубахой-парнем, правдолюбом, знатоком виски и мастером покера. «Шпионы были, и это было реальной проблемой», — пишет Дэвид А. Николс, автор книги «Айк и Маккарти: Тайная кампания Дуайта Эйзенхауэра против Джозефа Маккарти». — Но я не нашел никаких доказательств того, что Маккарти когда-либо поймал одного из них. Все это было политическим бахвальством».

«Красная угроза»

Сначала младшему сенатору от Висконсина (таких называют «задне-скамеечники») пришлось заниматься на Капитолийском холме такими неинтересными для здешних СМИ и широкой публики вопросами, как послевоенное нормирование сахара и прочих сельхоз-продуктов. Честолюбивый сенатор увидел для себя возможности для роста, разыграв популярную тогда тему «красной угрозы». Закончилась Вторая мировая война, и бывшие союзники — США с Великобританией и СССР — стали непримиримыми врагами. Началась холодная война, которую некоторые историки называют «третьей мировой». Возник Восточный блок соцстран, СССР провел ядерные испытания, образовалась КНР, и американцев, подогреваемых политиками и газетами, стало беспокоить возможное проникновение коммунистических идей в ряды правительственных чиновников. Свой пик популярности американская компартия пережила накануне Второй мировой, ее численность составила почти 100 тысяч человек.

«Охота на ведьм» по-американски

Э то по масштабам Америки довольно скромная цифра, но, как отмечают историки, коммунистические идеи были «непропорционально популярны» в творческой и преподавательской среде Америки. И хотя быть коммунистом в США не считалось чем-то незаконным, Маккарти разыграл карту растущего общественного страха и обвинил всех коммунистов и им сочувствующих в подрывной деятельности — «систематических попытках свергнуть или подорвать правительство или политическую систему изнутри». Затем, получив соответствующие полномочия, Маккарти на сенатских слушаниях инициировал судебное преследование сотен американцев «за продажу или передачу секретов американской безопасности коммунистическим правительствам».

Необходимо отметить, что до прихода Маккарти в большую политику США для «красной угрозы» и масштабной «советофобии» сложились определенные предпосылки. Некоторые американцы были осуждены за шпионаж и другую деятельность, связанную с коммунизмом. Самыми известными стали супруги Джулиус и Этель Розенберги — коммунисты, в 1950 году арестованные по подозрению в шпионаже и передаче ядерных секретов Советам. Они настаивали на своей невиновности, ссылаясь на право, закрепленное в 5-й поправке к Конституции, не свидетельствовать против самих себя. Розенберги были осуждены в 1951 году и казнены 19 июня 1953 года.

В 1949 году, через 16 месяцев после взрыва первой советской атомной бомбы, было обнаружено, что Клаус Фукс — британский ученый, тайно отправлял Советскому Союзу секретную информацию о бомбе. В телеграмме из Москвы говорилось, что «информация Charl'z (тогдашнее кодовое имя Фукса) об атомной бомбе имеет большую ценность».

В 1947 году десять писателей и режиссеров, названные «голливудской десяткой», были занесены в черный список и обвинены в неуважении к суду после отказа давать показания перед комитетом палаты представителей по антиамериканской деятельности. Кстати, более точный перевод

названия этой организации — «комитет по расследованию неамериканской (un-American) деятельности». Термин «неамериканская» означал финансирование из-за границы. Вызванным на Капитолий представителям творческой богемы нужно было ответить на вопрос: «Состоите ли вы или состояли ли когда-нибудь в коммунистической партии?» (Кстати, вопрос до сих пор присутствует в анкете иммиграционной службы США для соискателей американского гражданства.) 10 человек отказались отвечать, а эмигрировавший из Германии Бертольд Брехт, писавший сценарии для американского кино, через некоторое время согласился коротко ответить «нет» и сразу же покинул США. В середине 1950 года, после двух с половиной лет судебных процессов и апелляций актеры, режиссеры, сценаристы из «голливудской десятки»

получили от 10 месяцев до года тюремного заключения и запрет заниматься кино.

В делах о «красной угрозе» мелькают знакомые лица: 17 ноября 1947 года гильдия американских киноактеров во главе с Рональдом Рейганом обязала своих членов не вступать в компартию и не сотрудничать с коммунистами. На слушаниях в конгрессе Уолт Дисней сообщил, что в 1937 году коммунисты профинансировали стачку на его студии. Рейгана поддержали звезды — актеры Роберт Тейлор и Гэри Купер, заявившие на Капитолии о «левом засилье» в Голливуде. Группа кинематографистов, в том числе режиссеры Уильям Уайлер и Дон Хьюстон, актеры Хэмфри Богарт и Джин Келли, создала «Комитет защиты 1-й поправки к Конституции», они тем самым поддержали «десятку». Голливуд «раскололся» из-за политических взглядов. Актер

Getty Images

Джулиус и Этель Розенберги

Филип Лойб покончил с собой, обнаружив себя в списке Red Channels («Красные каналы»), включавшем в себя 151 фамилию журналистов, кинематографистов и профессоров, названных «красными фашистами и им симпатизирующими». Влияние черных списков было сокращено после 1960 года, когда в США на широкий экран вышли картины по сценариям попавшего в списки Далтона Трамбо «Спартак» Стэнли Кубрика и «Исход» Отто Премингера. Однако многим из попавших в списки в дальнейшем по-прежнему отказывали в работе в киноиндустрии.

«8:5 против нас»

Звезда Джозефа Маккарти стремительно взошла на небосклоне антикоммунизма. 9 февраля 1950 года в Уилинге, Западная Вирджиния, выступая перед местным женским республиканским клубом, сенатор произнес речь, которая привела его к триумфу, сразу же попав в заголовки национальных газет. Сенатор отметил, что весь мир «расколот на два огромных, все более враждебно настроенных вооруженных лагеря» и мы живем во время «великой гонки вооружений». Есть «мы» и «они»: «наш западный христианский мир» и «атеистический коммунистический мир». И за последние менее чем шесть лет «шансы изменились: с 9:1 в нашу пользу до 8:5 против нас». Как он считал, сенатор не объяснил. Но наиболее всем запомнился следующий пассаж: «Хотя я не могу найти время, чтобы назвать всех людей в Государственном департаменте (США), которые были названы активными членами Коммунистической партии и членами шпионской сети, у меня в руке список из 205 человек — список имен, которые были доведены до сведения госсекретаря как члены Коммунистической партии и которые тем не менее все еще работают и формируют политику в Государственном департаменте». При этом Маккарти для убедительности размахивал перед собравшимися листком бумаги.

Позже сенатор признал, что в тот момент он размахивал чистым листом бумаги (еще один пример вранья и блефа). Цифру 205 он взял из увиденного когда-то документа госдепа четырехлетней давности. Она обозначала «возможное число сотрудников, представляющих определенный риск». Такими же методами — громкими утверждениями без представления доказательств и запугиванием — Маккарти в течение двух лет выбьется в любимцы части американского общества, займет 4-е место в списке самых популярных американцев, заручится поддержкой патриотических и

религиозных организаций: «Американского легиона», «Женщин, охраняющих границу» (Minute Women of the U.S.A) и т.п. Утром после речи сенатор проснулся знаменитым. Агентство «Ассошиэйтед пресс» и 18 других газет опубликовали стенограмму выступления, а репортеры умоляли его «огласить весь список из 205 имен». Однопартийцы-республиканцы дружно поддержали сенатора. За единственным исключением — сенатор Маргарет Чейз Смит заявила, что «не хочет видеть, как Республиканская партия едет к политической победе на «четыре всадника клеветы» — страхе, невежестве, фанатизме и лжи». Журнал Time отклонил эти необоснованные, бездоказательные обвинения, заявив, что «они были настолько бездоказательными, что Маккарти, вероятно, не нанес непоправимого ущерба репутации, кроме как своей собственной». Журналисты ошиблись. Через два дня после выступления Маккарти отправил президенту-демократу Гарри Трумэну телеграмму, в которой просил его потребовать от тогдашнего государственного секретаря Дина Ачесона «список 57 коммунистов» (как видим, число было скорректировано). «Неудача с вашей стороны, — заканчивает послание сенатор, — заклеят Демократическую партию как пособника международного коммунизма». В черновике ответа, как полагают историки, так и неотправленного, Трумэн обвинил Маккарти в «попытке дискредитировать свое собственное правительство перед всем миром», назвал телеграмму «неправдивой и наглой».

Тем временем поддержка Маккарти среди общественности выросла с началом Корейской войны в июне 1950 года. Сенатор использовал войну для подкрепления своих утверждений. Он отправил новое письмо Трумэну, в котором говорилось: «Сегодня американские мальчики лежат мертвыми в грязи корейских долин. Они мертвы, потому что программа, принятая конгрессом, чтобы избежать именно такой войны в Корее, и подписанная вами, г-н президент, была саботирована».

Самый влиятельный

Благодаря возросшей популярности и приходу к власти президента-республиканца Дуайта Эйзенхауэра, Маккарти не только становится председателем сенатского комитета по правительственным операциям и подкомитета по расследованиям, но, как отмечают историки, на несколько лет становится едва ли не самым влиятельным политиком США. Возросший уровень власти дал ему возможность допрашивать людей, которых он подозревал в том, что они коммуни-

сты или сочувствующие. Сотни свидетелей предстали перед сенатским комитетом как на открытых, так и на закрытых слушаниях. Стенограммы слушаний в сенате, которые стали доступны в 2003 году, подтверждают, что Маккарти прибегал к жестокому запугиванию, вплоть до угрозы тюрьмой, когда пытался получить информацию, и у него часто было мало или совсем не было веских доказательств, на которых можно было бы основывать заявления. Имена многих свидетелей и подозреваемых были обнародованы, карьера и репутация безвозвратно испорчены. Либералы и консерваторы сошлись в том, что действия Маккарти были безрассудными, а его методы — неадекватными. Фактически его действия непосредственно привели к постановлению Верховного суда США 1957 года, которое защищает конституционные права свидетелей во время расследования конгресса.

Несколько лет сенатор и его сторонники разгоняли профсоюзы, увольняли федеральных служащих. За первые месяцы 1953 года из госаппарта было уволено более 800 человек, еще около 600 ушли в отставку сами. Из университетов выгоняли профессоров, а их книги сжигали (как в романе Брэдбери).

Начало конца

В какой-то момент, отмечают историки, президент Эйзенхауэр почувствовал, что сенатора Маккарти, который, кстати, начинал политическую карьеру в рядах демократов, но потом стал республиканцем, «становится слишком много», и стал раздумывать о том, как ограничить его влияние. Эйзенхауэр отказался критиковать Маккарти в прессе, сказав помощникам, что он «не полезет в одну канаву с этим парнем». Вместо этого президент выбрал тайную кампанию по искоренению влияния сенатора. Публично Эйзенхауэр даже не упоминал имени Маккарти, тем самым лишив его газетных заголовков, которых он так жаждал. Когда репортеры спрашивали о Маккарти, президент отвечал: «Я никогда не говорю о личностях».

«Он считал, что, если он уделит Маккарти президентское внимание, это только поощрит его, это только еще больше поднимет его престиж», — пишет Дэвид Николс в своей книге, указывая на то, что предшественник Эйзенхауэра, Гарри Трумэн, постоянно критиковал сенатора от Висконсина без каких-либо негативных последствий.

«Охота на ведьм» по-американски

Пятизвездочный генерал, возглавлявший вторжение в Европу во время Второй мировой войны, ставший президентом, особенно разгневался в конце 1953 года, когда Маккарти обвинил армию США в укрывательстве коммунистов. На встрече в офисе генерального прокурора 21 января 1954 года помощники Эйзенхауэра узнали о секретной информации, которую можно было использовать в качестве оружия: Рой Кон, главный советник следственного подкомитета Маккарти, с помощью сенатора добился особых армейских привилегий, «отмазав» от посещения военных курсов Дж. Дэвида Шайна, общественного консультанта подкомитета. (Николс считал, что эти двое — Шайн и Кон были любовниками.) Помощники президента стали готовить доклад о протекционизме сенатора, который обещал стать крупным скандалом. А сенатор-республиканец Ральф Фландерс от штата Вермонт публично осадил Маккарти — по мнению писателя Николса, получив одобрение Белого дома. «К какой партии он принадлежит? — спросил Фландерс на заседании сената: — Следует сделать вывод, что это партия одного человека и что ее название — маккартизм». Этот термин был впервые придуман в карикатуре Герберта Блока в газете «Вашингтон пост», вышедшей 29 марта 1950 года. На ней республиканцы заставляли слона — символ своей партии стоять на ненадежной куче ведер со смолой. Самое высокое ведро было помечено «Маккартизм», а подпись цитировала слона, говорящего: «Вы имеете в виду, что я должен стоять на этом?»

«Начало конца маккартизма» отражено в голливудском фильме режиссера Джорджа Клуни «Доброй ночи и удачи» 2006 года. Он о том, как журналист и ведущий канала CBS Эд Марроу и его продюсер Фред Френдли (его в фильме играет Клуни) в программе See It Now («Смотри это сейчас») рассказали стране о грубых нарушениях прав человека и гражданских свобод со стороны сенатора-разоблачителя «тайных коммунистов». Марроу показал то, что было скрыто за стенами закрытых слушаний в комитете, где сенатор

Маккарти рвал и метал, обрушивался на своих жертв с голословными обвинениями. Российские историки сравнивали его действия с печально знаменитым Андреем Януарьевичем Вышинским — прокурором сталинских процессов с его фразой о «признании — царице доказательств». Только у Маккарти не было вырванных пытками признаний «сталинских жертв», ему сопротивлялись. И, как отмечают его сегодняшние адвокаты, протестующие против сравнений Джо Маккарти с «Джо» Сталиным, худшим наказанием для жертв маккартизма была лишь потеря «престижной работы».

Но вернемся к программе CBS о сенаторе. «Грань между расследованием и преследованием очень тонкая, и младший сенатор от Висконсина неоднократно переступал ее. Мы должны всегда помнить, что обвинение не является доказательством. Мы не будем ходить в страхе друг перед другом. Доброй ночи и удачи!» — сказал Марроу. Телеканал предоставил Маккарти эфир с ответным словом, обещая его не редактировать и не комментировать. Сенатор выступил в своем стиле, обвинив телеведущего Марроу в прошлых связях с коммунистами (якобы образовательная организация, с которой был связан журналист, получала деньги от «красных»). Доказательств не было, Марроу назвал эти утверждения ложью, а общество уже не готово было принимать на веру абсурдные обвинения сенатора.

«Joe Must Go»

В ответ на доклад о протекции со стороны Маккарти (заготовленный с ведома Эйзенхауэра) сенатор вызвал военных в суд, обвинив их в «шантаже». Роковой ошибкой стало то, что слушания транслировались в прямом эфире на нескольких каналах, включая ABC, NBC и DuMont.

Историки полагают, что трансляция стала возможной опять-таки по настоянию президента. Американцы стали свидетелями жестоких и голословных методов Маккарти, который к тому же выглядел на картинке не лучшим образом. «Если бы у него было обаяние Джона Кеннеди, возможно, жизнь его сложилась бы совсем другим образом, — записал один из свидетелей слушаний. — Но штука в том, что Маккарти — не Кеннеди». В начале слушаний сенатор обвинил армейских офицеров в том, что они не ответили на вопросы о политических убеждениях. Подполковник Честер Т. Браун категорически отказался отвечать на вопросы Маккарти. В ответ сенатор сказал: «Любой человек в форме своей страны, который отказывается предоставить информацию комитету сената, представляющему американский народ, не достоин носить форму своей страны». Дальше — больше! Опрашивая бригадного генерала Ральфа Цвикера — орденосца и героя высадки в Нормандии, Маккарти назвал его «позором для униформы, которую он носил». Джозеф Уэлш, юрист армии США, произнес фразу, которая стала роковой для карьеры политика: «Думаю, я никогда по-настоящему не оценивал вашу жестокость и ваше безрассудство. Сэр, неужели у вас наконец-то пропало чувство приличия?» Общественность быстро изменила свое мнение о человеке, оскорбившем военнослужащих. Репутация Маккарти была безвозвратно разрушена. Рейтинги одобрения упали с 50 до 34 процентов. Редактор газеты Sauk Prairie Star Лерой Гор на первой полосе своего издания опубликовал призыв «Joe Must Go» («Джо должен уйти»). Это стало толчком к созданию движения, куда вошли самые разные люди — от бизнесменов до фермеров и студентов. Американцы были уверены, что с политикой «охоты на ведьм», идеологом которой стал Джозеф Маккарти, пора заканчивать.

GETTY IMAGES

Сенатор Джозеф Маккарти с адвокатом Роем Коном (слева)

Для журналиста Марроу передачи о сенаторе не прошли бесследно. Руководство компании, якобы по требованию рекламодателей, переместило эфир его программы с вечера вторника на день воскресенья (когда семьи гуляют и им не до политики). Но в историю здешней журналистики — реальной «четвертой власти» Америки — он свое имя вписал навсегда. После разоблачений в прессе и слушаний в сенате Эйзенхауэр выступит с речью, в которой подчеркнет право американцев иметь разные убеждения и не преследоваться за них, если не нарушены законы, право граждан на защиту от клеветы.

Осуждение и забвение

В 1954 году сенат осудил Маккарти по 46 обвинениям в злоупотреблении законодательными полномочиями. В конечном итоге он был осужден только по двум пунктам обвинения, потому что Эйзенхауэр и конгресс хотели наконец закончить шумиху вокруг имени Маккарти, предать его забвению еще при жизни. Им это удалось. Даже коллеги в сенате сторонились его. Репортеры, которые раньше выстраивались в очередь, чтобы получить комментарий Маккарти, теперь не обращали на сенатора практически никакого внимания. Исследователи жизни и карьеры Маккарти сходятся в том, что после публичной «общественной порки» он стал «бледным призраком своего прежнего я». Многочисленные

очевидцы то и дело встречали его совершенно пьяным, иногда даже в здании сената. Эмоциональный, вспыльчивый и капризный сенатор, отстраненный от полномочий, без власти и влияния, впал в глубокую депрессию, ища утешение на дне бутылки. Сенатор пристрастился к морфину. В Федеральном бюро по борьбе с наркотиками потребовали от него прекратить употребление морфина, однако Маккарти отказался. В итоге сенатору, как выяснили впоследствии журналисты, тайно предоставили доступ к морфину в одной из аптек Вашингтона.

Маккарти скончался за полтора года до следующих выборов. Сенатору было всего лишь 48 лет, он умер от гепатита в Бетесде, северном пригороде Вашингтона, а похоронили его в родном штате Висконсин.

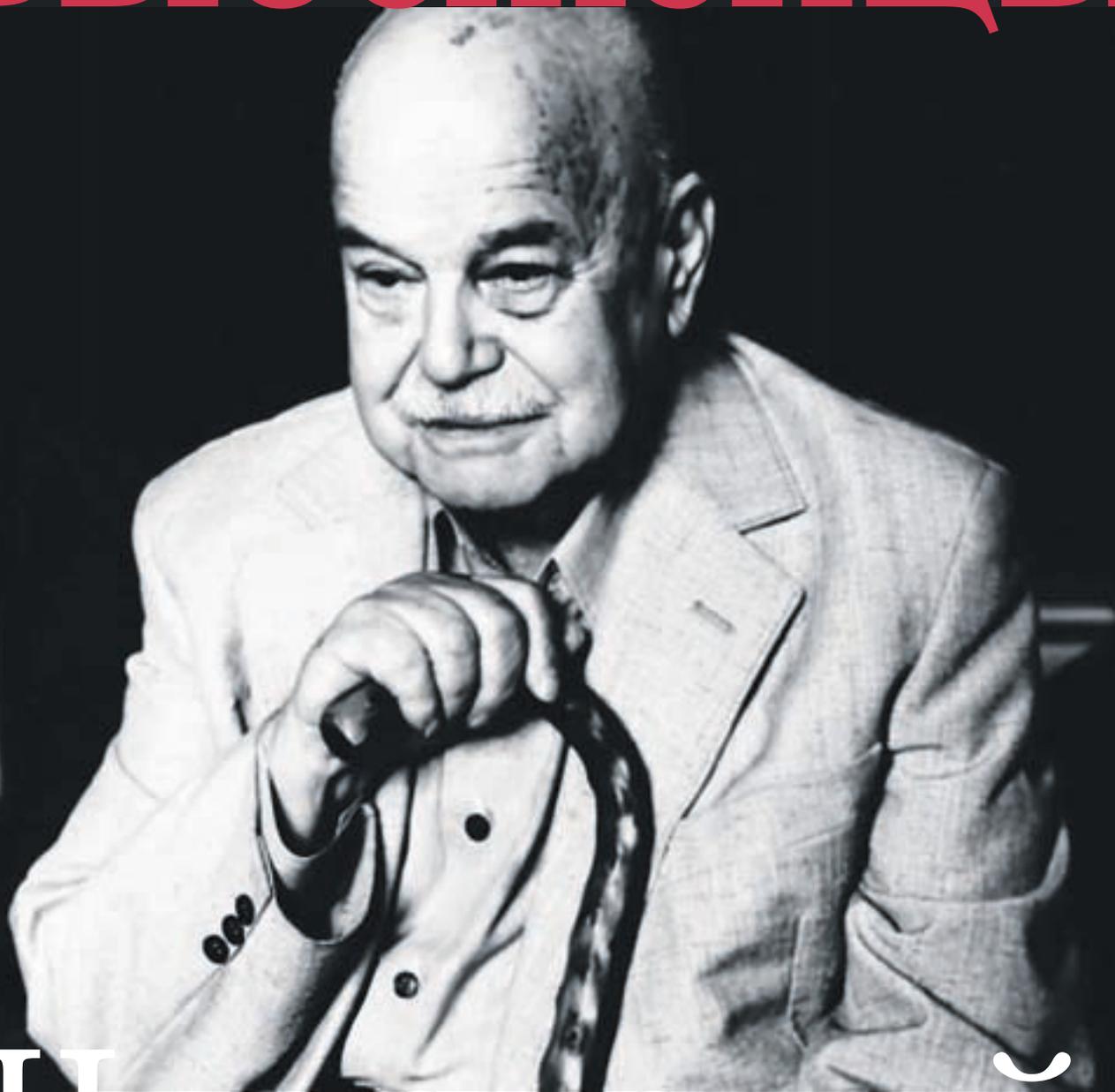
Когда в 1995 году были опубликованы стенограммы тогдашних слушаний в сенате, сенатор-республиканка Сьюзен Коллинз сказала: «Мы надеемся, что эксцессы маккартизма послужат предостережением для будущих поколений». Только время покажет, так ли это будет. Маккартизм оставил неизгладимый след в психике американцев. И когда в США начинают преследования неугодных, сразу вспоминают о маккартизме. Шумные кампании против неугодных приводят к эксцессам и сегодня, и в недавнем вчера — будь то белокожие американцы, на коленях натирающие обувь афроамериканцам в качестве признания «вины предков», допускаявших рабовладение. Или мужчины, боящиеся сделать безобидный комплимент своим коллегам по

работе женского пола из-за угрозы быть заклеяменными «сексистами» и страха только из-за этого потерять работу. Это, что называется, не «отдельные перегибы на местах», а крайние проявления очередной «охоты на ведьм», охватывающей если не всю Америку, то огромные регионы страны.

Справедливости ради стоит отметить, что Маккарти не во всем ошибался. Доказательства, которые он так искал, стали доступны в 1995 году, когда были опубликованы записи «перехватов Веноны». Эти секретные сообщения советской разведки были расшифрованы в 1940-х годах, но не стали достоянием общественности до 1995 года. По словам журналиста Чарльза Питерса, «перехваты Веноны» идентифицировали нескольких членов компартии в американском правительстве, руководстве ВМС и разведке. Выяснилось, что десять высокопоставленных правительственных чиновников, подозреваемых Маккарти, были связаны с компартией. Однако, если воспользоваться русской пословицей, количество шепок при рубке леса, произведенной сенатором, оказалось чрезмерным. Вред от маккартизма, от настойчивого поиска «врагов Америки», количество пострадавших от бездоказательных обвинений на чаше весов истории перевешивают благие намерения, провозглашенные сторонниками сенатора, называвшими себя настоящими патриотами страны.

Александр Панов,
Вашингтон

Выбеженцы:

Журнал «Сеанс»

Шкловский и другие

О вынужденных эмигрантах первой волны, которые, попав в Европу, остро ощутили разрыв между обывательской жизнью западноевропейских городов и бурным (как многим тогда казалось) развитием

Советской России. Как они расплатились за это заблуждение после возвращения в СССР, чем обернулся страх перед системой, доведший их до поступков, вину за которые им так и не удалось изжить. Рассказывает историк литературы **Наталья ГРОМОВА**

О тех, кто все понимал, но выбрал жизнь в России

Виктор Шкловский был тем, кто сознательно выбрал жизнь в СССР, где осталось дело его жизни — ОПОЯЗ (объединение поэтического языка), ученики, друзья и небольшая возможность печататься. Этот выбор был сопряжен с огромным риском. Шкловский был человек парадоксальный, неожиданный, авантюрный, порой эксцентричный, но и... осторожный, умудрившийся в безумном XX веке прожить длинную жизнь. Его родные один за другим ушли из жизни много раньше его самого... Брат Николай погиб от чекистской пули в 1918-м, в 1919-м умерла сестра Евгения, был убит (красными или белыми, это до сих пор неизвестно) самый старший брат — Евгений, в 1937-м расстреляли лингвиста Владимира Шкловского... (Спустя много лет основатель формальной школы Виктор Шкловский напишет: «Мы формалисты — это название случайное. Вот я, Виктор, мог быть и Владимиром, Николаем»). Дядя Исаак — вся читающая Россия знала его под именем Дионео, он имел привилегию говорить из Англии эзоповым языком о свободе, о неприкосновенности личности, жилища, частной переписки, о «рабской России» — оказался навсегда в эмиграции.

Виктор Шкловский уходил по льду Финского залива от преследований чекистов, которые охотились за ним как за участником правозэсеровского переворота 1918 года. Но это «преступление» ему простили, однако судебный процесс над эсерами в 1922 году вновь привлек к нему внимание органов.

Оказавшись в Финляндии, он написал Горькому от 15 апреля набросок своей будущей статьи о русской революционной интеллигенции, к которой относил и себя. Он иронически сравнивал себя как социал-революционера с «пробником» с конского завода — жеребцом, который возбуждает («ярит») кобылу перед тем, как к ней подпустят настоящего производителя-жеребца. По Шкловскому, это и была метафора исторической деятельности социалистов-революционеров, которые «ярили» Россию для большевиков, а в результате оказались выброшены за борт. «Пробник же едет за границу заниматься онанизмом в эмигрантской печати, — остроумно замечает Шкловский. Мы, правые социалисты, «ярили» Россию для большевиков. Но, мо-

жет быть, и большевики только «ярят» Россию, а воспользуется ею «мужик».

Невольно заброшенный в Берлин, Шкловский должен был вглядеться в лицо иного мира, в лицо бежавшей России. И он стал смотреть на него через историю любви, о которой он написал роман в письмах «Зоо, или Письма о нелюбви». Аля (Эльза Триоле) оказалась не только его спасательным кругом, но и увеличительным стеклом, сквозь которое он описывал мир эмиграции. Эмиграции, в которой он ощущал себя абсолютно лишним. Шкловский страдал без общения, недаром он еще в письме к дядюшке Дионео сделал очень печальное признание: «Языков я не знаю». Правда, в Берлине так много русских...

Но к нему равнодушна эмиграция, несмотря на то, что тут много его товарищей. А там, в России, он оставил целый мир своих близких друзей и учеников.

Как бы ни трудна была жизнь Шкловского — непосредственного участ-

Эльза Триоле

Архив

ника событий в России, там он видел себя героем самой истории и новой филологии. Он чувствовал себя тем, кто создает тягу, кто ведет автомобиль.

Он пишет это в связи с Пастернаком, который тоже не находит себе в Берлине места: «Этот человек чувствовал среди людей, одетых в пальто, жующих бутерброды у стойки Дома печати, тягу истории. Он чувствует движение, его стихи прекрасны своей тягой, строчки их рвутся и не могут улечься, как стальные прутья, набегают друг на друга, как вагоны внезапно заторможенного поезда. Хорошие стихи.

В Берлине Пастернак тревожен. Человек он западной культуры, по крайней мере, ее понимает, жил и раньше в Германии, с ним сейчас молодая, хорошая жена, — он же очень тревожен. Не из попытки закруглить письмо скажу, мне кажется, что он чувствует среди нас отсут-

ствие тяги. Мы беженцы, — нет, мы не беженцы, мы выбеженцы, а сейчас сидельцы. Пока что. Никуда не едет русский Берлин. У него нет судьбы. Никакой тяги».

Оба они остро ощущали разрыв между обывательской жизнью западноевропейских городов и поступательным (как многим тогда казалось) развитием Советской России. Это заблуждение сыграло трагическую роль в реализации идеи «возвращения» эмигрантов в СССР и их гибели.

Шкловский испытывал безответную любовь не только к Але, не хотевшая знать о его чувствах, но и к Советской России, которой со страстным призывом он обращается в последнем — тридцатом — письме, опубликованном в автобиографическом романе:

«Заявление во ВЦИК СССР.

Я не могу жить в Берлине.

Всем бытом, всеми навыками я связан с сегодняшней Россией. Умею работать только для нее.

Неправильно, что я живу в Берлине.

Революция переродила меня, без нее мне нечем дышать. Здесь можно только задыхаться.

Горька, как пыль карбида, берлинская тоска. Не удивляйтесь, что я пишу это письмо после писем к женщине.

Я вовсе не связываю в дело любовной истории.

Женщины, к которой я писал, не было никогда. Может быть, была другая, хороший товарищ и друг мой, с которой я не сумел сговориться. Аля — это реализация метафоры. Я придумал женщину и любовь для книги о непонимании, о чужих людях, о чужой земле. Я хочу в Россию.

Все, что было — прошло, молодость и самоуверенность сняты с меня двенадцатью железными мостами. Я поднимаю руку и сдаюсь.

Впустите в Россию меня и весь мой нехитрый багаж: шесть рубашек (три у меня, три в стирке), желтые сапоги, по ошибке начищенные черной ваксой, и синие старые брюки, на которых я тщетно пытался нагладить складку».

Конечно же, Аля существовала. И письмо к ней посылались. Лиля Брик говорила, что Эльза носила книгу Шкловского, как орден, на груди. Шкловский пробудил в ней честолюбивые мечты о писательстве, он показывал ее тексты Горькому и фактически создал французскую писательницу Эльзу Триоле.

...Шкловский и другие

До Виктора дошли слухи об аресте брата Владимира Шкловского. В письмах жене он с тревогой спрашивал: «Что Володя?» И уверял: «Приеду, вытащу».

Вернулся он в Россию в сентябре 1923 года.

Итак, Шкловский выжил, убегая от себя и от собственного прошлого. Он уцелел и в 1936 году в период борьбы с формализмом, будучи, по сути, создателем формального метода в литературе. Но в 1949 году в разгар борьбы с космополитизмом Симонов объявил книгу «Гамбургский счет» формалистической и буржуазной. «Симонов <...> начал с «Гамбургского счета», вступительную часть которого прочел целиком, — писал Шкловский Серафиме Суок. — Оказалось, что эту изданную в 1928 году книгу космополиты цитировали. Я оказался в корне зла. Симонов говорил, что Шкловский должен выступить по поводу своих старых книг и напрасно до сих пор этого не сделал».

Симонов действительно требовал от Шкловского отречения от всего своего прошлого, от ОПОЯЗа.

«Быть может, сейчас В. Шкловский, — с презрением к самому себе — тогдашнему Шкловскому, вспомнит эти написанные им слова. Быть может, он найдет в себе мужество и сам до конца разоблачит свои прежние взгляды и взгляды всей возглавлявшейся им буржуазно-формалистической школы «Опояз», взгляды, глубоко враждебные советскому искусству. Кстати сказать, он до сих пор не написал по этому вопросу ничего до конца внятного, а это было бы только правильно и полезно, и, прежде всего, для него самого».

Шкловский продолжает свое горестное письмо-отчет:

«Я выступил и признал ошибки, говоря, что у литературы нет прошедшего. Все существует. Сговорился потом, позвонив к

Симонову, что напишу статью и пошлю ее в секретариат. Если не будет новых ударов (кино, детская литература) т.е. если не будет обвинений свежих я докажу свою правоту.

Новые обвинения даже слабые могут прозвучать неожиданно сильно.

Я говорил нервно и смято.

И так в литературной жизни моей, как и вообще в жизни, — кризис...

Я не лгу, как не лжет лошадь, когда она падает. Я не лгу. Жизнь моя мне кажется уже измеренной и конченной».

Его прекратили печатать. Он вынужден был продавать книги и мебель. Но и тогда ему удалось вернуть к себе расположение власти.

«Придется лгать, Алексей Максимович. Я знаю, придется лгать», — писал он перед отъездом Горькому. *«Я поднимаю руку и сдаюсь»,* — обращается он к советской власти в конце книги Зоо.

Он все понимал. И выбрал жизнь в России. Но боялся Шкловский всегда.

Его жизнь по-своему сложилась счастливо. Он дожил до признания на Западе и в России, до издания и переиздания своих книг, но боль о прошлом не уходила. Она стучалась к нему до последних дней.

О вине перед временем, другом и самим собой

С начала 20-х годов Михаил Зощенко был одним из самых ярких писателей. Его слава была такой огромной, что в 1928 году издательство Academia выпустило посвященный ему сборник статей, в котором участвовали В. Шкловский и В. Виноградов.

«Сделанность вещей Зощенко, — писал Шкловский, — присутствие второго плана, хорошая и изобразительная языковая конструкция сделали Зощенко самым популярным русским прозаиком. Он имеет хождение не как деньги, а как вещь. Как поезд».

Во время войны Шкловский и Зощенко вместе оказались в Алма-Ате и работали на киностудии. И когда в 1943 году вышла первая часть повести Зощенко «Перед восходом солнца», Шкловский, прочитав ее, сказал: «Миша, ты гений!»

Однако затем последовала жесткая критика Зощенко. 2 декабря 1943 года вышло постановление секретариата ЦК «О контроле над литературно-художественными журналами». Книга Зощенко была названа «политически вредной и антихудожественной».

6 декабря Агитпроп созвал заседание президиума Союза советских писателей, на котором обсуждался журнал «Октябрь». Повесть «Перед восходом солнца» стала главной темой обсуждения. Зощенко получил слово и сумел сказать:

«Здесь я чувствую какую-то враждебность, которую я не заслуживаю... неуважение, какого я не испытывал за все 22 года моей работы. <...> Вы признаете мой опыт неудачным ... я считаю, что я прав абсолютно... вы же не читали моей книги... Это же непрофессиональный подход»¹.

20 июля 1944 года Зощенко вызвали на допрос, и беседовал с ним офицер Ленинградского управления НКВД. Причину нападок на повесть «Перед восходом солнца» Михаил Михайлович видел в попытке «повалить» его вообще как писателя, что стало следствием «соответствующих настроений «вверху»². Зощенко поведал чекисту, что многие ответственные работники, в том числе автор погромной статьи в журнале «Большевик» А.М. Еголин — один из руководителей Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), — до начала пропагандистской кампании повесть хвалили, а

¹ Цит. по: Бабиченко Д. Писатели и цензоры: Советская литература 40-х гг. под политическим контролем ЦК. — М.: Россия молодая, 1994. — С. 77.

² Протокол беседы М.М. Зощенко с сотрудником Ленинградского управления НКГБ СССР 20 июля 1944 г. // Власть и художественная интеллигенция. С. 513.

затем в одночасье поменяли свое мнение на противоположное.

В качестве примера подобного двурушничества писатель назвал Виктора Шкловского:

«В частности, могу назвать Шкловского — Булгарина нашей литературы — до «разгрома» повести он ее хвалил, а потом на заседании президиума Союза

услышать. А я после тебя не могу говорить — я почти равнодушен к тому, что тебя тревожит. Я не верю, что искусство сейчас возможно. Даже в малой степени. И что говорить — слова повиснут в воздухе. Как, в сущности, повисли и твои великолепные слова. От этого погода не изменится. Даже если б мы с тобой тут плакали.

Михаил Зощенко

писателей ругал. Я его обличил во лжи, тут же на заседании»³.

Огорчил Зощенко и его бывший друг поэт Николай Тихонов, один из «Серапионовых братьев»:

«Он хвалил ее. Потом на заседании президиума объяснил мне, что повесть «приказано» ругать, и ругал, но ругал не очень зло. Потом, когда стенограмма была напечатана в «Большевике», я удивился, увидев, что Тихонов меня так жестоко критикует. Я стал спрашивать его, чем вызвана эта «перемена фронта»? Тихонов стал «извиняться», сбивчиво объяснил, что от него «потребовали» усиления критики, «приказали» жестоко критиковать — и он был вынужден критиковать, исполняя приказ»⁴.

Но тот же Тихонов дал понять Зощенко, что пик его неприятностей уже позади:

«Когда я его видел в Москве, Тихонов сказал, что я уже «вышел из штопора».

Раздосадованный на прежнего друга, Зощенко написал записку Шкловскому. Хотя, может быть, эта записка без даты относится к другому времени.

«Витя, ты сказал так сильно и едко, что только очень тупые люди могли не

Твой несчастный Зощенко»⁵.

Незадолго до смерти Зощенко Шкловский написал извиняющееся письмо, в нем старался доказать несчастному и поверженному писателю, что его судьба закономерна, потому что сатирик всегда жертва. Однако Шкловский не снимал вину и с себя.

«05.02.1958

Дорогой Михаил Михайлович!

Друг мой, не смею писать рукой, потому что у меня безрукый почерк.

Гоголь писал про писателя сатирика: «...ему не избежать наконец от современного суда, лицемерно-бесчувственного современного суда, который назовет ничтожными и низкими им лелеянные создания, отведет ему презренный угол в ряду писателей, оскорбляющих человечество, придаст ему качества им же изображенных героев, отнимет от него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта».

Гоголь писал про страшную, потрясающую тину мелочей, которая опутывает жизнь, о повседневных характерах, о неумолимости человека, который покажет это на всенародные очи.

Так написано у Гоголя в гл. седьмой «Мертвых душ». Поэт сатирик — судья и жертва. Жертва эта искупает эпоху.

Но в грозной выюге вдохновенья надо видать великое, крупное и именно для того, чтобы судить мелкое.

Гоголь был прав и неправ, и неправ был тогда, когда хотел поправиться.

Сатирик не должен считать, что обидели именно его; он сам выбрал свою судьбу и сам должен думать о том, чтобы время его, его обидевшее им самим не было обижено, а понято и в сатире и в лирических местах и в подвиге Тараса Бульбы.

Во многом виновен перед временем и самим собой я Виктор Шкловский.

Ты очень много сделал, сделал хорошо и бесстрашно, но не мучай свое сердце, есть неправота и у тебя. Только ничтожные — всегда правы.

В. Шкловский»⁶.

Зощенко умер 22 июля 1958 года.

Несомненно, Шкловскому не давали покоя ни свое поведение по отношению к скоропостижно ушедшему товарищу, ни то, что он не смог получить его прощение. В письме от 5 февраля 1964 года к Елизавете Полонской, которая поделилась с ним своими воспоминаниями, он писал:

«Вы пробрили брешь в молчании, которым окружено имя Миши Зощенко... нужно его описать: его темные лапки с темно-желтыми ладонями, его манеру стоять, военную вежливость, девичью обидчивость, прямые ноги, красивые глаза, тихий голос, необыкновенную привлекательность для женщин; я этой привлекательности и сейчас завидую. Вот этот человек искренне желал, как бы Вам сказать, не благообразия, а душевного благоустройства мира, и грусть по неустойчивости мира и сделала человека юмористом.

Люди, живущие неправильно, иногда казались ему печальными бесприютными обезьянами, но люди все для него были заняты, умны.

Великий писатель Михаил Зощенко научил революционное поколение разочаровываться в своем быте, видеть в себе смешное; он любил так будущее и так понимал в прошлом, что быт для него был фарс, и Россия в нем прощалась со своим прошлым. Вероятно, то, что я говорю, приблизительно, но я так думаю и хотел бы написать, если время позволит, о Михаиле Зощенко»⁷.

Воспоминаний о Зощенко Шкловский так и не написал.

Наталья Громова

³ Там же. С. 514.

⁴ Там же.

⁵ Цит по: Сарнов Б. Виктор Шкловский до пожара Рима. // Литература. 1996. № 21.

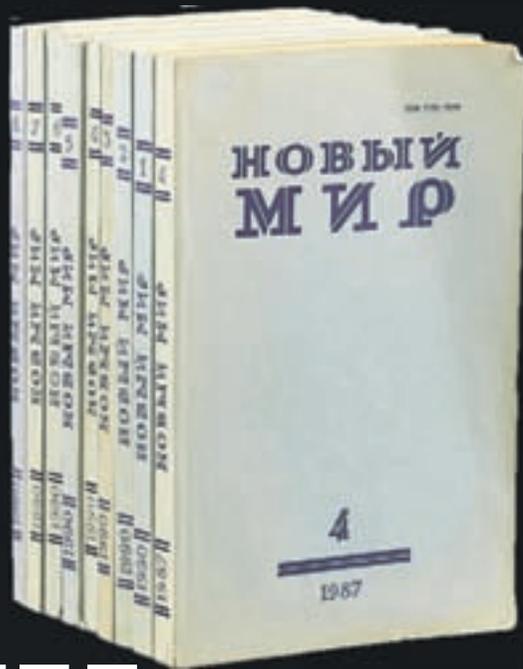
⁶ Из частного собрания (семейный архив Н.Е. Шкловского-Корди).

⁷ Там же.

ГОРБИ
GORBY

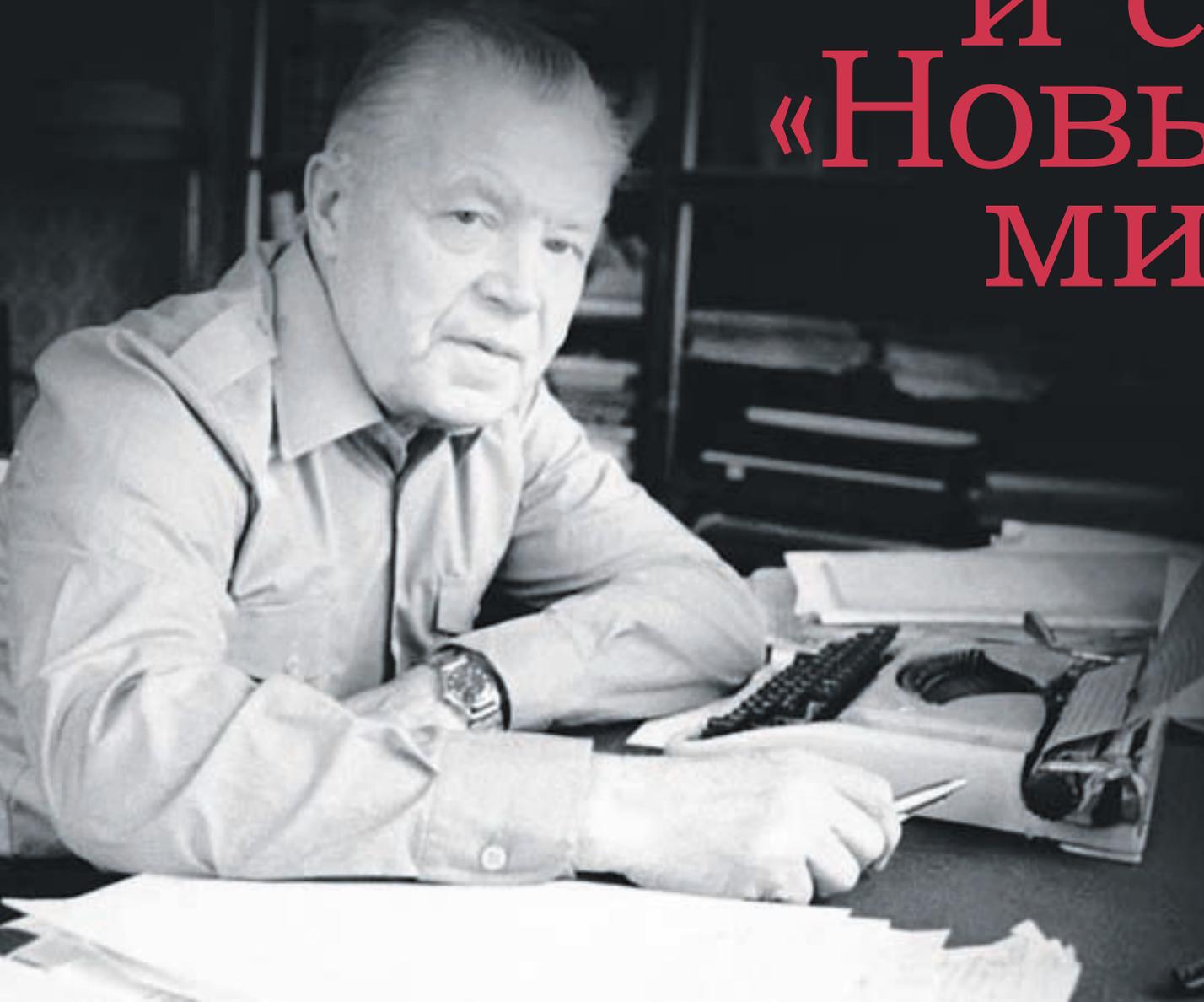
СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

ЗАМЕТКИ
НЕГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА

Сергей Зальгин

и его «Новый мир»

Журнальный зал перестройки

Тема «Горбачев и интеллигенция» неисчерпаема, потому что Михаил Сергеевич, проводя политику перестройки, опирался именно на этот слой, хотя и полагал поначалу, что лишь совершенствуется и возвращается к Ленину власть рабочих и крестьян. В прошлом, седьмом, номере «Горби» мы начали эту тему разговором о журналах, которые были и протопартиями, и двигателями гласности, пробуждали самостоятельное мышление — по крайней мере, у тех, кто был на это способен. Разумеется, разговор о возвращении нации самосоз-

нания невозможен без попыток разобраться в том, чем был для того периода журнал «Новый мир». Как и во времена Александра Твардовского, чья редакция была разгромлена в 1970 году, перестроечный «Новый мир» обрел всесоюзную славу, пробивая публикации Александра Солженицына. Твардовский добился публикации «Одного дня Ивана Денисовича» в 1962 году через Никиту Хрущева. Сергей Залыгин, возглавлявший журнал в перестройку, пробил в печать «Архипелаг ГУЛАГ» не без осторожной помощи Михаила Горбачева. Разумеется, не только этим или, скажем, публикацией «Доктора

Живаго» Бориса Пастернака был славен «НМ» тех лет. Публицистика журнала приковывала к себе внимание всей страны — редко выпадали в нашей истории такие периоды, когда одна статья могла обсуждаться и на самом верху, и думающим слоем внизу, переворачивая иной раз представления о действительности. Мы предлагаем вниманию читателей мемуарное эссе публициста и главного редактора журнала «Вестник Европы» Виктора Ярошенко, возглавлявшего отдел публицистики «Нового мира» в 1988–1991 годах. Это эссе раскрывает не только многосложную историю журнала последних лет перестройки, но и собственно природу медиа времен Михаила Горбачева — противоречивую, вдохновляющую и в чем-то трагическую. Текст мы публикуем с продолжением в двух номерах «Горби».

Виктор Ярошенко

Дело в том, что нам надо завладеть хоть одним журналом и царствовать самовластно и единолично.

А.С. Пушкин — П.А. Вяземскому. Ноябрь 1826 года

Я работал в редакции «Нового мира» по приглашению Сергея Павловича Залыгина с сентября 1988-го по октябрь 1991-го — три важнейших года в истории страны под уже забывающимся названием Советский Союз. Пришел

туда из журнала «Коммунист», где проработал чуть больше года.

Однажды летом 1988-го заметил во дворе редакции «Коммуниста» (в Долгоруковском особняке позади ГМИИ им. А.С. Пушкина) черную «Волгу» Залыгина. Его я знал по экологическим делам. Мы были единомышленниками, поскольку наша всесоюзная экологическая экспедиция «Живая вода» (от журнала «Сельская молодежь»), где я был «командором», получившая за свою настойчивую деятельность премию Ленинского комсомола, была популярна в довольно широком уже кругу природоохранных протестантов. В круг борющихся, среди прочего, против проектов переброски сибирских рек входили люди очень разные: от академика Яншина и Залыгина до студентов, от западников и прагматиков до русских верующих патриотов.

Сергей Залыгин, сибиряк, по профессии гидролог, автор знаменитой книги «На Иртыше» (на Иртыше я бывал, книгу не читал), давно и страстно выступал против затопления водохранилищами огромной части Западной Сибири. (Вскоре там

нашли неисчерпаемые нефтяные богатства.) Мы встречались в разных советах и комитетах довольно часто. Машину его я, во всяком случае, запомнил. Не все в наших самозванных комитетах ездили на персональных «Волгах».

— Вот, — сказал я, — Залыгин приехал к нашему главному (Наиль Бариевич Биккенин) по мою душу.

До сих пор не знаю, почему я так сказал. С.П. ни разу не предлагал мне перейти в «Новый мир», не уверен, что он знал, где я работаю (но оказалось, знал). Отношения наши были достаточно далекие и касались до сих пор исключительно борьбы с Минводхозом и Гидропроектом. Тут уж мы были с ним союзники против «монстров гигантомании».

Сказал я эти слова и забыл, но скоро на моем столе заработал никогда прежде не звонивший телефон главного редактора — «зайдите ко мне». Огромный стол редколлегии зеленел, как лужайка.

Наиль Бариевич пригласил сесть и впервые с любопытством посмотрел на меня: что за птица этот новичок? Чего я в нем не разглядел...

— Тут ко мне приезжал Залыгин, — начал он без предисловий, — просит отпустить вас к нему.

— Не знаю, — сказал я, — со мной он не говорил. Я даже не знаю, в какой отдел, на какую должность...

— На должность вполне заметную, завотделом публицистики, членом редколлегии, — сказал главный не без некоторого наконец уважения.

Я понял: это как сватовство. Что со мной говорить, если барин с барином прежде полюбовно не договорились? Не ссориться же им из-за таких пустяков. А так весь политес соблюден. А дальше — уж ты сам решаешь.

— Я бы вам, по-отечески, не советовал уходить, — сказал главный.

«По-отечески» прозвучало убедительно, патриархально.

Он многие годы проработал в отделе пропаганды ЦК КПСС, где был завсектором журналов. Он был не простой функционер, а высокий партийный интеллект, идеолог, выпускник МГУ, доктор философии, членкор Академии наук. Биккенин совсем недавно был назначен главным редактором «Коммуниста», после гуманиста и партийного либерала академика Ивана Тимофеевича Фролова, которого Горбачев направил главным редактором газеты «Правды».

— У вас хороший старт (я уже опубликовал за год в журнале несколько статей, одна, «Нулевой цикл», написанная в соавторстве с Егором Гайдаром, имела резонанс), — сказал Биккенин. — Ведь «Коммунист» для журналиста — это высшая лига, куда уж выше-то стремиться? Отсюда если уходят, то на повышение. А это просто куда-то... на обочину. Что такое «Новый мир»? Журнал Союза писателей. Скажите, вы писатель?

— Нет, я журналист.

— Вот видите, — сказал главный. —

Вы там будете чужой.

Я не знал, что ответить.

Биккенин встал из-за стола.

— Вы поговорите с Сергеем Павловичем, не обижайте его. Напишите им что-нибудь. Но мой вам совет — не ходи-

Сергей Залыгин и его «Новый мир»

те. Тут ведь есть некоторые преимущества, вы уже знаете. И главное — вам там скучно будет!

Биккенин во многом, конечно, оказался прав.

В экономическом отделе Гайдара, где я был специальным корреспондентом, работать было интересно. С Егором Гайдаром и Колей Головинным мы сблизились на всю недолгую жизнь моих незабвенных друзей. Я летал по стране, повсюду встречал умных и осведомленных людей, готовых, наконец, сказать правду с весомых партийных страниц. Мы, как все и везде, спорили, обсуждали сценарии будущего... Нам больше, чем другим, была открыта статистика. Словом, отдел экономики в общем владел ситуацией. Она не обнадеживала. Это был 1988 год.

Я ушел. Думаю, что главный редактор счел меня дезертиром.

Журнал поколения

«Новый мир» для нашего поколения городской интеллигенции был не просто хорошим журналом, он был, как теперь говорят в пабликах, понятием культовым. Читать «НМ» — означало принадлежать к высшему, осмысленному слою интеллигенции. Журнал читали и переплетали, передавали друг другу и в режимных институтах, называемых «почтовыми ящиками»

ми», и в конструкторских бюро, попадал он и в общежития к студенчеству.

Снаружи работа завпублицистикой «Нового мира» тогда казалась мне верхом профессиональной карьеры. Я и помыслить не мог отказаться от предложения Залыгина, потому и пошел, с потерей в зарплате, в перспективах на квартиру и всех прочих привилегий.

Редакция располагалась там, где и теперь, — на задах Пушкинской площади. Я иногда захаживаю туда, где работают уже немногие из моих тогдашних сослуживцев и где тянет свой крест Андрей Василевский, тогда еще молодой совсем литературный критик и начинающий поэт, а последние четверть века — главный редактор уважаемого в мире журнала.

В октябре 1988 года мечта моя исполнилась, я оказался в «Новом мире» жителем маленького кабинетика с окном в темный дворик. Стол, пара стульев, пыльная этажерка. Широкий подоконник, и все вокруг завалено горами папок с непрочитанными

Архив
Валерия Новодворская

рукописями. Я, прошедший уже серьезную бюрократическую школу, первым делом пересчитал и переписал их все под номерами. Набралось их 354, совершенно разного калибра и качества. Но все надо было прочитать, чем мы и занялись с Сергеем Ивановичем Лариным и Сергеем Ананьевичем Яковлевым. Позднее к нам присоединился Сергей Николаев (рано умерший), литератор, связанный, как я знал, с эмигрантскими авторами и изданиями. Он-то и помог нам с публикациями многих запрещенных в СССР авторов. Благодаря ему опубликовали главы знаменитой книги «Номенклатура» профессора-невозвращенца Михаила Сергеевича Восленского (1920–1997). Публиковали мы, стараниями Сережи Николаева, и «Загадку смерти Сталина» Абдурахмана Авторханова (1908–1997). Еще год назад за эти книги можно было получить лагерный срок...

Была осень 1988 года. Москва жила своей беднеющей жизнью.

Каждый день я выходил из метро на Пушкинской, шел через сквер, здороваясь с Александром Сергеевичем. Там теперь

и по утрам было людно; молодые люди Демсоюза, предводимые неутомимой Валерией Ильиничной Новодворской, толпились с плакатами то у памятника, то на другой стороне улицы Горького, напротив, в новом сквере. Валерия Ильинична вещала в мегафон, разоблачая «фашистский режим Горбачева». Ощущение было странное: будто эти потешники и стоят здесь для того, чтобы продемонстрировать всем — смотрите, вот она, гласность! Орите, что хотите, никто вас не тронет, ничего вам не будет... Наряд милиции миролюбиво взирал на это, покуривая невдалеке. Я проходил сквозь эту толпу, мимо кинотеатра, где стояли очереди за билетами на «Покаяние», в редакцию, в свою тихую келью. С тех пор множество раз я встречался с В.И. то в одной, то в другой ситуации, на партийных съездах, митингах и в более узком кругу. Когда она выбрала Гайдара своим Героем и звонила ему вечерами, он, усталый, не всегда брал трубку, но безотказная жена Егора Маша принимала на себя пламенные упреки и советы Валерии Ильиничны. Меня она тогда скорее раздражала. А теперь, читая ее тексты, умные

и до сих пор не остывшие, думаю, что не разглядел ее тогда, не оценил масштаба гражданственности, не только темперамента, но и интеллекта, она оказалась еще и Кассандрой... Ее (и Гали Старовойтовой) призывы к люстрации остались одинокими голосами, вопиющими в пустыне расслабившейся демократии. Она своих текстов нам не предлагала. Но Залыгин вряд ли принял бы ее; ему вся эта взвинченная демократия глубоко претила. Слишком резкий и громкий голос отталкивал его.

Еще ведь какая странность — Залыгин высочайшим образом, как «человека масштаба Шекспира», ценил Солженицына и многое ему прощал. И резкость в оценке людей, и односторонность взгляда. Но при этом с глубочайшим уважением и восхищением относился он и к А.Д. Сахарову, а ведь из-за расхождения позиций этих двух людей и вышел тот несмыкаемый разлад в обществе, который привел нас к сегодняшнему дню. А С.П. старался и мог тогда это как-то все соединить, поскольку всем нам тут назначено жить, договариваться надо.

* * *

К нам в «Новый мир» как-то летом занесло генерал-майора ГБ Олега Калугина, волнами перестройки и публичными выступлениями вознесенного на гребень волны известности. Он вовремя проклял КГБ, давал (умело дозированные) разоблачительные интервью и скоро стал даже и народным депутатом СССР. Привел кто-то его в редакцию «НМ» или сам забрел — уже не помню, но я оказался единственным из членов редколлегии, кто в тот летний день был в редакции.

Меня попросили как-то официально принять его; я, недолго думая, открыл эту встречу с «интересным человеком». Хорошо помню его, молодежавшего, самоуверенного. Он рассказывал про свою шпионскую карьеру и происки злопыхателей. Симпатий он у меня не вызвал, я помнил, кто передо мной, и понимал, что просто так самым молодым гэбэшным генералом не становятся.

Вернулся из отпуска Залыгин, пригласил меня к себе и с места в карьер дал отповедь за то, что в его отсутствие я позорю «его журнал»

— Вы принимали здесь кагэбэшного генерала! В приличном обществе этим людям, как прежде жандармам в голубых шинелях, старались руки не подавать. Вы меня разочаровали, — сказал Залыгин.

Как повелось со сталинских времен, должность главного редактора была номенклатурная, «секретарская». Главными редакторами основных толстых журналов непременно были солидные писатели-тяжеловесы, чьи портреты печатали на школьных тетрадках. Это были секретари Союза писателей СССР, люди, облеченные орденами и звездами и кроваво-бордовым депутатским значком Верховного совета и многотомным собранием сочинений. Назначался главный редактор секретариатом Союза писателей, а на самом деле — секретариатом ЦК КПСС, а уж редактор «Нового мира» — на самом верху.

(Залыгин написал об этом в своих заметках, посмертно опубликованных в 2003 году почему-то в «Октябре».)

«Еще до прихода моего в «Новый мир» новый генсек М.С. Горбачев многократно приглашал нас, писателей, на Старую площадь... Несколько лет спустя я узнал («ЛГ» опубликовала), как было дело.

На Политбюро вопрос: кому быть председателем СП?

Возгласы: Залыгин!

Горбачев (именно он) — против:

— Мягкий очень. Не подойдет.

Оставим Маркова почетным председателем, Карпова сделаем рабочим. Залыгину (кажется так, в «ЛГ» не читал) дадим «Новый мир»...».

До Залыгина главным редактором (с 1981 по 1986 год) был писатель-фронтвик секретарь СП СССР В.В. Карпов. Что печатал тогда журнал?

Посмотрим двенадцатый номер, заглянем в 1985-й, первый горбачевский год. 40-й год победы был главной темой. Гласность еще не проклюнулась, но грачи уже прилетели. Статьи и очерки З. Балояна, В. Селюнина, Г. Лисичкина, В. Выжубовича, С. Соловейчика. Сдано в набор 24.09.85 г. Подписано к печати 30.10.85 г. А10461. Последнее — это код цензора. У каждого издания — свой цензор. Иногда свирепый, иногда нет.

Но никогда и нигде ни при каких обстоятельствах нельзя было похвалить цензора, сказать «а у нас цензор нормальный, понимающий, не свирепый». Я один раз так подставил нашу цензоршу в «Сельской молодежи», сболтнул где-то

лишнего, и ее от нас убрали. Она мне потом как-то при случайной встрече в издательском коридоре сказала: никогда больше не хвали своего цензора!

Между сдачей в набор и подписанием в печать — время цензуры и согласования, замены некоторых мест, иногда — материалов.

В спокойном карповском журнале это проходило за две недели. Через два года в залыгинском «НМ» номер надолго зависал в цензуре, полз по этажам власти. На этажи Старой площади номер добирался в пухлом портфеле Сергея Павловича Залыгина, где он бродил, убеждая и уговаривая цеховских кураторов — пора, пора решаться!

Приход в редакцию известного всей Москве диссидента, историка и православного публициста Вадима Михайловича Борисова, многолетнего доверенного лица А.И. Солженицына, на специально для него открытую должность еще одного зама главного редактора означал только одно: «НМ» скоро начнет публиковать Солженицына.

Сергей Залыгин и его «Новый мир»

Википедия

Вадим Борисов

Вадим Борисов (1945–1997) — дружелюбный, доброжелательный, глубокий и много знающий, вызывал симпатию и знал это. Мы познакомились, пару раз сходили друг к другу в гости, помню его жену, как и моя, она звалась Татьяной.

Как-то неподалеку от редакции он показал мне в проходном дворе окна солженицынской квартиры. Не сказать, что подружились. Мне он нравился, но мы были из очень разных компаний. Он был давний и профессиональный диссидент-конспиратор, доверенное лицо страшного врага «Софьи Власьевны» (советской власти) и КГБ. А я пришел из нерукопожатного для его круга «Коммуниста». С Борисовым дружил и автор уже моего журнала «Вестник Европы», священник, философ, писатель, протоиерей Владимир Зелинский. С последним по поводу Димы у нас была даже переписка.

Из воспоминаний Владимира Зелинского: «Дима Борисов... был тонким, умным, терпимым, ко всем открытым, и все его любили, знали, ходили в гости, допоздна засиживались, словом, никак собой не боялись обременять... и каждая встреча дышала праздником. Он был душевным средоточием этой среды. И в общем, так шла его жизнь: в выполнении и секретных поручений А.И. (как он называл Солженицына), встречах, передачах рукописей, беседах, застольях, ожиданиях... Как Москва 30-х годов XIX века немыслима без Чаадаева, его появлений в гостиных, Английском клубе, его приемов по понедельникам, его писем, наконец, без пересудов о нем современников, так и Москва 70-х прошлого века соединяется для меня с образом Димы Борисова, совопросника, собеседника, сотрапезника стольких близких и дальних знакомых».

Солженицын статью двадцатисемилетнего аспиранта Борисова «Личность и национальное самопознание» в изданном за рубежом сборнике «Из-под глыб» назвал одной из центральных, произведением «большой философской и нравственной высоты». Позднее он высоко оценивал его самозабвенную помощь с «Бодался теленок с дубом». Тем печальнее читать упреки и обвинения Солженицына «в обмане» в адрес Борисова, обстоятельно предъявленные в дневниковых записях «Угодило зернышко промеж двух жерновов», опубликованных, увы, в «Новом мире» в 2003 году, когда уже не было в живых ни Димы Борисова, ни Сергея Павловича.

В.М. Борисов взвалил на себя дело неподъемное — быть единоличным доверенным по всем публикациям А.И. в Советском Союзе (потом в России), вести через созданный им издательский центр «Новый мир» договоры с сотнями издательств, журналов, газет. Он не справился с этой работой, чтобы справиться, нужен гений менеджмента, а он таким не был. Да и гений бы не справился в то время. Грандиозный план по изданию Солженицына гигантскими тиражами

(А.И. был против этого монополизма) с треском провалился. Печальная и неприятная история, коснувшаяся и репутации «Нового мира»; Залыгину тоже досталось от разгневанных читателей. Но обман — это не про Борисова. Он был человек достойный.

Вадим Борисов утонул 29 июля 1997 года на балтийском взморье в латвийском поселке Апшущиемс. Пошел поплавать — и не выплыл. Говорили, может, оторвался тромб...

Натиск

В первом номере 1988 года стараниями Залыгина и Борисова «НМ» начал публикацию легендарного романа Бориса Леонидовича Пастернака. О том, как создавался роман, Вадим написал блестящее эссе, даже исследование, — «Река, распахнутая настезь. К творческой истории романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Публикация романа стала событием в жизни культурного общества (избранная, столичная часть которого, конечно, роман давно прочитала, как и большую часть нами опубликованного). Но задача была познакомить именно культурное общество всего СССР в городках и поселках, а не узкий круг допущенных к сам- и там-издату.

Правда, публикация любого современного автора в одном номере с такими «выдержанными» долгим временем про-

изведениями ставила планку столь высокую для всего номера, что многие тексты в принципе до него, конечно, не дотягивали, и тогда разверзалась эстетическая пропасть.

Залыгин уже побывал (не без санкции Горбачева, конечно) у Солженицына в Вермонте и договорился с ним о публикациях, о чем нам в редакции подробно рассказывал.

Затворник сидел в Вермонте, узнавая новости от Борисова и Залыгина и эмоционально на них реагируя. Ценней всех свидетельства самого Сергея Павловича, который записал самое существенное.

Его записки очень точно отражают психологическое напряжение тех месяцев, в котором находились Залыгин, пошедший уже ва-банк, автор в далеком Вермонте и вся наша редакция. На расширенной редколлегии, которую собрал С.П., мы всей редакцией решили не отступать и идти до конца. «До конца» означало: не дадут опубликовать «Архипелаг» — Сергей Павлович уходит в отставку, а с ним и вся редколлегия. Решили единогласно.

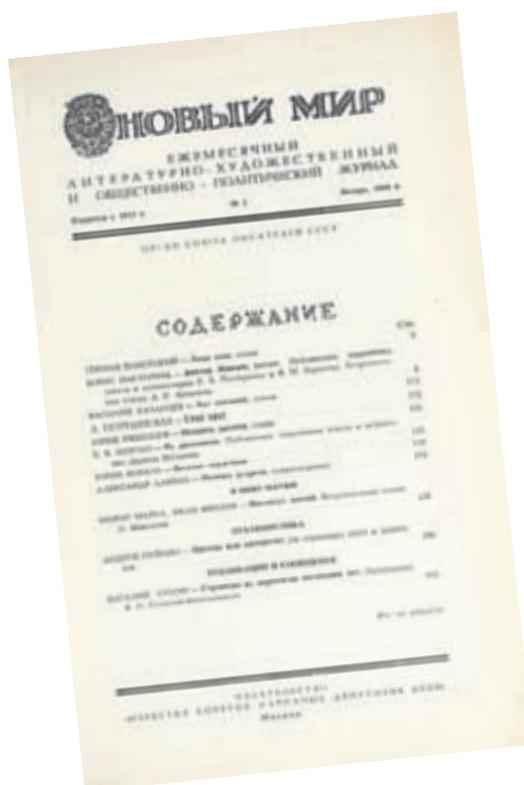
Залыгин: «С чего было начинать? Решил — с нобелевской речи Александра Исаевича. Она всему миру известна — и прятать ее от совлюдей? Глупость же! Поставили в № 11 1988 года, набрали. Начали тиражировать.

Звонок (домой) от директора издательства (Ю.Ф. Ефремов).

— Мне «Речь» печатать запретили. Анонс о ней на обложке — тоже. А вы — как хотите. Ваше решение меня не касается. Вы человек независимый. Что хотите, то и делайте...

Действительно, было что решать: остановить выпуск журнала или смириться с тем, что «Речь» снята, продолжать выпуск журнала в надежде на будущее? Два варианта. И дело вот еще в чем: будущее, на которое надеешься, — оно близкое или далекое?»

Поколебавшись, посоветовавшись, потолкавшись в кабинетах начальников Главлита и ЦК, послушав неопределенные — но позитивные! — намеки о том, что ждать недолго, но сейчас — еще не пора, Залыгин снял из номера нобелевскую речь Солженицына. Номер вышел, неопределенность, как угарный газ, в течение нескольких месяцев невидимо стелилась в редакции. А события за ее стенами разворачивались стремительно.

Осенью 1988-го произошли незаметные с уровня земли подвижки в верхах, от которых зависела жизнь и политика журнала. В сентябре секретарь ЦК КПСС В.А. Медведев стал членом Политбюро и председателем Идеологической комиссии ЦК.

Но, по Залыгину, «вопрос с публикацией «Архипелага» выходил непосредственно на Горбачева». «...В перерыве заседания подхожу к Горбачеву:

— Михаил Сергеевич, ну а как же насчет «Архипелага»?

— И речи нет! Забудь! (М.С. — со всеми на «ты», особенно — когда один на один.)

Так было раз пять или шесть: нет разговора — и только. Но мы «Архипелаг» готовили к печати. Готовить его, собственно, было нечего, но мы всюду развешивали о том, что готовим, что вот-вот...

В одну из таких же встреч Горбачев сердито и мимоходом сказал:

— По этому вопросу будешь беседовать с Медведевым — он теперь главный идеолог!

...А это была уже уступка: Медведев не бог весть как умен, с ним проще. Горбачев как бы отстраняется от непосредственного участия. Но — боже мой! — о чем можно было договориться с В.А. Медведевым?»

Залыгин продолжал: «Ну а дальше возникла неожиданность, без которой никак ведь и не могло обойтись, но я о ней не подумал: Солженицын возник.

Мы перезванивались, переписывались, я уговаривал А.И.:

— Будем действовать эволюционно: сперва «Корпус», затем «Круг», «Август», вот и дойдем до «Архипелага».

Солженицын:

— Нет и нет! Ворота надо распахивать сразу и настежь! Одним словом: я даю разрешение на публикацию «Речи» и на «Архипелаг». И ни на что другое.

Думал я, думал — а Солженицын-то прав. И стал я двигать «Архипелаг». Публикация «Речи», спустя короткое время, прошла как-то даже незаметно не только для редакции, но и для общества.

...Затем я собрал редколлегия (расширенную, помнится, были Д. Гранин, П. Николаев и др.) и поставил вопрос так:

Сергей Залыгин и его «Новый мир»

— Иду к Медведеву и говорю ему: мы печатаем Солженицына. Вы — против? Снимайте главного!

Редколлегия — единогласно «за!» С энтузиазмом. Мне даже подумалось: легко же мои коллеги подставляют своего главного!

Может быть, и зря, но так подумалось...»

Конечно, Залыгин записывал все это позднее, уже когда все решилось. Читаю и удивляюсь.

Слаба стала к тому времени верховная власть. Сейчас они так с редакторами не разговаривают. Но, с другой стороны, все существенное решал Самый Главный, а ближайшие клеветы-товарищи должны были лишь угадать решение, которое будет для него приемлемым. Какие уж тут уговоры, аргументы, угрозы отставок... Когда неясно, как поступить, есть проверенный способ — перенести на кого-нибудь тяготу решения. Горбачев — на Медведева, Медведев — на Союз писателей, Союз писателей — на главного редактора: ты главный, ты и решаешь. Так что в любом случае ответственность лежала на Залыгине.

Главный редактор записал:

«Пришел к Медведеву. Он меня выслушал и сказал:

— Дайте мне срок две недели. За две недели мы вопрос решим. На всех ступенях. Вплоть до Политбюро».

Залыгин сказал, что согласен, но «через две недели вы будете разговаривать с другим редактором «Нового мира».

— Ну Сергей Павлович, ну зачем же так?.. Или вы нас не уважаете? — И он перечислил тех, кого я не уважаю. (Среди них были и те, кто меня поддерживал, — А.Н. Яковлев и М.С. Горбачев.)

— Но я сыт вашими отказами. И читатели «Нового мира» тоже сыты.

— Дайте мне два дня...

— И через два дня будет то же: другой редактор.

— Ну Сергей Павлович, это уже неоправданное упрямство.

— А с вашей стороны — оправданное?

Только вошел я в свой кабинет — звонок (из Союза писателей. — В. Я.) — Медведев выносит вопрос о публикации «Архипелага» на секретариат Союза писателей — а мы вас поддержим!

Через два дня секретариат СП постановляет: на усмотрение главного редактора. Председательствовал Верченко. Секретарей-столпов не было, эпопея с «Архипелагом» завершилась...»

Когда дня через два Залыгин был в поликлинике, туда позвонили от Горбачева. Отыскали Сергея Павловича.

Залыгин записал:

«— Сможешь зайти ко мне? Сейчас же?»

Через двадцать минут я на Старой площади, в кабинете, в котором уже приходилось бывать.

Горбачев смеется (мне кажется, он доволен):

— Я тут своим давно объяснял: надо Солженицына печатать, надо без изъятия. «Архипелаг» — значит, «Архипелаг!» Конечно, было бы лучше сделать дело по-

Александр Солженицын в Вермонте

степенно, подойти к «Архипелагу» через «Раковый корпус», через «В круге первом», но это уже право автора. Какой тут у меня разговорчик на ПЭБэ был! Кое-как объяснил своим. Дошло!

Я Михаилу Сергеевичу поверил — так и было дело, казалось мне. Он ведь и отказывал-то мне будто бы нехотя.

Мы еще долго в тот раз сидели. М.С. и всегда-то любил больше говорить, чем слушать».

* * *

Устный договор главного редактора с Солженицыным, сложившийся в Вермонте, помещал журнал в совершенно уникальное положение. «НМ» получал право публиковать все основные вещи писателя. Из записей Залыгина: «Когда я был у Солженицына в Вермонте и мы беседовали с ним на антресолях, на втором этаже, он несколько раз подбежал к лестнице и кричал на первый:

— Наташа! Наташа! Ты только подумай — у нас с Сергеем Павловичем абсолютно одинаковые точки зрения!

Это радовало меня от души. Только с некоторым примечанием: еще бы наши точки не сходились, если они не могли разойтись — переубедить А.И. хотя бы и в самой малости было бы делом абсолютно невозможным».

Это уже была не литература, а самая горячая политика. Солженицын был уже не тот, что в 60-х: знаменитый автор «Ивана Денисовича», бескомпромиссный борец с ложью коммунистической власти и разоблачитель ее преступлений, теперь он пребывал в статусе пророка и идеолога собственного, выстраданного национального, патриотического и религиозного мировоззрения. Оно прямо противопоставляло его либеральному лагерю, Западу, с его проповедью индивидуализма, прагматической рациональности, частного интереса и эффективной экономики.

Само по себе парадоксально, что весь накопившийся расплав солженицынских эмоций, мыслей, фактов и размышлений был вылит на новомировские страницы рядом с текстами наших журнальных публицистов. И Залыгин, понимая это,

предварил публикацию «Архипелага» своим коротким предисловием, в котором были такие слова: «...Многое узнав, поняв и пережив, мы по-другому читаем и его, вполне возможно, что даже и не так, как он того хотел бы».

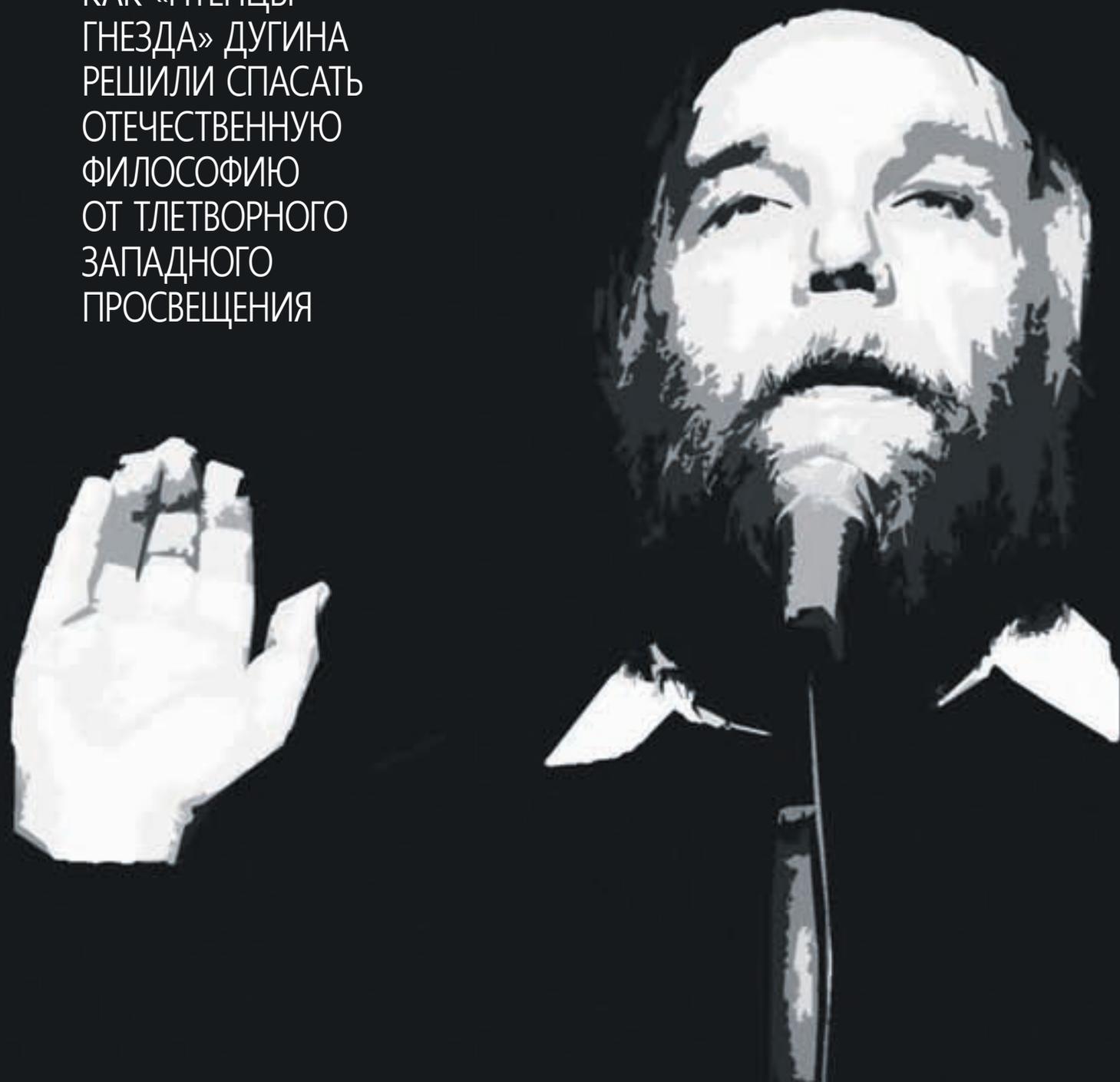
Трудно было совместить, как ни пытался Залыгин, поздние солженицынские тексты с пламенным проповедническим рынком Василием Илларионовичем Селюниным, со статьями либерального профессора В.Н. Шубкина, Игоря Клямкина, с публикациями апостола либерализма Фридриха Хайека или Джорджа Оруэлла.

А потом размежевание пошло более глубокое.

Окончание следует.

Новоявленные «славянофилы» атакуют Институт философии

КАК «ПТЕНЦЫ
ГНЕЗДА» ДУГИНА
РЕШИЛИ СПАСАТЬ
ОТЕЧЕСТВЕННУЮ
ФИЛОСОФИЮ
ОТ ТЛЕТВОРНОГО
ЗАПАДНОГО
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Ранние славянофилы, к которым относился цвет русской философии, высоко ценили европейское Просвещение, изучали его, стремились включить все лучшее из западной мысли в «христианское просвещение» и в русскую мысль. С этой общеизвестной истиной решили побороться новые самозванные «славянофилы», объявившие себя философской армией президента. О причинах и последствиях громкого скандала — доцент Башкирского государственного университета, исследователь евразийства и традиционализма, политический публицист **Рустем Вахитов**.

I

Инициаторы пропагандистской атаки на Институт философии РАН, которая с перерывами продолжается уже не первый год, подвели наконец идеологическую базу под свои требования «реформировать ИФ», то есть сменить руководство института, а может, и вовсе ликвидировать его (тут они между собой еще не договорились; чего же они добиваются — деинституализации или дефилософизации?). Участники недавней пресс-конференции в ТАСС объявили, что борьба с ИФ РАН — это борьба между «славянофилами» и «западниками», отведя роль «славянофилов», конечно же, себе, а «западников» — работникам ИФ РАН. А затем в телеграмме последовало разъяснение, что это борьба «Великой русской философии» с «Просвещением», которое пришло к нам с Запада и, следовательно, как все западное, якобы смертельно вредно для русской культуры.

Думается, это очень важное заявление, поднимающее проблему на новую теоретическую высоту. Действительно, дело ведь не в увольнении Черняева (в конце концов, это внутренний инцидент ИФ РАН), дело даже не в поведении отдельных бывших работников института (я, между прочим, тоже не в восторге от проамериканских неолибералов, но где их нет — и в других академических институтах, и в вузах¹). Дело в столкновении идей, я бы даже сказал, парадигм или «традиций». Если самозванные новые «славянофилы» (к настоящим славянофилам, по-моему, большинство из них никакого отношения не имеют) победят, и в столице нашей Родины, боюсь, возник-

нет Институт Анти-Просвещения, который еще — как мечтается погромщ... пардон, реформаторам — будет снабжать рекомендациями власть, то судьба нашей Родины будет, увы, незавидной.

Это становится особенно ясным, если только мы вспомним, что за вдовой Зиновьевы стоит господин Дугин с молодыми «птэнцами его гнезда». А Дугин многократно уже «радовал» общественность «глубокомысленными» заявлениями о том, что всем нужно отрастить бороды, уехать в деревни, отказаться от науки и техники и тогда... Россия станет великой и все западные державы будут перед ней трепетать!

Чтоб не быть голословным, приведу его собственные слова. 6 октября 2022 года Дугин написал в своем ТГ, что «ничем западным пользоваться нельзя... это главный императив в технике, материальном измерении жизни, в области вооружений и технологий... в области идей». 16 декабря того же года он описал там же свою «идеальную Россию будущего»: «Города будут немедленно расселены, на земле сложатся крепкие православные семьи со множеством ребят... За блуд — костер. За кражу — повешенье. За хулу на Царя — вечная каторга».

19 июня 2023 года он порадовал участников Петербургского экономического форума утверждением: «Мы отказываемся признавать гравитацию, потому что это англосаксонское изобретение». Высказывания Дугина о бородах и о хороводах стали мемами. И если вы думаете, что он просто, как говорит молодежь, «стебается», то глубоко ошибаетесь. Он предельно серьезен — загляните в его книжки! Его молодые последователи тоже воспринимают это всерьез. И такие вот люди стремятся занять (и занимают) должности профессоров, руководителей научных центров, а теперь и академических институтов...

На мой взгляд, обосновывать «борьбу за великую русскую философию» дугинским Анти-Просвещением крайне странно. Тот же Дугин неоднократно заявлял, что никакой русской философии, по его мнению, не существует. «Русской философии не существует, и возможность ее возникновения блокирована дисгармоничным сочетанием европейского модерна с архаическими пластами русского народного мировосприятия», — пишет Дугин в книге со знаковым названием «Мартин Хайдеггер и возможность русской философии». Как вы понимаете, книга вышла уже после явления в русской истории Хомякова, Соловьева, Леонтьева, Булгакова, Флоренского, Бердяева, Лосева. Но все они для Дугина никто («коты» — презрительно обзывает он их в другой книге). «Умный немец Мартин Хайдеггер научит «отсталых русских» «правильной философии» — через своего ученика, первого (во всех смыслах!) русского философа, блестящего и несравненного Александра Гельевича!» — таков ведь краткий смысл его высказываний, не правда ли?

И этот человек упрекает релокантов из ИФ РАН в русофобии?

Действительно, высшие авторитеты для Дугина — сплошь западные мыслители, к тому же еще и оккультисты, принадлежащие к традиции западных ультраправых и «новых правых» — Эвола, Вирт, Аллен де Бонуа. Когда-то он и сатаниста Кроули восхвалял...

И, знаете, как говорили в старой Одессе, Дугин таки прав в том, что «Великая русская философия» (произношу эти слова без иронии) никак несовместима с Анти-Просвещением Дугина и его «верных адептов»!

II

Под «Великой русской философией» (это цитата из заявлений зиновьево-дугинцев), надо полагать, они понимают традицию русского религиозного идеализма. Как известно, она берет начало в раннем славянофильстве (философии А.С. Хомякова, братьев Аксаковых, И.В. Киреевского, Ю.Ф. Самарина), достигает своего расцвета в классическом русском идеализме В.С. Соловьева и его последователей, а затем, через «почвенников» (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский) идет к идеализму Серебряного века и русскому зарубежью (С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин, А.Ф. Лосев, русские евразийцы, представители неопатристического синтеза и т.д.).

¹ Не говоря уже о том, что там работает и множество людей — патриотов по взглядам и больших знатоков русской философии.

Новоявленные «славянофилы» атакуют Институт философии

Примерно так понимают «русскую философию» многие ее исследователи, отличая ее от «западных школ» на «русской почве».

Правда, по моему скромному мнению, к русской философии вполне можно отнести и русских материалистов, в учениях которых тоже отражаются интенции русского национального характера — и не менее ярко, чем у идеалистов. Не случайно ведь любимый мною Эвальд Ильенков (кстати, работавший некогда в ИФ АН СССР, хотя господин Дугин и заявляет в СМИ, что в советские времена ИФ исключительно «обслуживал советско-бюрократическую верхушку»²) так много времени и сил уделял реабилитации детей-инвалидов. Но оставлю свое мнение при себе. Итак, великая русская философия — это русский религиозно-философский идеализм XIX — начала XX в. Противостоял ли он Просвещению? Материалистическим и атеистическим моментам в западном Просвещении — безусловно, да, но Просвещению в целом как апологии науки и образования — никоим образом. Могу сказать больше, этот идеализм просто был порожден русским Просвещением.

Учредителем и утвердителем русского Просвещения был, конечно, Петр Первый. Нельзя сказать, что московские цари до Петра ничего не делали для того, чтобы в России развивались науки, образование, возникли такие элементы западной модернистской культуры, как регулярная армия, промышленность, школы, книгопечатание. Вероятно, многие будут удивлены, если я скажу, что одну из первых модернизаций Русь пережила при Иване Грозном. Господин Дугин очень почитает царя Иоанна, называет своих псевдоевразийцев «опричниками», но, к сожалению, в Иоанне ему нравится только то, что у нормального человека вызовет нравственное отторжение — пытки и каз-

ни инакомыслящих, погромы и убийства политических оппонентов (Дугин и про Сталина говорил, что больше всего ценит у него «репрессии против всех, виноватых и безвинных»). Однако Грозный, в отличие от Дугина, призывал не в деревни вернуться хоромы водить, а наоборот — строить пушки (по тем временам новейшее «западное оружие»), реорганизовать ополчение в регулярное войско на западный манер, создавать стрелеческие полки, то есть вооруженные новым тогда, огнестрельным — тоже западным! — оружием, открывать школы и обучать детей священников. При Грозном в России появились первые типографии. При его дворе — о ужас! — были «иностранные специалисты» (служилые иностранцы).

Были у Грозного в Московии и последователи. Царь Алексей Михайлович открыл, например, первый в Великороссии университет средневекового типа — Славяно-греко-латинскую академию, где начал свою учебу Ломоносов. Но все же, конечно, никто не может отобрать у Петра лавры главного русского просветителя. Петр преобразил страну за несколько десятилетий. Можно критиковать его реформы за их издержки, но если бы не Петр, не было бы у нас университета современного типа (а ведь развитие философии всегда связано с университетом), Академии наук, светской живописи, симфонической музыки, романтической поэзии и литературы. То есть не было бы Пушкина, Чайковского, Репина, Достоевского. И не было бы русской религиозно-идеалистической философии...

Конечно, тут мне могут возразить, что именно славянофилы выступили как критики Петра и его реформ. И значит, де-

сать, они и были первыми противниками Просвещения, а поскольку они — родоначальники русского идеализма, то и выходит, что сторонники «Великой русской философии» должны быть против Просвещения. А отсюда уже рукой подать до призывов водить хоромы и перевести конституцию на церковнославянский (еще одно эксцентричное предложение Александра Гельевича). Однако те, кто изучал русскую философию не по Дугину, а по трудам самих Хомякова, Киреевского и Аксаковых, а также их классических комментаторов вроде Флоровского или Бердяева, знают, что идеи славянофилов не укладываются в примитивную схему «западничество-антизападничество». Начну с того, что славянофилы прекрасно знали и ценили западную философскую традицию. Хомяков владел европейскими языками, читал в оригинале Шеллинга и Гегеля и весьма высоко отзывался о Гегеле. Хотя основным истоком его философии являлись писания византийских святых отцов, влияние на него немецкой философии и литературы немецкого романтизма не оспаривается никем из историков русской философии.

Об отношении Хомякова к Западу и к европейскому Просвещению хорошо говорят его слова из работы «Мнение иностранцев о России». Там он сетует на несправедливое отношение европейцев к русским и заявляет: «Трудно объяснить эти чувства в западных народах, которые развили у себя столько семян добра и подвинули так человечество по путям разумного просвещения».

Что же касается Киреевского, то он не просто штудировал немецких мыслителей и восхищался ими, он выезжал за границу,

² Удивляет его способность похода оскорблять уважаемых представителей русской культуры.

слушал лекции Гегеля и Шлейермахера в Берлине (с первым даже познакомился лично) и специально посетил Мюнхен, чтоб увидеть и услышать Шеллинга. Если бы Хомяков и Киреевский узнали, что некто, прикрываясь именем славянофилов, призывает запретить читать и изучать западных философов, а также выезжать за границу для изучения западной мысли, то они бы, конечно, тут же открестились от таких «наследников». Я уж не говорю о том, что у великих русских православных философов-славянофилов, которые, как известно всем, были сторонниками интеллектуальной свободы, вызвало бы омерзение предложение устраивать среди ученых допросы с пристрастием на предмет патриотизма и верноподданничества

к образованности европейской, равно как и любовь к нашей, обе совпадают в одну любовь, в одно стремление к живому, а потому и всечеловеческому и истинно христианскому просвещению».

Сторонником Просвещения был и классик русского идеализма, создатель первой системы русской религиозно-философской мысли и центрального направления в русской философии — «философии всеединства» В.С. Соловьев. Его концепция «цельного знания» предполагает, что религия, не обретшая союз с разумом — наукой и философией, остается темной, непросвещенной, неспособной удовлетворить человека. Соловьеву никогда бы не пришлось в голову отвергать науку и технику, образование современного типа и, уж конечно, достижения

обще — русские идеалисты) критиковали материализм, а также сциентизм и позитивизм, но отвергать Просвещение, образование, науку для них было тождественным отрицанию Ума, про который Лосев написал такие проникновенные строки:

*Ум — средоточие свободы,
Сердечных таинств ясный свет.*

Наибольшим обскурантом и реакционером среди русских философов прослыл К.Н. Леонтьев. В своих трудах он критиковал наивную позитивистскую веру во всемогущество науки, издержки всеобщего образования и этим только и запомнился узким метафизикам-прогрессистам. Однако К.Н. Леонтьев неоднократно поддерживал стремление Соловьева создать своеобразный синтез религии и науки, вовсе не отрицал науку, если она не пытается заменить собой религию, и даже сам был причастен к занятиям медициной (а на его философии явно лежал отпечаток занятий естественными науками). Что же касается его отношения к Западу, то он, будучи твердым критиком западной буржуазности и материализма, при этом писал: «Европейское наследство вечно и до того богато, до того высоко, что история еще ничего не представляла подобного». Уже будучи монахом Оптиной пустыни, он читал таких западных, прямо скажем, не религиозных философов, как Прудон и Маркс, и нельзя сказать, что все у них отвергал. Во всяком случае, писал же Леонтьев: «Социалисты лучше Гамбетты и вообще буржуазии...»

Ольга Зиновьева

Скриншот

III

Наиболее последовательными антизападниками считают русских евразийцев 1920–1930-х гг. Их необходимо вспомнить еще и потому, что сам Дугин и множество его «учеников» и последователей именуют себя евразийцами (хотя к евразийству Трубецкого и Савицкого они имеют, по моему, такое же отношение, какое Ольга Зиновьева — к славянофилам). В действительности, евразийцы никогда не отрицали западную науку и Просвещение. Да и как они могли это делать, если сами были учеными, принадлежавшими к международному научному сообществу (а некоторые из них, как Трубецкой и Яковсон, — учеными всеевропейски и всемирно известными). Более того, уже при возникновении евразийства Петр Савицкий в статье «Европа и Евразия» утверждает, что Россия должна стремиться развивать заимствованные с Запада науку и технику именно для борьбы с этим самым Западом.

(инициатива госпожи Зиновьевой, поддержанная Дугиным)...

Конечно, славянофилы были сторонниками Просвещения. Пусть не руссоистского и вольтерьянского, а особого, христианского, но Просвещения, включающего в себя и определенные достижения западной философии и эмпирических наук. И, несмотря на свою нелюбовь к Петру, они признавали за ним заслугу просвещения России. Современная исследовательница Г.С. Криницкая в статье со знаковым названием «А.С. Хомяков: славянофильская концепция Просвещения» пишет: «Мы видим, что Хомяков не отрицал начисто заслуги Петра I в области просвещения, усматривая здесь «долю правды». А вот слова И.В. Киреевского: «Любовь

Запада (что не значит, естественно, что он все поддерживал в современной ему западной культуре). Тот факт, что философы школы Соловьева были еще и нерядовыми специалистами в области частных наук, говорит сам за себя. С.Н. Булгаков был экономистом, Л.П. Карсавин — историком-медиевистом, о. Павел Флоренский — инженером-электротехником, искусствоведем, математиком, А.Ф. Лосев — лингвистом, философом математики, знатоком и глубоким интерпретатором специальной теории относительности Эйнштейна.

Тема связи русского идеализма и математики (и в целом — науки) очень интересна, тут вспоминается множество имен, начиная с Бугаева и кончая Паршевым. Конечно, философы-соловьевцы (и во-

Новоявленные «славянофиль»

атакуют Институт философии

Он насмехается там над «самобытником», который вздумал бы поставить рядом европейскую винтовку и дикарский бумеранг или европейскую физику и дикарские мифы.

Петр Николаевич пишет: «Вполне понятно стремление каждого народа обрести свое собственное идеологическое лицо и не быть в отношении идеологии на поводу у других наций. Но в каком положении очутился бы тот народ, который, внимая проповедям об «относительности благ европейской цивилизации», захотел бы сменить винтовку на бумеранг и современную физику и химию... на физические и химические знания дикаря?»

Такое ощущение, что Петр Николаевич прямо-таки предвидел появление Дугина с его призывами уйти в деревни и водить хороводы.

Н.С. Трубецкой в книге «Наследие Чингисхана» также критикует Петра Первого вовсе не за то, что он создавал Академию наук и русский университет, и вовсе не за то, что он посылал русских юношей учиться в Европу. «Рано или поздно надо было вступить решительно на путь заимствования европейской техники, приняв при этом столь же решительные меры к тому, чтобы одновременно не заразиться европейским духом», — пишет там Трубецкой. По мнению евразийца, Петр виновен лишь в том, что «никаких мер против заразы европейским духом он не принял».

Но мне могут возразить, что речь у «реформаторов» ИФ РАН не о технике, а о западных социогуманитарных науках и философии (хотя я бы напомнил, что Дугин в своих высказываниях призывал отказаться именно от западной военной техники и экспериментальной, ньютоновской физики). Но евразийцы 1920-х гг. ведь никогда и не говорили о полном отрицании и западной философии, социологии, культурологии, политологии. Даже Трубецкой (наиболее последовательный антиуниверсалист, в отличие от Савицкого и тем более Карсавина) писал лишь о том, что западная культура не может претендовать на роль верши-

ны прогресса человечества и что культура европейцев столь же относительна и ограничена, как и культура азиатов или аборигенов Австралии. А это значит, что в ней есть и моменты заблуждений, и моменты истины. И сам Трубецкой использовал в своих работах идеи французского социолога Г. Тарда и не видел в этом измену своей антизападной идеологии.

И это не говоря уже о том, что евразийцы прямо объявляли своими предшественниками представителей философии русского идеализма — славянофилов, которые, как мы говорили, также ценили западную культуру и кое в чем отталкивались от идей Гегеля и Шеллинга. Об отношении евразийцев к Просвещению ярко свидетельствует и тот факт, что в их книгоиздательстве была выпущена брошюра С.Л. Франка о религии и науке, написанная в духе идей В.С. Соловьева.

Итак, кажется, уже более чем очевидно, что тот, кто попытается противопоставить «великую русскую философию» и европейское Просвещение, попадет впросак. Представители русской философии высоко ценили западную мысль и европейское Просвещение, изучали их, вовсе не отрицали их как «западное зло», а просто критиковали отдельные их моменты с позиции православия и стремились включить все лучшее из западной мысли в «христианское просвещение» и в русскую мысль.

Ярая борьба с Просвещением (которое не тождественно лишь европейскому Просвещению, но и не исключает его) — это просто борьба мутного оккультизма

с философией как таковой³, да и с академической наукой. Я еще раз повторяю: дело не в либеральных взглядах отдельных работников ИФ РАН. Дело в попытке разгромить академический институт и вместо науки насадить там псевдофилософию бород и хороводов, не имеющую отношения ни к русской философии, ни к тому же Хайдеггеру (тоже все-таки академическому философу!), ни даже к утонченному франко-египетскому мистика и востоковеду Рене Генону (Абдуль Вахиду Яхья), который весьма примитивно и политизировано прочитан нашим «главным традиционалистом».

IV

Но есть и еще один немаловажный момент. Русская философия несет в себе особый нравственный заряд, интенции которого вряд ли совместимы с высказываниями и действиями той группы самозванных «русофилов-патриотов», которые не только напали на ИФ РАН, но уже около двух лет публично, через интернет и СМИ, призывают к увольнениям, репрессиям и расправам. Русский идеализм всегда отстаивал ценности Истины, Добра, Красоты (нерасторжимость этих трех принципов и составляет суть философии всеединства),

³ Любимый дугинцами и действительно великий Платон (кстати, родоначальник западной классической философии!) ведь тоже «вырос» из своеобразного «греческого Просвещения»! Историки науки уверены, что без развития античной математики не было бы платоновской «теории идей».

а также интеллектуальную свободу, право на свое обоснованное собственное мнение, на возвышение голоса против несправедливости, даже если она исходит от самых высоких слуг государства.

Конечно, среди русских философов было множество тех, кто критиковал западный либерализм, но считать, что критика либерализма и проповедь нижайшего согласия с мнениями начальства тождественны, не следует. Даже суровый Константин Леонтьев не оставался перед тем, чтоб осуждать бесчинства и глупости министров, официальных писак, и имел дерзость оценивать политику царей! Что уж говорить о славянофилах, которые мечтали о полной свободе слова в обществе, о В.С. Соловьеве, который публично

Серебряного века, причем и со стороны царской власти, и со стороны власти советской. Можно здесь вспомнить и печальные судьбы вернувшихся в СССР евразийцев, судьбу Савицкого, арестованного в 1945 году офицерами СМЕРШ и ни за что получившего 10 лет лагерей...

Какая примечательная разница с нашими «защитниками русской философии», которые ведут свою «борьбу с Западом» под знаменами славянофильства и евразийства, взывая к начальству, требуя от него расправиться со своими оппонентами и не скрывая (во всяком случае, некоторые из них) своего желания получить гранты, должности и высокие зарплаты⁴. При этом мы лицемерим трогательное полнейшее согласие со всем, что делает и готова сделать власть. Александр Дугин в интервью

ции Хомякова, Киреевского, Самарина, Достоевского, Соловьева, Лосева, Савицкого. Они имеют отношение к другой печальной традиции, представленной в нашей истории агентом Третьего отделения Фаддеем Булгариним или князем П.А. Ширинским-Шихматовым, который призывал запретить преподавать философию, так как «вред от нее». Из тех, кто поближе к нам во времени, я бы вспомнил академика, лауреата Сталинской премии Марка Борисовича Митина, которого прозвали «Мрак Борисович», или профессора без докторского звания Зиновия Белецкого, который во время лекций в МГУ открывал окно, указывая в сторону Кремля и говорил студентам: «Вот она — абсолютная истина!»⁵

Между прочим, Митин со товарищи в начале 30-х тоже был «философской молодежью» (как нынешние молодые зиновьевы-дугинцы). Он тоже, нападая на своих старших коллег — А.М. Деборина и его «диалектиков», напирал на то, что молодая республика Советов противостоит буржуазному Западу, а деборинцы не осознают-де всей глубины диалектики т. Сталина, а все потому, что они — «подлые меньшевистствующие идеалисты». Вот подлинные слова Митина: «Философский участок теоретической работы оказался зараженным... троцкистским фашистским вредительством... подавляющее большинство кадров меньшевистствующего идеализма оказалось врагами, предателями».

Оцените сам стиль и скажите: не напоминает ли кого-то?

Митин и его друзья клялись, что как только партия поставит их на место директора ИФ, ректоров вузов, редакторов журналов, «сталинская философия расцветет» и затмит Бергсонов и Гуссерлей. Товарищ Сталин поверил, отправил деборинцев в лагеря, митинцы стали академиками и ректорами. И ничего, кроме унылых бюрократических докладов, не породили.

Потому что эта, вторая, печальная «традиция» в отечественной философии суха и бесплодна. Из фанатизма, злобы и карьеризма цветы подлинной философии не растут. Истина, как показал В.С. Соловьев, — «вечная сестра» добра, честности и милосердия.

Рустем Вахитов

*Впервые опубликовано на сайте
Русская истина: сайт консервативной
политической мысли (politconservatism.ru).*

«**Конечно, среди русских философов было множество тех, кто критиковал западный либерализм, но считать, что критика либерализма и проповедь нижайшего согласия с мнениями начальства тождественны, не следует**

вступился за народовольцев, о «веховцах», которые были такими же принципиальными противниками абсолютной и надзаконной монархии, как и пролетарской диктатуры.

Императоры и их правительства платили русским философам соответствующе — преследованиями, запретами, арестами. Петра Чаадаева (в отличие от его более удачливого и более «гибкого» почти однофамильца) за его «Философическое письмо» отправили под домашний арест, объявили сумасшедшим и запретили печататься до конца жизни. Славянофилы постоянно сталкивались с претензиями цензуры и закрытиями их журналов, а Ю.Ф. Самарин однажды был даже посажен в тюрьму. Владимир Соловьев после своей лекции о народовольцах был вынужден уволиться из университета. Арестам и ссылкам подвергались и многие философы

телеканалу «Царьград» говорил: «Насилие, которое осуществляет государство, не является и не может являться преступлением. Просто потому, что именно государство всегда решает, что законно, а что нет». Ну так значит, законны и преследования славянофилов, и расстрелы философ-идеалистов XX века и гибель евразийцев Эфрона, Мирского и Арапова...

Есть ли после этого у сих господ моральное право говорить от лица русской философии? Вопрос риторический.

Те, кто раболепствует перед начальством, те, кто призывает растоптать всех осмелившихся на свое мнение, — я убежден! — не имеют отношения к тради-

⁴ Я, конечно, говорю не обо всех, некоторые из них, думаю, не ведают, что творят, вовлечены в эту травлю академической науки и Просвещения по незнанию. Таков, мне кажется, молодой историк философии А.Ю. Коробов-Латынцев.

⁵ Кстати, Белецкого тоже в 1943 году уволили из Института философии с формулировкой (принадлежавшей тогдашнему его директору Юдину): «за бурную бездеятельность».

Есть чему поучиться

КАК ЗАПАД КРИТИКУЕТ
САМ СЕБЯ И ПОЧЕМУ
ЭТОТ ОПЫТ ВАЖЕН
ДЛЯ РОССИИ

Социальная, расовая, гендерная политика — предмет бурных западных дискуссий — доходит до России в столь искаженном виде, что часто превращает серьезные темы в карикатуру. Фильм и книга, о которых рассказывает Кирилл Фокин, помогут разобраться в сути этих горячих споров.

Кирилл

Фокин

В своем недавнем исследовании о том, почему праволиберальные идеи доминируют в оппозиционном сообществе, Дмитрий Дубровский* и Максим Трудолюбов* выявили интересную закономерность. Они обнаружили, что среди российской либеральной оппозиции, то есть, казалось бы, наиболее «прогрессивной» части общества, которая как минимум в курсе, что демократия лучше диктатуры, а права человека важнее прав государства, — преобладают крайне консервативные и реакционные взгляды.

Это, понятно, не консервативность в российском смысле, где правыми консерваторами считаются люди, чьи политические взгляды похожи на политические взгляды начальства. И конечно, по российским меркам такие взгляды считаются чуть ли не ультралиберальными.

Но как только они выходят за рамки стандартной российской повестки (определить в которой добро и зло, увы, задача для первого класса), то они вдруг сразу оказываются палеоконсервативны. Буквально зрители Fox News и избиратели Дональда Трампа, без пяти минут конспирологи, издевающиеся над «новой этикой» и «характером», не принимающие (и не понимающие) понятия «гендер», а иногда и прямо, и с гордостью отрицающие проблемы (нео)колониализма и белых привилегий.

И если вы тоже, живя в России, считаете, что политкорректность и толерантность — «слабости» западного мира и признаки заката Европы, и вам кажется, что новые diversity-правила «Оскара» — это бред, и никакого расизма в Америке уже не осталось, и вообще BLM-сторонники — это бандиты, и «правильно полицейские этого Джорджа Флойда», и «актеры глупейшие из всех живых существ» (как написала одна кинокритикесса, разозлившись, что оscarовские номинанты посмели продемонстрировать сочувствие к погибающим в Газе палестинцам), — то это, в принципе, абсолютно нормально.

Западная повестка — не вегетарианская. Но по масштабам проблем, к огромному сожалению, наше российское общество находится от нее далеко. Лучше бы мы спорили о расизме и BLM, чем о военных действиях.

* Минюст считает «иноагентами».

Но что есть, то есть. Сравнение уровня проблем не в пользу современного Запада.

Поэтому и у интеллектуалов, занятых другим, просто нет времени внимательно разбираться в обсуждаемых на Западе темах. До нас долетают отголоски — либо переводы, либо пересказы, либо вырванные из общего многолетнего контекста тексты/события/цитаты. Интеллектуалы походя их комментируют, опираясь не на глубокие знания, а на жизненный опыт и интуицию.

Неудивительно, что их комментарии оказываются поверхностными. Они обсуждают фантазии о проблемах, а не реальные проблемы; и обсуждают притом общества, в которых не разбираются, и ситуации, с участниками которых (даже косвенными) не общаются, не имеют информации и мнений из первых рук.

Учимся взрослой критике

Но оттого их периодическая критика «западных леваков» не становится менее смешной, а рассуждения о «сумерках» (или «похищении», как выражался один режиссер некоторое время назад) европейской цивилизации — интересными.

Из этого не следует, что на Западе этот букет новой «левой идеологии» (или, как ее называют, woke-идеологии) не критикуют. Наоборот, сила современных демократий как раз в умении опознавать и открыто обличать проблемы внутри себя. Это качество и гарантирует их долгосрочную сохранность и развитие.

Критика модной woke-политкорректности в США, например, вообще носит институциональный характер. Ведь если у части аудитории есть спрос на «цветные сюжеты», то другая часть, которую они раздражают, будет готова платить за их критику.

Институциональное оформление подобных «критических каналов» — невероятно важная вещь. Критические голоса доносятся не со стороны маргиналов, «задавленных» мейнстримной цензурой (как заявляют, будучи сверхпопулярными спикерами, «новые правые» от Джордана Питерсона до Илона Маска). Наоборот. Woke-политкорректность критикуют в том числе и представители меньшинств (которые, как полагают далекие от реальности люди, от нее только выигрывают).

Ее критикуют за лицемерие и цинизм, за все то же отсутствие внимания к личности и к настоящему, за попытки изобразить решение проблем вместо конкретных и эффективных шагов по их решению. Критикуют за то, что это тот же колониализм наоборот: если раньше «белые спасители» изображали из себя господ, то теперь

пытаются выглядеть друзьями, хотя сама суть отношений — и их неравноправие — никуда не делась. Вместо уважения и внимания — наигранное милосердие. Вместо попытки понять — шаблонные публичные декларации. Вместо трудной совместной работы — пиар. Вместо необходимой благотворительности — удобная.

Примеров подобной критики множество. Но недавно появилось два знаковых произведения: фильм «Американское чтиво» (American fiction) Корда Джефферсона и роман «Йеллоуфейс» (Yellowface) Ребекки Куанг.

«Американское чтиво» получило «Оскар» за лучший адаптированный сценарий (всего — пять номинаций). Это высочайший успех картины, который помимо чисто коммерческого (доступа к огромной аудитории) еще свидетельствует конкретно об институциональном признании картины в профессиональной среде. Конечно, награда фильму, где главный герой — чернокожий — не желает участвовать во всех «играх в инклюзивность» и вообще «не верит в расу», — серьезный удар по всем, кто ругал как раз премию «Оскар» за «левачество».

«Йеллоуфейс» (М.: АСТ-ЭКСМО, 2024) — стал бестселлером, что объясняется не только популярностью авторки, но и темой. В ней писательница выступает как разоблачительница собственной индустрии: и книжная индустрия, разумеется, готова пиарить и рекламировать даже самое жесткое «разоблачение» самой себя, если это разоблачение хорошо продается. Книга об этом и написана: и реальность прекрасно подтверждает это правило — к вящему удовлетворению авторского замысла.

«Чтиво» и «Йеллоуфейс» — разные произведения для разных медиа, но они похожи в своей тематике, в попытке (критического) осмысления современного медиарынка. Наконец, они оба про написание книг: и там и там главный герой является писателем, и вся интрига строится вокруг рукописей.

American Fiction

Картина основана на романе «Стирание», который в 2001 году (почти четверть века назад!) выпустил писатель Персиваль Эверетт. Говорят, это автобиографическая фантазия. Герой фильма, как и Эверетт, — писатель-интеллектуал. Его сложносочиненные постмодернистские литературные игры уважают академики и критики, но, ясное дело, обычному читателю в них разбираться скучно.

Есть чему поучиться

Следовательно, они не продаются. Следовательно, у писателя нет ни аудитории, ни денег, и его новый роман особенно издателей не интересует.

При этом на литературном олимпе звезда — чернокожая писательница, которая пишет о «тяжелом опыте своего народа». Выражение в кавычках не потому, что я подвергаю сомнению трудности афроамериканского населения США, а потому, что само это выражение — простейший и банальнейший штамп. Одна из лучших сцен — когда эта писательница, после рассказа о своем великолепном образовании, на прекрасном английском языке начинает зачитывать фрагмент из своей книги. И внезапно начинает говорить цитатами из «грязной» речи необразованных людей. Причем книга ее написана от первого лица. Никакого личного опыта за этим описанием нет, и все, что роднит писательницу с описываемыми людьми, — цвет кожи. Но публика воспринимает ее работу не иначе как «откровения чернокожего автора».

Главному герою агент тоже советует написать некую black novel об опыте и страданиях его расы, на что писатель как раз отвечает — «я не верю в расу». Действительно, он хочет остаться честным: он-то вырос в благополучной семье (мать, например, не может жить без помощницы-гувернантки), и его проблемы — как раз то, что называется «проблемы белых людей». Психологические травмы из детства, несдержанность, различные семейные вопросы.

Короче, ему нужен психотерапевт. Иначе его выгонят из университета, где он преподает (за то, что он борется за право употреблять слово «негр»), а ему нужны деньги, чтобы помогать семье, разоряющейся из-за дуралейства брата.

Гиря его терпения доходит до пола: он решает написать этот самый «черный роман», с наркоторговцами, гангстерами и полицией, где действие происходит в чернокожем гетто и где герои разговаривают на ломаном языке с кучей ошибок (этим языком он роман и пишет). Называет он этот роман FUCK, то есть непечатное слово.

Разумеется, роман становится суперпопулярным. Ему обещают огромный тираж,

Кадр из фильма «Американское чтиво»

ему обещают головокружительный аванс, у него уже покупают права на экранизацию. Вот беда — главгерой настолько стыдится своего творения, что для публикации берет псевдоним. Но под псевдоним подстраивается история: выдуманную личность называют бывшим бандитом, сбежавшим из тюрьмы и оттого скрывающимся.

Теперь у него есть деньги, а у выдуманной личности — слава.

Вроде все неплохо.

Но тут нашего писателя приглашают в жюри престижной литературной премии: причем по расовой квоте, и в составе оказываются трое белых и двое чернокожих (включая его). На соискание премии выдвигают как раз великий FUCK. Сам автор голосует «против», как и чернокожая писательница, заподозрившая в тексте какую-то издевательскую фальшь. Но трое белых, естественно, лучше черных разбираются в страданиях их народа — и объясняют им, что очень важно дать голос чернокожему населению через награждение именно этого ультратреша. Тремя голосами против двух — решено!

В фильме есть слабые моменты, например, жанровая мелодраматическая линия семьи, без которой сатирический запал картины разгорелся бы куда ярче.

Но недостатки значения не имеют. Фильм смешной, правдивый и в целом действительно хорошо написан. Финал же беспросветный — но и неизбежный. Писатель учится жить и извлекать из априорной тупости и несправедливости мира максимум для себя. Ждать перемен и бороться за них — мило, но «жить в эту пору прекрасную»...

Yellowface

«Йеллоуфейс» — по аналогии с «блэк-фейсом» — в широком смысле означает ситуацию, когда неазиат выдает себя за азиата. Изначально речь про грим, который использовался либо для издевательств над небелыми (что просто оскорбительно), либо для изображения в кино/театре небелых людей (что унижительно, ибо логично нанять и дать работу небелым актерам).

Иронично, что белая героиня-писательница как раз, наоборот, использует рукопись азиатки, более талантливой, чем она, — и публикует ее под своим именем (технически — под псевдонимом, но не скрываясь).

Авторка «Йеллоуфейса» — Ребекка Ф. Куанг, молодая звезда американ-

ской литературы. Ей двадцать семь лет, она родилась в Гуанчжоу, но училась в Кембридже, Джорджтауне, Оксфорде и Йеле. В 21 год она написала и опубликовала первый том трилогии «Опиумная война» — молодежного фэнтези в китайском историческом сеттинге. Рынок как раз балдел от фэнтези на волне успехов «Игры престолов» — и книги Куанг стали (по мнению книгопродавцев) «примерно тем же самым, но в оригинальной (неожиданной, экзотичной) стилистике». Маркетинговым службам больших издательств не составляет труда раскрутить такой продукт: в итоге Куанг стала юной миллионершей, финалисткой и победительницей важных литературных премий.

Параллельно — и фигуранткой нескольких важных скандалов.

Кроме политических (на вручении главной фантастической литпремии «Хьюго», которая в 2023-м проходила в Китае, организаторы решили перестраховаться и вычеркнуть Куанг из списка номинантов, хотя никаких просьб от китайских цензоров не поступало) были сетевые скандалы. Куанг обвиняли в наличии привилегий (посмотрите на список ее учебных заведений) и в спекуляциях на страданиях своего народа, в прямолинейной критике колониализма, в

и, что еще важнее, психологически достоверный.

Главная героиня — молодая белая писательница, живущая в тени своей сверхуспешной подруги — писательницы-азиатки. Повествование идет от первого лица, от имени этой, в общем, неудачницы. В отношении подруги-звезды она переживает сложный микс чувств: 1) ревность; 2) желание оправдать ее успех исключительно цветом кожи; 3) объективное признание ее способностей; 4) мечту быть на нее похожей; 5) мечту стать к ней ближе, учиться у нее; 6) обиды прошлых лет; 7) ненависть к ее манере работы, способности «присваивать» чужой жизненный опыт и перерабатывать его в литературный продукт.

Но вот эта прекрасная и ужасная Афина Лю внезапно умирает, и у Джун Хейворд (да, по именам сразу ясно, кто тут «вечно вторая») появляется уникальный шанс. Она забирает неоконченную рукопись исторического романа Афины — про китайцев на фронтах Первой мировой — дописывает, редактирует, публикует сама.

Понятно, что теперь Хейворд ждет оглушительный успех. Тема горячая (про иную, но близкую культуру, плюс колониализм, плюс та самая «повестка»), но текст читывный, и формат — остросюжетная историческая драма с множеством сюжетных линий (референс — фильм «Дюнкерк» Кристофера Нолана). Проблема одна — Хейворд белая, а пишет про китайцев. Это провоцирует волны скандала, причем в одной из них начинают звучать уже обвинения покойной Афине — хотя она и азиатка, но неправильная, плохо знает историю, плохо знает культуру, оторвалась, ассимилировалась, юная, богатая.

И хотя структура «Йеллоуфейса» незатейливая, а поднимаемые проблемы, в общем, понятны уже из аннотации, — событийным его делает квазиавтобиографичность. Сам факт, что после успеха в жанре фэнтези Куанг решает написать сатирический триллер об изнанке индустрии, да еще и пройтись по твиттер-скандалам, свидетельствует, что она никакой не продукт маркетологов, а хорошая писательница с огромным потенциалом.

В романе она одинаково глубоко понимает и раскрывает как комплексы неудачницы Хейворд, так и комплексы звезды-Афины. Одно из интересных наблюдений, не связанных с пародированием индустрии и поведением армии интернет-воителей, в романе касается именно связи таланта и успеха. Хейворд талантлива. Но и Афина — не порождение слепой удачи. Ее роман делает Хейворд столь же знаменитой — и в этом проблема, потому что этот момент противоречит рассуждениям самой же Джун об «игре случая» в выборе редакторов крупных издательств.

Но главное достоинство «Йеллоуфейса» — нарочитая злободневность. Написавшая свои предыдущие книги про далекие давние эпохи, Куанг отрывается на полную катушку, выписывая в тексте целые твиттер-треды, подражая стилю книжных обзорщиков с ютуба, тщательно выписывая природу vanity searching'a — то есть поиска в интернете упоминаний и мнений о себе самом.

Там, где «Американское чтение» становится вневременной сатирой о неизбежных порочных кругах, — «Йеллоуфейс», работая с тем же материалом, умудряется беззастенчиво говорить о времени прямо сейчас в прямом эфире. Оттого и удовольствие, которое вы получите от книги, прямо пропорционально вашим знаниям об изнанке книжной индустрии в целом и американского рынка в частности.

После, после, после

Трудно представить, что в Российской Федерации в скором будущем станут актуальны проблемы расовых и гендерных квот, а интернет-скандалы будут посвящены выяснению крамольного «может ли автор — татарин из Москвы высказываться о проблемах Татарстана?».

Трудно. Но нужно.

Колониальное наследие, борьба с предвзвешенными, прямой и скрытый расизм — это не какие-то далекие от нас вещи. Это то, о чем мы на самом деле и должны говорить — и думать, и спорить каждый день.

Вместо этого, и в этом наша историческая катастрофа, мы тратим время на обсуждение выдуманной и навязанной нам искусственной повестки, вообще никак не связанной с реальной жизнью нашей огромной и разнообразной страны. Отсюда прорастают в том числе и наши главные (да, самые главные) политические проблемы. А ведь социальное неравенство, неравенство расовое, половое и гендерное, неравенство в доступе к благам, к технологиям, к знаниям проблемы национальных меньшинств и культурной апроприации, критического отношения к истории — все это кровоточащие раны России.

Нам почему-то кажется, мы будем обсуждать их «когда-то потом», когда государство и общество будут готовы, «дорастут» до западноевропейского уровня. Но никакого «после» нет. Образовываться нужно уже сейчас.

А оттого я очень рад, что «Американское чтение» уже вышло на стримингах, а «Йеллоуфейс» — переведен и издан на русском языке. Есть чему поучиться!

Кирилл Фокин

недостатке таланта (пустышка, «сделанная» пиарщиками).

Оба этих опыта — и колоссального быстрого успеха, и одновременно грязи, сопутствующей ему, — Куанг сплавила в новый роман. Недлинный, написанный сравнительно просто, местами топорно и предсказуемо, — но притом увлекательный

Байки переводчиков

Павел
Палажченко

Переводческие байки — жанр разговорной литературы, любимый не только переводчиками, хотя ими, пожалуй, прежде всего. Я соприкоснулся с ними в годы учебы в инязе и, надо сказать, относился к ним, по крайней мере к некоторым, с недоверием. Основания для этого есть, особенно когда рассказывают что-то «про себя». Прочитую одного коллегу: «Мне не так давно один молодой переводчик рассказал парочку историй (про себя, конечно же), которые мне много лет назад уже седые зубры рассказывали».

Надо сказать, что подавляющее большинство баек, особенно бывших в ходу в советское время, рисуют образ переводчика как слегка циничного, дерзкого типа. В реальной жизни было не всегда так, но популярность самого этого образа не случайна. Наши учителя в инязе воспитывали нас в духе несколько романтической веры в то, что «нет таких крепостей...» — что хороший переводчик выйдет из любого трудного, неприятного и даже деликатного положения.

В моем репертуаре «своих» баек практически нет, хотя в вольные горбачевские времена, да и потом спрос на них был большой. Но придумывать я не хочу и, пожалуй, не умею. Но я наслушался немало вполне достоверных и, думаю, поучительных историй. Особенно доверяю тем, которые слышал от своих учителей.

Выдающийся лингвист и переводчик **Александр Давыдович Швейцер** в своих мемуарах рассказал историю, которую в своей книге «Гарпия с пропеллером» творчески переработала Дарья Донцова.

Был такой переводчик, он же писатель **Сергей Львов (Сергей Львович Гец)**. И был такой генерал, впоследствии маршал Ф.И. Голиков. Генерал любил трофейные фильмы, которые ему Львов переводил с немецкого. Но «трофейные фильмы» — понятие широкое. Вывезли тогда из

Германии все, что там было, — американские, французские и т.д. И вот однажды начался фильм, и оказалось — французский, переводчик ничего не понимает. И тут, пишет Швейцер, «Сережа пошел ва-банк. Он решил создать свою версию фильма». Правда, в конце случилась небольшая неувязка: человек, которого он принимал за брата героини, пошел с ней под венец. Переводчик сориентировался: сочинил историю о том, что этот человек был не настоящим братом, а усыновленным подкидышем. Когда все выяснилось — они и поженились. Любовь!

Дальше — больше. Генералу так понравился фильм, что он захотел посмотреть его еще раз. Позвали французского

листа переводить трудновато, но, видимо, переводчик понадеялся на свой опыт и артистизм (изрядный, надо сказать) и современную дозу коньяка. Получилось нечто интересное, но, видимо, отдельное от сюжета фильма.

В своей книге «Язык мой — друг мой» мой старший коллега **Виктор Михайлович Суходрев** приводит такую историю. В бытность свою председателем президиума Верховного Совета СССР Климент Ефремович Ворошилов был с визитом в Камбодже и осматривал Ангкор-Ват, грандиозный храмовый комплекс IX–XIII ве-

переводчика. Генералу не понравилось. «Уберите этого халтурщика! — приказал он. — Он какую-то чушь несет. Вот тот, который до него переводил, — тот был молодец!»

Аналогичную историю рассказывают про легендарного испаниста **Алика Добкина**, согласившегося переводить на Московском кинофестивале фильм с монгольского языка. Согласился сознательно, потому что ему обещали переведенный на русский монтажный лист. Вообще-то с незнакомого языка (говорят, что он знал откуда-то два слова: хонь — овца и морь — конь) даже при наличии монтажного

ков. Храмы, позолоченные статуи, резьба по камню — все поддерживалось в хорошем состоянии; камбоджийцы, тогда еще не «многострадальные», — показывают, гордятся. А Ворошилов бурчит, громко так бурчит: «Сами без порток ходят, а куда деньги вбухивают, азиаты!..» Камбоджийцы, естественно, у переводчика интересуются: а что сказал высокий гость? Ответ переводчика вошел в историю: «Товарищ Ворошилов восхищается великой историей Камбоджи и говорит, что вся прогнившая западная цивилизация не стоит и мизинца этих великолепных статуй!»

Байки переводчиков

С Андреем Андреевичем Громыко мне довелось работать всего несколько раз, а вот мой старший коллега **Андрей Вавилов** имеет в этом отношении колоссальный опыт. Он человек сдержанный, но од-

жды поделился «случаем из практики» с нашим выдающимся дипломатом Роландом Михайловичем Тимербаевым, из очень интересной книги которого «Рассказы о былом» я заимствую его рассказ:

«В середине 1970-х годов в Москве с официальным визитом находился министр иностранных дел Великобритании Джон Браун. А.А. Громыко пригласил его на обед к себе домой. Поскольку оба министра были с женами, на тот случай, если мужчины пожелают провести отдельный разговор между собой, на обеде были два переводчика — Андрей В. и Татьяна С.

Дж. Браун был не дурак выпить и после нескольких рюмок предложил А.А. «перейти на ты» — т.е. обращаться друг к другу по имени. «Можно я буду называть вас Андреем?» — спросил Браун.

Громыко ответил: «Нет, но можно называть меня Андрей Андреевич». Браун попытался произнести отчество, но у него это не получалось.

Через некоторое время и еще после нескольких рюмок Браун спрашивает Лидию Дмитриевну, жену Громыко:

— Мадам Громыко, как вы обращаетесь к своему мужу?

— Андрюша, — ответила она просто.

— Господин Громыко, — уже более настойчиво спросил Браун, — могу ли я обращаться к вам — Андрюша?

— Нет, зовите меня Андрей Андреевич.

Обед продолжался, шел оживленный разговор. В какой-то момент Татьяна С. обращается к Андрею В.:

— Андрюша, передай мне соль.

И тут Громыко, услышав свое имя, автоматически берет солонку и протягивает ее Татьяне».

Замечательной и, безусловно, заслуживающей доверия байкой поделился со мной писатель Денис Драгунский.

Марина Львовна Рытова, много лет преподававшая греческий язык в МГИМО, рассказывала ему о том, как она переводила во время визита Анастаса Ивановича Микояна в Грецию. Это был чуть ли не первый ее опыт перевода на таком уровне. Встреча у трапа самолета. Министры, почетный караул. «...И вдруг к Микояну подбегает крохотная девчушка с букетиком и начинает тараторить. Слушаю и никак не пойму, какой-то диалект, наверное, плюс детское произношение... Ничего не понимаю. А Микоян говорит: «Переводи, что же ты молчишь?» Я сначала хотела сказать: «От имени всех греческих детей и т.п.» — но потом честность взяла верх. Говорю: «Простите, Анастас Иванович, но у нее какой-то диалект... не понимаю ничего... можете меня увольнять...» — и чуть не плачу. А Микоян серьезно пожал мне

руку и сказал: «Молодец, что врать не стала! Она ведь по-армянски говорит!»

Мой старший коллега и друг **Александр Журавлев** — очень хороший переводчик, со своеобразной манерой работы, которая позволяет ему выдерживать любой темп оратора без суеты и потери связности высказывания. Мы работали вместе в Нью-Йорке, а потом в Москве в МИДе. В 1977 году он летал с тогдашним председателем президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорным в Африку. Делегация облетела несколько африканских стран — интересная деталь — на самолете Ту-144, от использования которого вскоре отказались по разным причинам, в том числе из-за недостаточной надежности.

Подгорный полетел в Африку с большой свитой, одним из переводчиков был Журавлев. Вот его рассказ:

«Визит заканчивается, президент Замбии Кеннет Каунда дает обед в саду президентского дворца. Журчат фонтаны, ветерок колышет напоенный запахом магнолий воздух (*это я, может быть, «домыслил»*). — П. П.), играет оркестр. Идет чисто протокольный разговор. А это, братцы, всегда опасно. Иной раз рыбу какую-нибудь упомянут пресноводную, или породу коров, или какой-нибудь «подосиновик». Тут все шло более-менее, но вот Каунда говорит:

— How'ju like my bulizbom?

Что такое, думаю. А надо что-то сказать.

— Как вам у нас нравится?

Подгорный, естественно, стал расхваливать замбийское гостеприимство и так далее.

— No, I'm asking how you like my bulizbom.

Кручусь. Может, он имеет в виду блюдо, которое подали? На всякий случай — осторожно:

— Как вам нравится обед?

Подгорный нахваливает обед.

— No, I'm not asking about the food.

I'm asking how you like my bulizbom.

Ну, думаю, еще одна такая итерация — и скандал. Не знаю, что меня спасло, но вдруг буквально осенило. За пару дней до отлета я ходил во второй африканский читать материалы к визиту. Стран много, поначитался того-сего, все не упомнишь. Но обычно «объективки» о главах государств читаешь чуть внимательнее. И мне вспомнилось:

«Среди увлечений Каунды — собирание марок, музыка. Им создан духовой оркестр замбийской жандармерии, выступающий в стране и за рубежом».

Ну конечно, police band. Именно его музыка сопровождала обед и журчание фонтанов!

— Как вам нравится игра оркестра? — спрашиваю я Подгорного, и тот отвечает, что оркестр — ну просто раззамечательный. А у меня было такое чувство облегчения, как будто меня десять часов не выпускали в туалет и вот наконец разрешили!»

Это, конечно, о пользе тщательной подготовки к работе — в назидание молодым переводчикам.

Подавляющее большинство баек — из практики устного перевода, и это не удивительно. Ведь устный переводчик имеет дело с самыми разными людьми и оказывается в самых разных ситуациях. Вот рассказ, который я цитирую без изменений из книги одного из моих инязовских учителей, Вилена Наумовича Комиссарова:

«Руководитель службы переводов в Женевском отделении ООН **Ф. Вейе-Лавале** рассказывал, как во время гражданской войны в Конго представитель миротворческой миссии ООН обратился через переводчика к старейшинам одного из племен с краткой речью, призывая их не предпринимать враждебных действий. Выступивший за ним переводчик значительно расширил и приукрасил переводимую речь. Зная, какими средствами лучше воздействовать на своих слушателей, он говорил очень долго, пел и даже исполнил ритуальный танец. Ф. Вейе-Лавале считает, что это был хороший перевод, поскольку благодаря ему удалось уговорить старейшин не воевать».

Мне, к счастью, исполнять ритуальные танцы не приходилось, во всяком случае, как переводчику.

Но есть и байки из жизни письменных переводчиков, одна из которых мне особенно нравится. Я ее называю «**Малик и переводчики**».

Яков Александрович Малик был постоянным представителем СССР при ООН в первые годы моей работы в этой организации. Был он человеком своего времени, вынесенным его волной на всякие вершины. В годы войны — посол в Японии. Главная задача — сидеть тихо, чтобы не спугнуть японский нейтралитет. Малик сидел тихо. Казалось бы, работай так и дальше, не дергайся. Ан нет — случился с ним облом, когда в мае 1960 года недалеко от Свердловска был сбит американский разведывательный самолет с пилотом Пауэрсом. Никита Сергеевич Хрущев хотел эту информацию попридержать, чтобы американцы, не зная о судьбе Пауэрса, изоврались и опозорились. Зачем это нужно было Никите Сергеевичу — бог весть. А Малик, неизвестно как оказавшийся в

курсе, возьми да и разболтай о Пауэрсе на приеме в английском посольстве. Потом, говорят, чуть не на коленях просил у Хрущева прощения.

Эту историю все, конечно, знали. Но чувства юмора это Малику не прибавило. Суров был посол. Правда, по своему опыту (я несколько раз переводил ему на французский) могу сказать, что он не унижал — меня, во всяком случае. Но выволочку устроить мог. Однажды вызвал на ковер руководство русской службы письменных переводов за какую-то жуть, которую ребята учудили в переводе. Руководство решило подстраховаться вот каким образом: потащили с собой несколько рядовых исполнителей. Малик распекал их минут двадцать. Устал. Молчание. И тут самый молодой из коллег (фамилия мне известна, но сам он почему-то эту историю не рассказывает, так что пусть сам когда-нибудь расшифруется) говорит: «Яков Александрович, я навсегда запомню нашу встречу, когда вы, заместитель министра иностранных дел, постоянный представитель СССР при ООН, нашли время поговорить со мной, простым переводчиком». Народ окаменел, а Малик — растаял. Видимо, «нахлынули воспоминания» — кто без греха и т.п. Сказал принести чаю, стал чего-то рассказывать и отпустил бедных переводчиков с миром.

А вот еще один, как уверяет меня коллега по работе в ООН В.П., реальный случай из жизни службы русских письменных переводов в Нью-Йорке. В отчете о заседании СБ в выступлении постпреда Индии стоит фраза: «6 soldiers raped 200 women». Переводчик пришел проконсультроваться к редактору, мол, неудачка получается, что за гиганты такие? Решили на свой страх и риск добавить нолик к цифре 6. Тоже сомнительно, но все же теоретически возможно.

Через два дня постпред Индии представляет официальную поправку: он говорил не «six soldiers», а «Sikh soldiers». Поправку стали переводить на пять остальных языков, и в ходе процесса выяснилось, что только у русских возникли хоть какие-то сомнения в правильности оригинала. На всех других языках шесть солдат насильствовали 200 женщин, а у нас солдат было 60. Нас тогда начальство похвалило за творческий, «немеханический» подход к переводу.

Павел Палажченко

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Как жить без ЭТИХ обложек и ЭТИХ закладок?

О ВАЖНОЙ ЧАСТИ БИОГРАФИИ КАЖДОГО

Книга Андрея Колесникова «Попасть в переплет» (М.: АСТ, «Редакция Елены Шубиной», 2024) посвящена домашней библиотеке. Бумажным книгам.

Каждое слово тут имеет значение — и то, что библиотека «домашняя», то есть доставшаяся по наследству, от родителей и от их родителей, и то, что в ней собраны именно бумажные книги, то есть не просто тексты, а «объекты», физические тела, имеющие материальную оболочку, цвет и запах, собирающие память поколений на тактильном, даже молекулярном, уровне.

Книги, разумеется, — это важная часть каждой биографии. Это как бы овеществленная, материализованная, вынесенная вовне, объективированная часть нашей души, мозга, интеллекта, воспитания, в общем, всего того, что у нас есть. И одновременно это те инструменты, источники, ресурсы, из которых этот интеллект и эта душа возникают. Вот так все сложно и так просто.

Поэтому, когда автор говорит о годе издания, тираже, выходных данных, о рисунке на обложке, об интеллектуальной моде того или

инного десятилетия, о купюрах и исправлениях, о пометках на полях, о мифах и легендах, которыми были окружены, скажем, первые издания «Мастера и Маргариты» или эренбургской «Оттепели», или синие томики «Библиотеки поэта», — все это тоже невероятно важно запомнить и сохранить.

И для него, и для нас. Потому что именно из этих бумажных книг потом сложились убеждения, взгляды, идеи нашего времени.

Те идеи, которые сегодня подвергаются очень большому испытанию.

Сложились эти идеи постепенно — в книге «Попасть в переплет» очень дотошно исследуется генеалогия этих идей, этой системы взглядов отечественной интеллигенции, которая привела, по сути дела, к перестройке и реформации 90-х. И к нынешней оппозиции «власть—общество».

Увы, я не удивлюсь, если наши внуки, например, не очень хорошо будут представлять себе, что же это такое — «домашняя библиотека». Во-первых, они вырастут уже в цифровую эру. Во-вторых, и это даже важнее, их жизнь вместе с родителями происходит сейчас

Главы из книги
Андрея **Колесникова**

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА.

Тающий снег, пахнувший огурцом

Эренбург для поколения моих родителей был очень важной фигурой — советский несоветский писатель. Легальный, но при этом с привкусом чего-то иностранного. Как сувенирная банка с воздухом Парижа или пылью дорог Испании. Эти его пиджаки, которые в другую эпоху станут называть *casual*, изысканные, не партийно-правительственные мягкие галстуки, шевелюра, похожая на взрыв, ощутимый даже на фотокарточках запах трубочного табака. Эренбурга много в моей библиотеке, стоят три толстенных кирпича, самая старая книга — «Падение Парижа» 1942 года издания с папиным своего рода экслибрисом, помеченным 1951-м, — вероятно, тогда он и купил этот роман. «Буря» 1948-го с папиной же пометкой — 1948 год. «Девятый вал», 1953 год, там еще Сталин хороший, том помечен братом как его ответственность в 1968-м. Интересное чтение для продвинутого 16-летнего. Все тома, как и тоненький, на четыре с половиной листа сборник публицистики 1950-го «Надежда мира», зачитаны до дыр. «Синево» Эренбурга из «Библиотеки поэта» я купил в букинистическом сам — для полноты коллекционной картины. Что тут можно сказать? Как говорила Маргарита Павловна из «Покровских ворот» Леонида Зорина: «Ремесленник!»

Волшебным образом ровно за день до 60-летия доклада Хрущева на XX съезде я случайно купил в букинистическом магазине «Оттепель» Ильи Эренбурга 1956 года издания. Оно, разумеется, не первое. Илья Григорьевич принес рукопись в редакцию «Знамени» в начале 1954-го, она увидела свет очень быстро, в майской книжке, затем вышла отдельным изданием — скромным, словно бы кто-то, озираясь на начальство, пробовал воду, тиражом 45 тысяч экземпляров. В декабре 1954-го на втором съезде советских писателей повесть ругали, память Сталина почтили вставанием.

В своих мемуарах Эренбург сетовал на то, что повесть мгновенно разошлась, но допечаток не было. В Венгрии «Оттепель» была издана тиражом 100 экземпляров для партийного руководства. Издание 1956 года с изящной акварельной суперобложкой, попавшее мне в руки, слано в набор в сентябре 1956-го, а до этого его надо было еще поставить в план «Советского писателя» — то есть сам издательский процесс стал очевидным следствием февральского пленума и доклада о культе личности. Или скорее июньского постановления ЦК о преодолении культа личности и его последствий.

Но тираж — опять пугливый, 30 тысяч... Да, Эренбург очень много значил для поколения моих родителей — а как иначе, если его роман мог начаться с нездешних слов «Мастерская Андре помещалась на улице Шерш-Миди», и за это еще и давали Сталинскую премию первой степени, — поэтому в нашей домашней библиотеке его произведений тех лет немало. Есть с чем сравнить. И эти 30 тысяч ничто по сравнению, например, с романом «Девятый вал», вышедшим в 1953-м тиражом 150 тысяч экземпляров. Это там, где в конце произведения происходит «апофигей» — демонстрация на Красной площади, «Нина Георгиевна смотрела на Сталина; он улыбался...».

В «Оттепели» Сталин не улыбается. В этой, в сущности, слабой повести, но по-ремесленному мастерски сделанной в жанре производственной драмы, улыбаются люди. Тиран только умер, а у Эренбурга они улыбаются. Плачут. Страдают от запретной любви. Мучаются от собственного приспосабливания.

в самых разных странах, где есть только временные дома и где существование библиотеки, которая складывается годами, — ну просто нереально, увы.

Кстати, многие мои ровесники, нынче живущие за границей, говорили мне именно об этом: что испытывают огромный дефицит именно бумажных книг, что им очень не хватает их домашней библиотеки, что они скучают о ней и даже страдают без нее.

Найти «по памяти», почти с закрытыми глазами нужную книгу, раскрыть на нужной странице, вспомнить точный порядок слов, найти ключевую цитату — как без этого жить? Как жить без этих обложек и этих закладок?

Тяжелый вопрос. Но оптимистическая сторона дела в том, что вся эта ситуация проявила истинное значение домашних библиотек — как фундаментальных факторов бытия.

А значит, будущее у них все-таки есть.

Борис **Минаев**

Тающий снег...

Заводской персонал состоит из людей со сложными характерами — они постоянно творят, выдумывают, пробуют и зверски ссорятся.

Еще не пожелтела бумага с доносом Лидии Тимашук на врачей-убийц, а у Эренбурга Вера Григорьевна Шерер, врач-еврейка, положительный и мятущийся персонаж, вдруг остается на ночь у любимого человека, которому 58 лет и у которого дочь за границей. Больше того, герои Эренбурга успели прочитать роман Василия Гроссмана — явным образом имеется в виду «За правое дело». В конце повести значится — 1953—1955. Значит, Эренбург что-то дописывал после журнальной публикации, возможно, как раз про Гроссмана, тихо, в полстроки, почти контрабандой и дописал.

А один из героев «Оттепели», Евгений Владимирович Соколовский, главный конструктор (здоровье не бережет, в любви к докторше признаться боится), говорит о времени, которое, как считают 29% сегодняшних россиян, принесло «больше плохого, чем хорошего», а 23% убеждены, что «не принесло ничего особенного», ключевые слова: «Выпрямились люди». В мемуарах «Люди. Годы. Жизнь» Эренбург вспоминает, как весной 1956 года к нему пришел студент Шура Анисимов и сказал: «Знаете, сейчас происходит удивительное — все спорят, скажу больше — решительно все начали думать...»

Выпрямились и начали думать. То есть в терминах нашего нынешнего карикатурного пародийного языка, которым вдруг заговорила нация, — встали с колен. Не тогда, когда захотели обратно в пропахший «Герцеговиной флор» уют сталинской шинели, а тогда, когда почувствовали запах оттепели, пахнувшего огурцом тающего снега, перестали стесняться рефлексии и начали обретать человеческие чувства.

И этой повести — осторожной и почти проходной — было достаточно, чтобы ее название дало имя целой эпохе, одной из самых продуктивных в истории страны.

И все потому, что таким чутким и перезревшим было ожидание перемен.

Сейчас перемен если и ждут, то все равно гонят из реальной жизни и, что хуже, из голов и душ. В этом принципиальное отличие той эпохи от сегодняшней.

Но в монолите иногда очень быстро обнаруживаются зазоры и трещины. А власть, представлявшаяся прочной, далекой, сработанной на века, как сталинский дом, при ближайшем рассмотрении оказывалась трухлявой.

Наверное, не мне одному выдающийся художник Борис Иосифович Жутовский, сначала обруганный Хрущевым, а потом сблизившийся с ним, рассказывал историю про то, как чуть ли не на следующий день после смерти Сталина он отправился на лыжах посмотреть на ближнюю дачу вождя в Волынском — поскольку жил неподалеку. В заборе этой, в сущности, главной после Кремля географической точки страны зияла здоровенная дыра, через которую можно было легко проникнуть в святая святых: «Тихо, никого нет — охранная будка с выбитыми стеклами... И только одна тетка выходит в ватнике, в валенках, с ведром и идет к речке полоскать тряпки».

Сказано же — оттепель...

Post scriptum. Слякоть вместо оттепели. С последующими заморозками

В середине десятых годов нашего столетия вдруг слово «оттепель» вернулось в словарь повседневности. Как выяснилось, временно... Стоило только в те годы кому-нибудь в Кремле чихнуть со всей неопределенностью и двусмысленностью очередного «сигнала», как сразу все начинают беспокоиться: «Неужели оттепель?»

И вот уже пришедший в Кремль на пост политического манипулятора Кириенко предстал в облике человека, который чуть ли не XX съезд готовит, а стратегии Кудрина ждали, как нового, но слегка задержанного Главлитом номера «Нового мира» Твардовского. А там, глядишь, обнаружится «Один день Ивана Денисовича»... В Третьяковке на Крымском Валу и Музее Москвы прошли грандиозные выставки об оттепели. Выставка в ГМИИ. Откуда в то время взялся этот внезапный интерес, который потом пропал?

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Объяснение простое: зависть.

А пропал этот интерес из-за безнадежности и бесперспективности жизни в беспрецедентных обстоятельствах двадцатых годов XXI века.

Те, кто устал от агрессии и ненависти, схожих со временами борьбы с космополитами, от ностальгии по Сталину, завидовали и завидуют той эпохе, когда этого не было. Во всяком случае, романтизированному образу той эпохи, которая ведь и в самом деле была уникальной в истории страны.

Тогда в известном смысле тоже было единство, но только не на основе строительства осажденной крепости, а, напротив, некоторого размывания ее фундамента. Сейчас Сталина вносят в массовое сознание как одну из «скреп», как один из исторических «якорей» для «правильного» понимания, что такое хорошо, а что такое плохо, а в 1960-е его выносили — и из мавзолея, и из мозгов.

Тогдашний политический режим тоже цеплялся за прошлое, но не за темные его страницы, а за те, которые были серые, — романтизировал и обелял. Тогдашним «мейнстримовским» коммунистам, в отличие от нынешних, у которых ничего, кроме Сталина и одновременно крестного знамения, не осталось, и в голову

бы не пришло обложить цветами могилу вурдалака.

Никто не носился с фиктивным примирением «красных» и «белых» — власть четко заявляла, на чьей она стороне. Но «красные» были этикие добрые рыцари, и у них имелись идеалы, а не скрепы (если, конечно, не иметь в виду прочную марксистско-ленинскую основу, но она оставалась декорацией, а кто же всерьез обращает внимание на фон). Скрепа — это о прошлом. Идеал — это о будущем. Оттепель была большой чисткой идеалов, но для того, чтобы двигаться вперед, а не самосохраняться, отливаясь в граните и отстреливаясь от всего мира.

Сейчас же провонявшие сырým сараем скрепы извлекают из подвалов имперской истории, чтобы изготовить из них хоругвь и с песнопениями двигаться как можно дальше назад — приблизительно во времена опричнины, но с айфонами и телевизионными тарелками, чтобы в любой глухомани принимать сигнал федеральных каналов.

Пиар хрущевской эпохи оказался очень удачным — объявить часть истории хорошей, противопоставив ее плохой, и назвать себя прямыми наследниками хорошего — особенно революции и Великой войны: это стратегия win-win.

Но при этом оттепель могла похвастаться реальными достижениями — не прошлого, а настоящего. Полет Гагарина и сегодняшним общественным мнением оценивается как одно из величайших достижений в истории страны. Но ведь он почти совпал с передачей Крыма! Как же одно вяжется с другим?

Да, Хрущев орал на художников-«абстракционистов» и шельмовал молодых поэтов и писателей. Но что это были за «абстракционисты», какого запредельного уровня! И какие это были поэты и писатели — их же можно читать и сегодня: даже тот же ранний, адаптированный к коммунизму Аксенов несравним ни с чем из того, что производится сейчас.

Еще раз: речь не о конкретно-исторических обстоятельствах хрущевской версии социализма, авторитарной с сохраняющимися элементами тоталитаризма, а о духе эпохи.

Тающий снег...

Слякоть вместо оттепели...

Негласный контракт сработал: одни соглашались на очищенный и романтизированный социализм без Сталина, но с Лениным (с этого, кстати, начинался ремейк оттепели — горбачевская перестройка), а другие допускали некоторое расширение степеней свободы. И этого оказалось достаточно для того, чтобы изменились настроения, возникли фено-

менального уровня для подцензурных обстоятельств литература, искусство, кино, театр. Возник культ науки, и интерес к Западу формировался через внимание к его научным успехам.

У этой эпохи был стиль. Люди даже одеваться старались не так скучно и коряво, как в 1970-е и 1980-е. У этой эпохи была... эстрада. И на том месте, где сейчас штырем торчит невыносимая агрессивнo-самоупоенная пошлость, у шестидесятичной попсы обнаруживались наивность и, если угодно, нежность. Та самая, из песни. Массовая песня дала язык, которым можно было говорить не о Ленине, а о нормальных человеческих чувствах. Пьеха пела с иностранным акцентом, Кристалинская проникла в душу — «он прошел и не заметил», Мондрус оголяла плечи и ноги до колен и, страшно сказать, при этом имела голос!

Физики, лирики, Гагарин, «голубые огоньки» с космонавтами и даже обещанный в программе партии 1961 года коммунизм составляли, если угодно, позитивную программу для мейнстримовского большинства и быстро росшего городского среднего класса, переселявшегося в маленькие, но отдельные квартиры, территорию частной жизни.

Шестидесятые дали мечту. Мягкая, а не жесткая сила составляла конкурентное

преимущество оттепели, притом что жесткой силой власть пользовалась неумело, едва не подняв на воздух весь мир во время Карибского кризиса.

При этом режим мог чувствовать себя в полной безопасности: большинство разделяло базовые идеологические принципы. Но только потому, что они казались органичными этому типу общества. Да, атомная бомба нужна. Но для ядерного сдерживания.

Все это примиряло людей с режимом. До поры до времени — пока он не впал в спячку после 1968-го. Тогда уже процесс примирения продолжался не на основе единства идеалов, а на лицемерии, взаимном обмане и равнодушии. Что и взорвало империю изнутри — цинизм как всеобщая конвенция сметонировал сильнее, чем рухнувшие цены на нефть и милитаризация экономики. Ведь развал империй и режимов происходит, прежде всего, в головах.

Вот мы и завидуем — тайно и явно — шестидесятым. Их достижениям, их обращенности в будущее, ощущению исторической (и моральной!) правоты, мягкой силе, согласию людей с самими собой и — до некоторой степени — даже с властью. Их романтизму, наивности и доброте.

И это, если угодно, наша контрпамять, которую мы противопоставляем сталинизированному официозу. У них — Сталин, у нас — шестидесятые, тем более что они существуют в живой памяти, и пластинка с какой-нибудь «Гуантанамерой» наворачивает свои круги перед внутренним — детским — зрением, просмотр же черно-белого данилевского или хуциевского кино — это не отстраненное наблюдение за чужой эпохой, а узнавание.

Официозная память гордится чем угодно, только не духом шестидесятых. Ей неприятно, что это был короткий период, когда нация действительно была в известном смысле единой, а держава — по крайней мере, по общему ощущению — великой.

Карикатуре всегда неприятен подлинник. Слякоть твердо знает, что она не оттепель. И так получается, что она переходит в заморозки.

Кадр из фильма «Застава Ильича» Марлена Хуциева. 1964 год

The New Yorker

Томас Манн

Споры о Германии и моральные ловушки

Как ни странно, Томас Манн ассоциируется у меня с брежневским временем. О существовании Манна я узнал в раннем подростковом возрасте, потому что родители часто вывозили меня летом на Куршскую косу, а там мы неизменно посещали библиотеку, располагавшуюся в доме писателя, вполне себе разрешенного и чтимого в СССР. И переводившегося классиком в своей профессии — Соломоном

Аптом. На обширной террасе, которая использовалась как читальня, можно было, накинув на себя кофту, чтобы уберечься от ветра с залива, располагаться всерьез и надолго, время от времени бросая взгляд на небесное жидкое золото, окутывающее сосны. Именно там родители вели неравный бой с голубыми томами «Иосифа и его братьев». А я всерьез прочитал его уже только в весьма зрелом возрасте. Правда, больше, чем романы Манна, меня увлекали его письма.

«Иногда вспоминаешь, что воюешь с Гитлером как-никак дольше, чем Америка», — заметил в 1942 году Томас Манн, одновременно и благодарный Штатам за то, что они его приютили, и слегка обиженный на то, что формально он оказался в статусе enemy alien, союзника врага. То есть — этническим немцем. А статус этот распространялся на всех немцев, итальянцев, японцев вне зависимости от того, боролись они с нацистским режимом или нет.

Отсюда и грустное недоумение нобелевского лауреата, который подписался под письмом, которое направили Франклину Рузвельту антифашисты в эмиграции — от Альберта Эйнштейна до Артуро Тосканини, — призывая провести черту между потенциальными врагами американской демократии и «жертвами и заклятыми врагами фашизма».

Споры о Германии...

Как это все томительно напоминает наши сегодняшние дискуссии по поводу того, заслуживаем ли мы, те, кто имеет российское гражданство, запрета на получение шенгенских виз, и как распознать сторонников режима, его противников и равнодушную массу, которой, по большому счету, все равно, что происходит в стране и в мире.

Томас Манн — великий писатель и очень умный человек с обостренным нравственным чувством. Но и он, как и мы все сегодня, метался между любовью к Германии и ненавистью к тому режиму, который был установлен в этой стране на двенадцать лет и лишил его родины. Все повторяется, и Манн спорил со своими корреспондентами и даже с самим собой — причем в связи с теми же сюжетами, которые возникают в дискуссиях сегодня.

Отмена культуры и языка

В ноябре 1938-го, уже находясь в Штатах, куда он переехал, приняв приглашение Принстонского университета (точно так же, как сегодня выручают некоторых, но очень немногих *scholars at risk*, «ученых в опасности»), Манн отвечает на письмо профессора германистики одного из американских колледжей Анны Джейкобсон. Ее студентки отказывались изучать культуру и язык страны, которая несла миру человеконенавистнические идеологию и войну. «Америке делает честь, что это отвращение и возмущение здесь так сильны», — начинает ответное письмо писатель. Однако замечает, что отвращение к политическому режиму не следует переносить на немецкую культуру, которая «тут совсем ни при чем».

Манн еще поменяет свою точку зрения, но пока разясняет: «Не надо же забывать, что большая часть немецкого народа живет в вынужденно немой и мучительной

оппозиции к национал-социалистическому режиму и что ужасные преступления, происшедшие там в последние недели, отнюдь нельзя считать делом рук народа». Антисемитизм — «дело исключительно правящей верхушки». Западноевропейские державы проводили близорукую политику по отношению к национал-социалистическому режиму и развязали ему руки. Немецкая же культура — одна из самых богатых и значительных в мире, и когда немецкий народ «покончит» со своими правителями, которые позорят его, эта культура еще принесет свои плоды. «Ужасы нашей растерянной современности» — не повод отказываться от изучения культуры и языка.

Германия злая и Германия добрая

Итак, режим не следует отождествлять с культурой и языком нации. Но и народ не следует отождествлять с его вождем, установившим специфический режим со специфической идеологией. В 1942 году Томас Манн отказался возглавить кампанию по сбору средств на американский бомбардировщик. Возмездие Германии заслуженное, и он даже стоически считает справедливыми бомбежки родного Любека, места действия «Будденброков», но не готов лично соучаствовать в военном ответе.

В 1943-м в Библиотеке Конгресса и в Колумбийском университете Манн прочитал доклад «Новый гуманизм», в котором призывал не отождествлять понятия «немецкий» и «нацистский»: «Не Германию и не немецкий народ надо уничтожить и стерилизовать, а уничтожить надо отягощенную виной комбинацию власти юнкерства, военщины и тяжелой промышленности, ответственную за две мировые войны».

В мае 1945-го он снова оказался в Библиотеке Конгресса с докладом «Германия и немцы», где уже совсем не столь уверенно отделял немцев от их павшего только что режима, и говорил о том,

что трудно разделять Германию на добрую и злую, потому что «злая Германия — это и есть добрая, пошедшая по ложному пути». И потому «для человека, родившегося немцем, невозможно начисто отречься от злой Германии, отягощенной исторической виной».

Конформизм и руины

К Манну апеллируют немцы. Один из них, писатель Вальтер фон Моло, прошедший годы войны в Германии во «внутренней эмиграции», обратился к выдающемуся соотечественнику в открытом письме с призывом вернуться в Германию и помогать ей «советом и делом». Манна все время о чем-то просили — собрать деньги на бомбардировщик, возглавить комитет по восстановлению демократии на родине, хлопотать перед оккупационными властями за коллаборациониста, который себя таковым не считает... Но это письмо хорошо известно ему писателю, критиковавшего тех, кто уехал из Германии в годы национал-социализма, вывело нобелевского лауреата из себя — и 7 сентября 1945-го он ответил со всей возможной страстностью.

Манн пишет о своем настороженном отношении к Германии. Той Германии, которая травила его, способствовала утрате «привычного уклада жизни, дома, страны, книг, памятных мест и имущества», сопровождавшейся «постыдной кампанией отлучений и отречений». И далее — о главном, о всеобщем конформизме, который привел к тому, что режим утвердил себя в Германии: «Если бы немецкая интеллигенция, если бы все люди с именами и мировыми именами — врачи, музыканты, педагоги, писатели, художники — единодушно выступили тогда против этого позора, если бы они объявили всеобщую забастовку, многое произошло бы не так, как произошло». И далее: «Непозволительно, невозможно было заниматься «культурой» в Германии, покуда кругом творилось то, о чем мы знаем. Это означало прикрашивать деградацию, украшать преступление». Эту мысль он повторит в одном из писем 1946 года — горе и стыд он испытывает по поводу «ужасного, бессердечного и безмозглого провала немецкой интеллигенции на экзамене, которому она подверглась в 1933 году». Это из письма Гансу Блунку, председателю Имперской палаты по делам печати при Гитлере, за которого Манн отказался ходатайствовать перед оккупационными властями. Немецкая интеллигенция, продолжал писатель в письме этому коллаборационисту 22 июля 1946 года, «должна сделать много великого, чтобы это забылось».

Архив

Аналогичным образом тогда думала Ханна Арендт, которая, после всего того, что она испытала в Германии, утратила веру в тот слой, который Манн назвал «немецкой интеллигенцией». В интервью западногерманскому телевидению в 1964 году она вспоминала, как в национал-социалистической Германии вокруг нее — «в любом случае, не под давлением террора» — образовался вакуум. Это был тот самый Gleichschaltung — добровольно-принудительное подчинение устанавливаемым сверху правилам, та эпидемия конформизма и казарменной верноподданности. Арендт говорила о том, что никто не обвинял тех, кто приспособился из заботы «о своей жене и ребенке»: «Хуже всего то, что некоторые люди действительно верили в нацизм!» Веру в национал-социализм она потом простила своему бывшему возлюбленному Мартину Хайдеггеру, хотя в эссе 1946 года «Образ ада» назвала его среди тех, кто фабриковал действительность и снабжал нацистов «идеями и методами» («Хайдеггер сделал нацизм respectable среди университетской элиты»), но не простила немецким интеллектуалам как таковым. А вот как происходило их приспособление и падение, превосходным образом на примере артистической среды показал сын Томаса Манна Клаус Манн в своем романе «Мефистофель», который был написан еще в 1936 году.

...Манн продолжал в упомянутом письме 1945 года объясняться с коллегой фон Моло: он благодарен Штатам, стране, его приютившей: «...у меня подрастают внуки, говорящие по-английски». Ему хочется довести труд своей жизни «в атмосфере могущества, разума, изобилия и мира». Кроме того, «не скрываю, что боюсь немецких руин — каменных и человеческих».

И в то же время: «Довольно разговоров о конце немецкой истории! Германия не равнозначна тому короткому и мрачному эпизоду, который носит имя Гитлера... Пусть Германия вытравит из себя спесь и ненависть, и ее полюбят». В этом же письме весьма точно и прозорливо Манн предсказывает характер послевоенного восстановления западного мира — наступление эры глобализации с «уменьшением роли политических границ». Он верил, что Германия способна вписаться в этот процесс. И, в сущности, не прогадал. Хотя разочарования на этом не закончились.

Европейская Германия

Март 1947-го. Снова его зовут в Германию, в Мюнхен. Он пишет письмо младшему брату Виктору, который в годы

войны остался в Германии и работал советником по сельскому хозяйству в структурах вермахта. Старший брат выражает опасения в связи с возникающей в стране атмосферой, ссылаясь на мнение, согласно которому, приди Гитлер сейчас к власти, «60, а то и 80% народа встретили бы его возгласами «ура». Неужели мне ходить по Мюнхену с охраной, спрашивает Томас у Виктора. «А что надо, что можно сказать немцам, если они чувствительны, как мимоза, испуганы, изранены, предельно раздражены?»

Это психологический диагноз, поставленный нации, которая должна нести коллективную ответственность, но совершенно не собирается этого делать. Манн пишет брату: «Немцы, в сущности, не хотят давать в обиду своей Третьей империи. Значит, говорить только о будущем! Но ведь оно покрыто сплошным мраком».

И тем не менее в 1949-м он совершит первую поездку в Германию. И уже в 1950-м Манн в письме (от 21 ноября 1950 года) книготорговцу Мартину Флинкеру станет мечтать о Европе «лучших немцев, которые хотят европейской Германии, а не германской Европы» — безукоризненная формула, которой можно описать определенный слой в российском обществе, «европейских русских», которые мучаются совестью и проблемой коллективной ответственности, ругаются между собой по поводу того, где должен оставаться «хороший русский» — за границей или в России.

...И в том же году в письме писателю Эмилю Бельцнеру (24 мая 1950-го) — оптимистическое: «Германии нужно время, сосредоточенность, раздумье, мир, чтобы после ужасных нравственных сумятиц и разрушений прийти к самой себе». А в январе 1951-го, в письме Агнес Мейер, журналистке и матери ставшей впоследствии легендарной хозяйки The Washington Post Кэтрин Грэхем, Манн ругает Конрада Аденауэра и восхищается бастующими немецкими рабочими: «Благословенна страна, где рабочие думают не только о заработной плате, но добиваются «права участвовать в государственной жизни» и завоевывают его!» Практически счастливый конец.

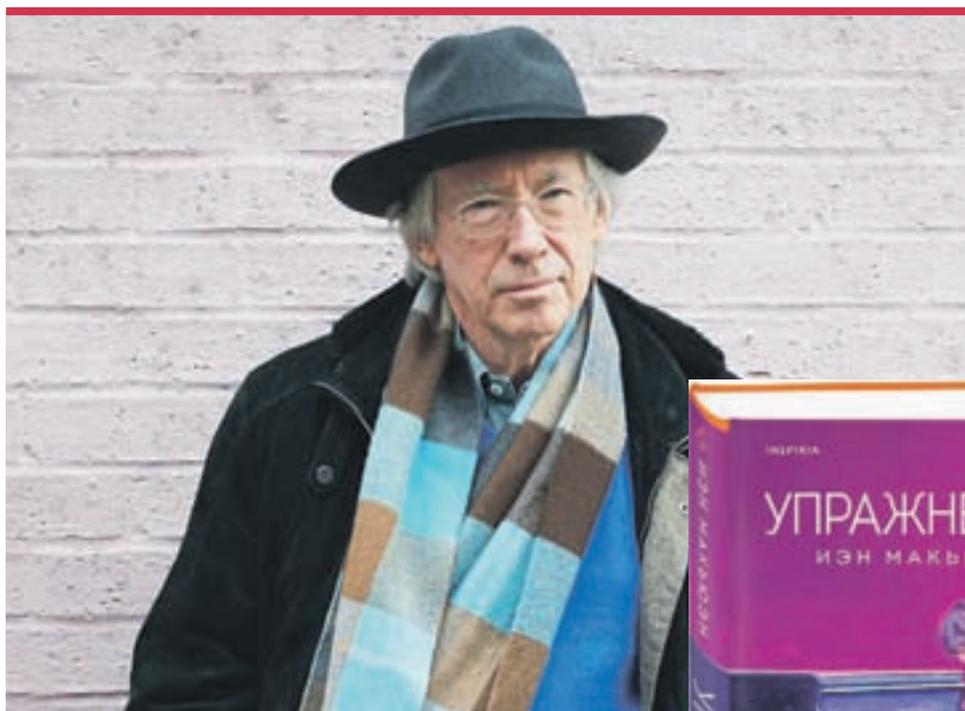
История показывает, что наши сегодняшние споры — результат растерянности и отчаяния, не уникальны. История показывает, что она, увы, повторяется. Как и ее уроки, которые никто никогда не желает учить. Каждое поколение учится не собственных ошибках. Выход, наверное, есть. Однако Германии понадобились «время, сосредоточенность, раздумье, мир». Все это понадобится и России.

Андрей Колесников*

* Признан Минюстом РФ «иноагентом».

Две не схожие между собой — как российская и английская действительности — семейные истории ведут читателя к открытиям, значимым для каждого, полагает критик и писатель **Майя КУЧЕРСКАЯ**

Прыжок из петли

The Observer

Иэн Макьюэн. Упражнения. М.: Inspiria, 2024

Один из самых именитых и титулованных британских авторов Иэн Макьюэн выпустил роман о себе и своем поколении. В русском переводе он опубликован под заглавием «Упражнения», в оригинале — Lessons. Кто здесь учится и что это за школа?

Предсказуемо — жизненная, в учениках Роланд Бейнс, судьба которого и в самом деле напоминает то ли цепь учебных упражнений, то ли череду уроков, которые получает он, вечный студент.

Все начинается с уроков музыки — в совсем юного и музыкально одаренного Роланда влюбляется его преподавательница по музыке Мириам Корнелл. Именно она дает любимому первые уроки игры на фортепьяно, а затем посвящает его в науку любовной страсти. Роланду — четырнад-

цать, до домика возлюбленной он мчится после уроков в школе-интернате на велике. Но учительницу это не смущает. Она желает лишь одного: Роланд должен поселиться у нее навеки, бросить школу и тихо ждать ее дома в пижаме. Два года спустя Мириам требует, чтобы он женился на ней. У Роланда достает сил на разрыв, и он уезжает под аккомпанемент восклицаний Мириам: «Остаток жизни ты проведешь в поисках того, что у тебя было в этом доме». Так оно, конечно, и получилось, хотя, к счастью, не до конца.

Роланд действительно нашел себе пару лишь двадцать лет спустя, умную волевою Алису. Но здесь его подстерегает новая драма: Алиса сбегает из недавно купленного дома, бросив мужа вместе с их семимесяч-

ным сыном. Алиса исчезает настолько бесследно, что Роланда подозревают в убийстве до тех пор, пока от беглянки не приходят открытки о том, как ей больно, но что иначе было нельзя.

Отношения с Мириам и Алисой определяют направление пути Роланда. Он послушно движется по жизни в поисках наслаждений, открывшихся ему с первой, а затем пытаюсь разобраться, что привело к побегу второй.

Эта объемная, медленная, рассказанная бархатным голосом большого литературного мастера история — безупречна и в стилистическом и в композиционном отношении, несмотря на то что раскрыта на не выстроенные хронологически эпизоды. Действие разворачивается в декорациях европейской истории второй половины XX века: одна главка посвящена группе «Белая роза», сопротивлявшейся нацизму в Германии, другая — раннему детству Роланда, который, как и Макьюэн когда-то, в 1950-е, живет с родителями на военных базах Ливии. Актуальные политические новости фонят и дальше: Карибский кризис, давление на инакомыслящих в ГДР, разрушение Берлинской стены, Брексит, и так вплоть до третьего ковидного локдауна 2021 года.

Роланд понимает, что его поколению, явившемуся на свет в конце 1940-х, повезло. И им всем, и ему лично «посчастливилось возлечь на ласковых коленях истории, упиваться удачным периодом мирного времени, съесть все лакомые кусочки». Ни бомбежек, ни разрухи, ни арестов. Только вот ни от чего это Роланда не спасло. Судьба его все равно обернулась многоактной драмой, постепенным проигрышем собственной жизни и превращением всех золотых слитков выданных ему талантов в пыль.

Роланд одарен музыкально, ему прочат великое будущее, он пишет стихи, их публикуют лучшие журналы. Но ни пианистом, ни поэтом он так и не стал, ни одной профессией не овладел до конца, сделался

вечным скитальцем. То он тапер, то фотограф, то тренер по теннису, то составитель рифмованных поздравительных посланий на открытках, что и принесло ему и сыну финансовое благополучие. Понятно, в его глазах это выглядит как саркастическая насмешка над его «настоящими» стихотворениями, которые когда-то публиковали лучшие литературные журналы.

Роланд оказывается посредственностью, и, похоже, Алиса сбежала именно поэтому.

Она, кстати, стала «величайшей романисткой», как с восторгом аттестовали ее критики, сочинила множество великолепных книг. Вот только стоили ли эти книги страданий ее осиротевшего сына и мужа?

Макьюэн не дает ответа. Кроме одного: это — жизнь, детка. Все мы исполняем свои гаммы, спотыкаемся, ошибаемся, раздраженно хлопаем крышкой, а когда наконец способны извлечь из полученных уроков пользу, оказывается слишком поздно. Впору зарыдать, но погодите, на самом деле это одна из самых оптимистичных книг Макьюэна. Потому что она о возможности прощения практически для любого. И охваченной болезненной страстью Мириам, и нашедшей свое истинное призвание Алисы, которым автор в конце концов тоже дает слово, и, конечно, для Роланда. «Упражнения» — роман о возможности счастья и для победителей, и для проигравших.

На последних страницах Роланд нежно беседует с внучкой, и испытывает блаженство. Жизнь оказывается оправданна, просто потому, что она была.

**Анастасия
Максимова.**

**Дети в гараже
моего папы.**

**М.: Альпина
нон-фикшн, 2024**

Вряд ли герой Иэна Макьюэна осознавал, что он счастливчик еще и потому, что прожил свою пусть и непутевую жизнь в пространстве политической свободы, открытых границ, возможности перемещаться из страны в страну. Жизнь вокруг была не только свободной, но и нормальной.

Анастасия Максимова, прежде писавшая подростковое фэнтези под псевдонимом Уна Харт, в своей новой книге исследует аномалию.

Протагонист ее на этот раз совершенно реалистического романа «Дети в гараже мо-

realnoevremya.ru

его папы» 16-летний Егор проходит совершенно иную, чем Роланд Бейнс, жизненную школу.

В первой же сцене романа Егор застает дома полицейских. И не сомневается: это за ним, он ведь вчера повесил белую ленточку на забор школы, на дворе 2012 год. Вскоре выясняется: пришли за его отцом, как предполагает Егор, тоже за тайный протест против режима. Папа, в прошлом тренер по плаванию, теперь мелкий бизнесмен, уже немолод, болен, почти немощен. Никем, кроме героя, он быть не может. Но сейчас он в наручниках, едва стоит, его очень жалко.

Однако его обвиняют в убийстве пропавшей семилетней Тани Галушкиной. А затем еще нескольких детей. И гараж недаром вынесен в заглавие.

Егор ни в чем не виноват. Как и его мать и его старшая сестра Лена. Но его не переводят в десятый класс, бьют одноклассники, вытесняют из школы. Дверь их квартиры мажут дерьмом, в соцсетях в их адрес сыплются угрозы с указанием адреса прописки. Семья насильника совершенно не

ведала, чем он занимался, но ее дом хотят разгромить неизвестные мстители.

Егор пускается в путешествие длиной в десять лет, шаг за шагом пытаюсь принять невозможную, непереносимую правду: его папа — педофил и маньяк, повинный в смерти, по крайней мере, нескольких детей. Егор ни в чем не виноват, но ощущает себя причастным к злодеяниям. Потому что это папа.

«Сколько добрых дел перекроет пятирх мертвых детей? И почему ты их должен перекрывать?» Егор записывается в отряд «Лиза Алерт» и пытается попросить прощения у родственников убитых.

Анастасия Максимова пронизательно и точно анализирует не только переживания Егора, но и, что не менее ценно, реакцию окружающих на происходящее. В глазах социума преступник и его близкие сливаются в одно. Понять, что семья — такая же жертва, как и несчастные убитые дети, не в состоянии почти никто. Осознать, что помогать ей необходимо не пустыми советами, а делом — деньгами, помощью с переездом и хотя бы прощением — ни один не в силах.

Жуткая история о серийном маньяке оборачивается художественным исследованием механизмов зла и его разрушительного воздействия на мир, описанием психологии заложников, улюлюкающей толпы и, наконец, возможностей все-таки выпрыгнуть из затягивающейся петли на свободу. В общем, вы поняли: перед нами талантливо и профессионально написанная, жесткая и исключительно злободневная притча.

Майя Кучерская

Соцсети

АМС Правобережного района РСО-Алания

Вячеслав ПРОКОФЬЕВ / ТАСС

Стрингер / ТАСС

Артем УСТЮЖАНИН / MSK1.RU

TOPEN
CORBY